

Лидия ИВЧЕНКО

БОРОДИНО

ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Ли́дия Ивче́нко

БОРОДИНО

ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

МОСКВА • Издательский центр «ЭКСПРИНТ» • 2002

УДК 947
ББК 63.3(0)4
К 38

Научное редактирование, иллюстративный ряд:

А. Валькович

Дизайн, верстка, обработка иллюстраций:

В. Передерий

Руководитель издательской группы:

А. Дучицкий

Руководитель проекта:

А. Егоров

Обложка:

Атака Лейб-Гвардии Литовского полка в Бородинском сражении. *Художник Н.С. Самокиш. 1912.* Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник.

И 38 **Ивченко Лидия Леонидовна.**

Бородино. Легенда и действительность. — М.: ООО «Издательский центр «Экспринт», 2002. — 88 с., ил.
ISBN 5-94038-035-2

Книга посвящена одной из величайших битв мировой истории. Образы героев Бородинского сражения, их подвиги овеяны легендами, где правду часто подменяет вымысел. Автор предлагает по новому взглянуть на планы русского командования при Бородине, хронологию битвы, характеры и взаимоотношения известных военачальников. Издание иллюстрировано портретами, батальными сценами, типажам солдат и офицеров противоборствующих армий.

ISBN 5-94038-035-2

УДК 947
ББК 63.3(0)4

- © Л.Ивченко (текст), 2002
- © А.Валькович (научное редактирование, иллюстративный ряд), 2002
- © Гос. Бородинский военно-исторический музей-заповедник (иллюстрации), 2002
- © Музей-панорама «Бородинская битва» (иллюстрации), 2002
- © Издательский центр «Экспринт», 2002

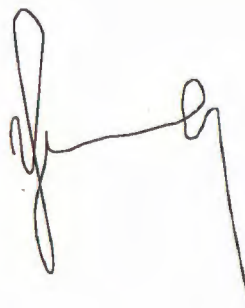
ООО «Издательский центр «Экспринт».
Лицензия ИД № 01511 от 14.04.00. 121552, Москва, ул. Ярцевская, 30.
Тел. 141-8312, 141-7377
<http://www.m-hobby.df.ru> E-mail: Ex.Print@g23.relcom.ru

Уважаемые читатели!

Перед Вами книга, посвященная Бородинскому сражению, одному из самых героических событий в истории России. В то же время битва при Бородине – величайшее военное столкновение не только в Отечественной войне 1812 года, но и в истории мировых войн. Интерес к этому далекому, но незабываемому событию сохраняется и по сей день. Ежегодно на Бородинское поле приезжают тысячи людей, чтобы вновь прикоснуться к истории, увидеть памятники, отметившие места былых боев. «Битва гигантов» до сих пор привлекает пристальное внимание исследователей, стремящихся полнее изучить события достопамятного дня – 26 августа 1812 года. *«Все было испытано в сей день, до чего может возвыситься достоинство человека»*, – вспоминал прославленный герой Бородина генерал А.П.Ермолов.

Отдать дань уважения предкам – священный долг их потомков. Л.Л.Ивченко в течение нескольких лет работала в Бородинском музее, состоит членом его Ученого совета, более 20 лет посвятила изучению истории Отечественной войны 1812 года, являясь автором многочисленных статей по этой теме. Ее книга «Бородино. Легенда и действительность» обращает читателя к эпизодам великой битвы, позволяет взглянуть на них по-новому, благодаря использованию архивных документов, писем, дневников и воспоминаний участников сражения, помогает представить характер, мысли и чувства «людей 12-го года».

Директор Государственного
Бородинского военно-исторического
музея-заповедника
Заслуженный работник
культуры Российской Федерации

А.Д.Качалова

Введение

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ОШИБКИ

Бородинское сражение, которое М.И.Кутузов назвал «вечным памятником мужества» российских воинов, а Наполеон признал «битвой гигантов», по праву можно причислить к значительнейшим событиям не только Отечественной войны 1812 года, но и целой эпохи, получившей в Европе наименование «десятилетие большой крови».

Некоторые участники сражения, подобно офицеру И.П.Липранди, вообще не верили в возможность воссоздания хронологии битвы, объясняя ошибки в исторических сочинениях К.Ф.Толя, Д.П.Бутурлина, А.И.Михайловского-Данилевского необъятным масштабом военного столкновения.

Кроме стремления «объять необъятное» в русской историографии существовала проблема другого рода: искажение в описаниях допускались сознательно, с целью исправить на бумаге то, что не удалось на поле боя. Сейчас представляется уже вполне очевидным то, что первое поколение отечественных историков, не только изучавших документы, касающиеся Бородина, но и опиравшиеся памятью на личные воспоминания или рассказы очевидцев, сознательно допускало неточности в описании битвы. Можно сказать, что они были слишком близки к самому событию или к его участникам, чтобы судить обо всем беспристрастно и беспристрастно. Это относится к Бутурлину, Михайловскому-Данилевскому и Липранди, безоговорочно положившим в основу описания «битвы гигантов» реляцию Кутузова Александру I о Бородинском сражении и «Описание сражения при селе Бородине...», опубликованное в 1822 году в журнале «Отечественные записки». У обоих источников один и тот же автор – бывший генерал-квартирмейстер Главного штаба Кутузова К.Ф.Толь. В 1816 году он закончил работу над документальным описанием кампании 1812 года, положенным затем в основу сочинения Бутурлина, прикомандированного к Толю для перевода иностранных документов.

В первых же трудах явственно видна «Ахиллесова пята» всех сочинений о Бородинской битве: путаница в определении времени и последовательности двух основных событий – ранения генерала Багратиона и

первой атаки французов на центр русской позиции – батарею Раевского. Без внесения ясности в этот вопрос нарушена логическая связь всей хронологии битвы, а распоряжения русского и французского командования становятся необъяснимыми.

Ранение Багратиона историки относят к полудню, однако свидетельства очевидцев с самого начала позволяли в этом усомниться. Все они утверждали, что военачальник выбыл из строя до начала атаки на батарею Раевского, независимо от того, каким временем они определяли последнее событие. Большинство прямо или косвенно указывало на то, что высота в центре была атакована с раннего утра в 9.00-10.00. Это же время названо во всех источниках неприятельской армии (французских, немецких, польских). Только генерал Ермолов, возглавивший контратаку на батарею Раевского, почему-то указал в рапорте другое время – полдень.

Ошибка в рапорте Ермолова очевидна. Историки уверенно корректируют его свидетельство в том, что касается атаки на батарею. Но следовало обратить внимание и на другое обстоятельство: генерал проезжал мимо центра позиции, направляясь на левый фланг по случаю ранения Багратиона. Однако историки делают, на наш взгляд, невероятное: приписав появление Ермолова у батареи случайности, они меняют местами события. Теперь уже атака центра происходит в 9.00, а ранение Багратиона в полдень, что абсолютно не подтверждается никакими другими источниками, кроме упомянутых сочинений Толя. Что заставило его поступить таким образом?

Очевидно, Толь пытался оградить главное командование русской армии от основательных нареканий по поводу неудачного расположения войск накануне битвы, сосредоточенных, в основном, на правом крыле, не подвергшемся серьезному нападению. Кутузов решил перегруппировать войска лишь тогда, когда преимущества неприятеля против нашего левого фланга сделалось очевидным. Резервы опаздывали на помощь войскам 2-й Западной армии, понесшим огромные потери, а гвардия, последний резерв, вступила в сражение уже в начальной его фазе. Известно, что у Кутузова были

основания разместить войска так, а не иначе, и в этом решении не последнюю роль сыграли советы его любимого ученика Толя, которому полководец вполне доверял.

Вследствие именно его усилий незаслуженно пострадала репутация русских военачальников, распоряжения которых выглядят необъяснимыми с точки зрения здравого смысла. Умалается и стойкость русских воинов, оказавшихся в условиях более сложных, чем ожидалось и, главное, чем описано в реляции, составленной Толем от лица Кутузова. Отрешившись от существования этого документа, вновь предоставим слово участникам *«грандиозного побоища в летописях народов»*. Сопоставив свидетельства о том, что они *«видели, чувствовали, пережили»*, попробуем заново выстроить цепь событий. Отдавая должное памяти наших предков, мы постараемся воссоздать полную картину битвы, опираясь на свидетельства ее участников.

Какие цели преследовало русское командование в генеральном сражении, существовало ли у Кутузова твердое намерение защищать Москву, верил ли русский главнокомандующий в возможность выиграть битву и достигнуть перелома в войне? Какие обстоятельства сопутствовали поиску позиции и повлияли на размещение войск? Насколько то и другое позволило реализовать обеим сторонам свои планы в сражении? На эти и многие другие вопросы все еще отсутствуют убедительные ответы. Огромное число ошибок в работах историков содержится в определении хронологии битвы; пос-

ледовательность событий, запечатленных в источниках, не согласуется с укоренившейся историографической традицией. Последнее обстоятельство также нуждается в убедительном объяснении. Актуальность темы не исчерпала себя, несмотря на неоднократное к ней обращение.

Автор выражает благодарность и признательность всем, кто содействовал выходу в свет этой книги: директору Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника А.Д.Качаловой за ее многолетнее участие в моей судьбе и помощь в работе, моим дорогим друзьям и коллегам В.Е.Анфилову, В.П.Бучневой, А.В. и О.В.Горбуновым, Г.Н.Невской, Е.В.Семенищевой, А.А.Суханову, М.Н. и Д.Г.Целорунго; директору музея-панорамы «Бородинская битва» И.А.Николаевой, зам. директора С.В.Львову, сотрудникам И.А.Езерской, Н.Ю.Шведовой, Т.С.Лабзиной, оказавшим неоценимую поддержку в подготовке издания; директору Государственного музея А.С.Пушкина Е.А.Богатыреву, сотрудникам М.А.Ждановой, Н.А.Марченко, Т.В.Майшевой за содействие в работе над книгой. Автору хотелось бы назвать имена коллег с которыми ее связывают долгие годы дружбы и сотрудничества и которых она считает своими соавторами: А.А.Васильева, С.А.Малышкина, А.П.Капитонова, всегда щедро делившихся своими знаниями, не жалея времени на консультации. Особая благодарность – моему лучшему другу А.М.Вальковичу, настоящему профессионалу, и И.Я.Крайвановой – первому наставнику и дорогому человеку.

«...Потерять ли армию или потерять Москву»

Главкомандующий соединенными армиями М.И.Голенищев-Кутузов прекрасно сознавал, с чем связано его внезапное определение на этот пост, чего ожидают от него государь, Россия, Армия. Все это было довольно ясно изложено в рескрипте от 8 августа 1812 года*, которым удостоил император «маститого стража страны державной». Александр I с вежливой настойчивостью указывал Кутузову: «*Настоящее положение военных обстоятельств наших действующих армий хотя и предшествует было начальными успехами, но последствия оных не открывают Мне той быстрой деятельности, с каковою бы надлежало действовать на поражение неприятеля*»¹. Цель перед Кутузовым ставилась вполне конкретная: остановить продвижение торжествующего неприятеля к Москве. Император верил в такую возможность.

Поверил в нее, судя по всему, и предшественник Кутузова военный министр М.Б.Барклай де Толли, сообщая 10 августа московскому генерал-губернатору графу Ф.В.Ростопчину: «*Непременным долгом считаю уведомить Ваше Сиятельство, что после отступления армий из Смоленска, нынешнее положение дел непременно требует, чтоб судьба наша решена была генеральным сражением. Я прежде сего полагал продолжать войну до окончательного составления внутренних ополчений. Все причины доселе воспреотившие давать онаго, ныне уничтожаются. Неприятель слишком близок к сердцу России, и сверх того мы принуждены всеми обстоятельствами взять сию решительную меру, ибо в противном случае армии были подвержены сугубой гибели и бесчестью...*»². В безрадостный день, когда военный министр ставил свою подпись в конце этого письма, мысль «завлечь неприятеля в недра своего Отечества» представлялась ему

одинаково и кощунственной, и погубительной. А.С.Пушкин, изобразив Барклайя в своем стихотворении «Полководец» последовательным сторонником отступления до полного истощения неприятеля, явно переоценил готовность своего героя к подобным жертвам, коль скоро русские армии оказались у стен Москвы.

Многое в исследовании Бородинского сражения связано с неконкретностью, с недоговоренностью в определении замыслов русского командования, без чего трудно судить о степени их реализации. Историки разноречиво определяют конечную цель, иначе говоря, посильную задачу, которую ставил себе в этой битве Кутузов, далеко не всегда посвящавший в свои намерения даже тех лиц, с которыми, в силу их служебного положения, он должен был согласовывать свои действия. На деле же все обстояло иначе. Своеобразие положения Кутузова при Бородине заключалось в том, что его ближайшие сподвижники относились к нему крайне сдержанно, если не сказать враждебно, и далеко не разделяли восторга большей части войск по поводу его назначения. Ни в дореволюционной, ни в советской историографии не принято было особенно вникать в тонкости взаимоотношений высшего генералитета российской армии при Бородине, хотя это обстоятельство существенно повлияло на всю последующую историографию события.

Противоречия между лицами, принадлежащими к высшей военной иерархии, проявлялись в критическом отношении к распоряжениям светлейшего, о чем мы можем судить по дошедшим до нас источникам. Причем и у исполняющего должность начальника Главного штаба Леонтия Леонтиевича Беннигсена, и у Петра Ивановича Багратиона, и у Миха-

¹ Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995. С. 163-164; (далее – Фельдмаршал...).

² Дубровин Н.Ф. 1812 год в письмах современников (1812-1815). СПб., 1882. С. 88-89

³ Записки графа Л.Л.Беннигсена о кампании 1812 года (далее – Беннигсен Л.Л.) // Русская старина. 1909. №. 9. С. 493

ила Богдановича Барклая де Толли, и у его начальника штаба Алексея Петровича Ермолова были на то веские причины. Так, экс-главнокомандующий русскими войсками в кампании 1806-1807 годов генерал от кавалерии Беннигсен в письме генерал-лейтенанту А.Б. Фоку изложил представление о собственной значимости: «Из честолюбия и отчасти из самолюбия, которое всегда должно быть присуще военному, мне было неприятно служить под начальством другого генерала, после того, как я командовал войсками против Наполеона и самых искусных его маршалов...»³. По понятиям того времени у Беннигсена были веские основания недолюбливать Кутузова.

Личность полководца крайне неоднозначно воспринималась современниками, что сказалось и на оценках исследователей. Его либо идеализировали, вознося выше какой бы то ни было критики, либо считали пассивным и безвольным старцем, представлявшим «абстрактный авторитет». Обилие документов, многие из которых регулярно переиздавались из сборника в сборник, от юбилея к юбилею, не сделало Кутузова ни ближе, ни доступней пониманию. В последние годы историки настроены к полководцу явно критически, появился даже очевидный крен в пользу Барклая де Толли. Основываясь, главным образом, на «Объяснительных письмах» последнего и стихотворении Пушкина «Полководец», в Барклае серьезно усматривают соперника Кутузова, отводя последнему роль преемника незаслуженно отстраненного военачальника, что способствует укоренению в историографии не новой, но живучей легенды.

Безусловно, «екатерининский орел» Кутузов плохо вписывается в любые схемы, создаваемые для него историками: скрытный, но разговорчивый, внешне покладистый и внутренне упрямый, двуличный до лживости, резкий до грубости, медлительный в движениях, но быстрый в мыслях, «вельможа в Петербурге и татарин в армии» (по словам современницы M-me de Stael), он легко соче-

тал в себе способности администратора, дипломата, воина. Он легко представлял себе ситуацию в целом, пренебрегая деталями, перестраиваясь на ходу. Кутузов был, безусловно, загадкой для своих соперников, которые часто становились жертвами его интриги и по-своему отомстили ему, оставив малопривлекательный портрет фельдмаршала на страницах своих писем, дневников, воспоминаний.

«Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора», — писал английский эмиссар в России полковник Роберт Вильсон лорду Кэткарту вскоре после Бородин, когда напряженная обстановка, вызванная наличием большого количества полных генералов (Кутузов, Багратион, Барклай де Толли, Милорадович, Дохтуров, Беннигсен) несколько разрядилась в отсутствие самого авторитетного из них князя Багратиона. Ранение пос-

Главномандующий всеми армиями светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов.

Худ. Р.М.Волков.
Музей-панорама «Бородинская битва»

* Все даты приводятся по старому стилю.

ледного дало возможность Кутузову, произведенному за Бородино в генерал-фельдмаршалы, слить в одну армию все силы, находившиеся под его непосредственным командованием. Но при Бородине все отдаваемые им распоряжения исполнялись через посредников – Главнокомандующих 1-й и 2-й Западных армий, что нередко создавало конфликтные ситуации, отразившиеся в записках Беннигсена и Ермолова, в «Оправдательных письмах» Барклая де Толли, которого перед битвой волновало еще одно очень существенное обстоятельство.

Рескрипт о смещении Барклая с поста военного министра Александр I подписал лишь 24 августа, хотя Чрезвычайный Комитет, принявший решение о назначении Кутузова, в тот же день заключил, «что в обоих случаях, если бы военный министр Барклай де Толли согласился остаться в действующей армии или возвратился бы в С.Петербург, то все же следует уволить его от звания военного министра...»⁴. Кутузов, уезжая из Петербурга, знал об этом последнем пункте постановления Чрезвычайного Комитета от 5 августа 1812 года, и, очевидно, полагал, что в рескрипте на имя Барклая де Толли император сообщал своему протеже не только о назначении светлейшего, но и

об отставке с поста военного министра. Однако этого не произошло. Государь медлил, как всегда тянул время до последней крайности, желая, очевидно, иметь в армии «противовес» так нелюбимому им Кутузову. В результате на Бородинском поле Барклай продолжал считать себя военным министром, что явствует из его письма императору от 16 августа: «В качестве Главнокомандующего, подчиненного князю Кутузову, я знаю мои обязанности и в точности их исполняю. Однако же, мне еще неизвестно, в каких я буду находиться с ним отношениях в качестве военного министра». Так в управлении войсками продолжало существовать дополнительное «важное неудобство», помимо противоречий о «старшинстве», которое было устранено назначением Кутузова.

Эта ситуация дополнительно травмировала и без того находившегося в раздражении Барклая. Кутузов же, по словам Ермолова, «неодолимый ратоборец» на поприще интриг, решил, со своей стороны, «взять свои меры». Учитывая близкие отношения Барклая с государем и непреложное желание царя оставить Барклая во главе 1-й Западной армии, светлейший решил нейтрализовать своего влиятельного подчиненного, всячески подчеркивая свою показную радость по поводу возвращения в армию Беннигсена, накануне высланного Барклаем. Уचितность нового Главнокомандующего вряд ли обманула Барклая, когда он вновь увидел того, кого полагал в изгнании. Появление в новом качестве Беннигсена, который в начале войны, находясь по воле государя при 1-й армии без особой команды в качестве «консультанта», измучил Барклая интригами и обвинениями в некомпетентности, было особенно неприятным. Теперь же Беннигсен стал непосредственным начальником Барклая, которому он обязан был подчиняться. Положение Главнокомандующего 1-й армии оказалось худшим, нежели у Багратиона, вышедшего, наконец, из его подчинения. Теперь Главнокомандующий 2-й армией имел возможность

Исправляющий
должность
начальника
Главного штаба
всех армий барон
Леонтий
Леонтьевич
Беннигсен.
Худ. Д.Дюу. 1820-е. ГЭ

Главнокомандующий 1-й Западной армии Михаил Богданович Барклай де Толли.
Копия неизв. художника по оригиналу К.А.Зенфа. Конец 1810-х. Государственный музей А.С.Пушкина

Главнокомандующий 2-й Западной армии князь Петр Иванович Багратион.
Неизв. художник. 1830-е. Музей-панорама «Бородинская битва»

сноситься с Кутузовым при посредстве Беннигсена, всегда благоволившего к Багратиону и решительно занявшего сторону последнего в разросшемся конфликте с Барклаем в период отступления.

В отношении Беннигсена Кутузов явно просчитался, недооценив его амбиций. Последний не испытывал благодарности за возвращение к армии, а, напротив, чувствовал себя уязвленным этой милостью, как явствует из его собственного признания. Пользуясь почти неограниченными правами, положенными начальнику штаба согласно «Учреждению для управления большой действующей армии», он вмешивался во все распоряжения Кутузова, подвергал их критике, публично прекословил, поучал, советовал, одним словом, усугублял неудобства, которых и так хватало в присутствии большого количества начальников. Любимец армии князь Багратион, в частности, ознаменовал приезд нового Главнокомандующего откровенным письмом графу Ростопчину: «Хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем!»⁵. Это назначение, по-видимому, повергло его в искреннее смятение, так как Багратион еще до нашествия Наполеона с присущей ему иронией выразил свою точку зрения на полководческое искусство Кутузова: «Его Высокопревосхо-

дительство имеет особенный талант драться неудачно...»

Противостояние Кутузов – Беннигсен осложнялось тем, что к последнему примыкал по давним семейным и служебным связям А.П.Ермолов. Мы можем констатировать тот факт, что Кутузов, так восторженно провожаемый в Петербурге и радостно встречаемый нижними чинами в армии, оказался в полной изоляции в среде равных по чину. Не замечать этой ситуации, как поступали многие историки, нельзя. Беннигсена и Барклая стремились представить в виде несостоятельных интриганов-неудачников, а Багратиона и Ермолова, безусловно, как союзников Кутузова, разделявших его взгляды и намерения. Реальная же ситуация, на наш взгляд, верно охарактеризована военным историком Б.М.Колубакиным: «Сравнение власти и положения во главе своих армий Наполеона и Кутузова является более чем не в пользу последнего».

Кутузов вынужден был искать для себя серьезную опору – человека, которому он бы мог довериться, и который бы не посягал на его авторитет. Такой человек нашелся. Им был его бывший ученик по Артиллерийскому и Инженерному корпусу, а в 1812 году – генерал-квартирмейстер 1-й армии полковник Карл Федоро-

⁴ Фельдмаршал... С. 163

⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 101

Помощник
генерал-
квартирмейстера
всех армий
Карл Федорович
Толь.

Худ. Д. Доу. 1820-е. ГЭ

вич Толь, который волею светлейшего стал фактически выполнять ту же должность в Главном штабе соединенных армий, хотя официально на ней значился генерал-квартирмейстер 2-й армии генерал-лейтенант Михаил Степанович Вистицкий. Участник битвы и знаменитый впоследствии военный теоретик Карл Клаузевиц, например, ни минуты не сомневался в том, что при Бородине русская армия построилась по указаниям Толя на позиции, выбранной этим неутомимым полковником, полагавшим, что офицер квартирмейстерской части должен не менее 18 часов в сутки проводить в седле. Присутствие Толя в качестве советника Кутузова вызвало дополнительные нарекания со стороны Беннигсена и Ермолова. Первый охарактеризовал свойства избранника Кутузова довольно подробно в письме к государю от 9 ноября 1812 года: «...Несогласия и неприятности всякого рода, которые я испытываю, происходят от поведения полковника Толя, который считает себя оскорбленным, когда ему приходится действовать по моим указаниям. Однажды я советовал ему сообразовываться с военными законами и через меня представлять князю распоряжения о движении войск. Он осмелился мне отвечать, что в таком случае он вовсе не будет в них вмешиваться. Я жа-

ловался фельдмаршалу; но из этого ничего не вышло...». Беннигсену вторит Ермолов: «...Полковник Толь, офицер отличных дарований, способный со временем оказать большие заслуги; но смирять надобно чрезмерное его самолюбие, и начальник его не должен быть слабым, дабы он не сделался излишне сильным. Он, при полезных способностях, по роду служебных его занятий, соображение имеет быстрое, трудолюбив и деятелен; но столько привязан к своему мнению, что, иногда, вопреки здравому смыслу, не признает самых здравых возражений, отвергая возможность иметь не только превосходные способности, ниже допускает равные»⁶.

В характеристиках Кутузова, даваемых современниками, многое верно: светлейший в повседневной жизни был далеко не идеален. И все же нет убедительных оснований отрицать, что именно он, вопреки всему, был самой авторитетной фигурой среди военных того времени. Назначив его на пост Главнокомандующего, пусть против собственной воли и убеждений, император сделал удачный и своевременный выбор.

Московский генерал-губернатор граф Федор Васильевич Ростопчин вскоре после Бородина превратившийся в злейшего врага светлейшего, 13 августа писал министру полиции генерал-адъютанту графу Александру Дмитриевичу Балашову: «Все состояния обрадованы поручением князю Кутузову главного начальства над всеми войсками, и единое желание, чтоб он скорее принял оное на месте»⁷. Клаузевиц, мало расположенный к Кутузову, признавал: «...В целом, Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в глубокой старости; и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем то мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором. Он знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на по-

бедителя, возвещая повсюду близкую гибель неприятельской армии. <...> Таким образом это легкомыслие и базарные выкрики хитрого старика были полезнее для дела, чем честность Барклая»⁸. Немец на русской службе, чуждый приемам, которыми Кутузов наэлектризовывал войска прагматичный Клаузевиц, не видел альтернативы этому назначению. П.С.Пуцин, служивший в лейб-гвардии Семеновском полку, оставил в своем дневнике восторженную запись от 19 августа: «Князь Кутузов посетил наш лагерь. Нам доставило большое удовольствие это посещение. Призванный командовать действующей армией волей народа, почти против желания Государя, он пользовался всеобщим доверием»⁹. Большая часть армии, далеко отстоявшая от интриг и неудовольствий, вызванных личным соперничеством, искренне ликовала по поводу этого назначения. Сведения о необычайной популярности Кутузова, согласно источникам, отнюдь не являются вымыслом близких к нему людей. Его популярность не сказка и не легенда. Сам Александр I, выдвинувший Барклая на все высокие посты, признавал необходимость его замены: «Кутузов вообще в

большом фаворе у здешнего общества и в Москве»¹⁰. Эту особую степень «фавора», на который Кутузов решительно опирался в своих действиях следует принимать во внимание, чтобы судить о его планах при Бородине. Общественное признание на многое развязывало ему руки. Жозеф де Местр, посланник Пьемонтского короля в Петербурге, иронично, но верно передал ожидания «повелений Провидения, как они будут переданы князем Михаилом Ларионовичем Кутузовым»¹¹.

Стоит обратить внимание и на факт, которому исследователи не придают особого значения: Кутузов рассчитывал вступить в командование армиями еще у стен Смоленска, как явствует из донесения Александру I от 4 сентября 1812 года, где, объясняя причины оставления Москвы неприятелю, он писал: «Впрочем, Ваше Императорское Величество Всемилощивейше согласиться изволите, что последствия сии нераздельно связаны с потерей Смоленска и с тем расстроенным совершенно состоянием войск, в котором я оные застал»¹². Известно, как эти слова задела самолюбие Барклая де Толли, и он горячо протестовал в письмах Александру I, увидев их напечатанными в журна-

⁶ Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 130

⁷ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 94

⁸ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 64

⁹ Дневник Павла Пушина 1812-1814. Л., 1987. С. 59

¹⁰ Фельдмаршал... С. 164

¹¹ Местр Ж. де. Петербургские письма. 1803-1817. СПб., 1995. С. 223

¹² Фельдмаршал... С. 200

¹³ Труды ИРВИО. Т. VI. Ч. 2. С. 12-13

Обер-офицер и колонновожатый Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части. 1812-1814.
Рис. И.А.Клюквина.
ВИМАИВВиС

Штаб-офицер состоящий по армии. 1812-1816.
Рис. неизв художника.
ВИМАИВВиС

Обер-офицер
и унтер-офицер
гренадерских
полков. 1812-1816.

Рис. П.К.Губарева
ВИМАИВиВС

Унтер-офицер
егерских полков.
1812-1816.

Рис. Сокальского.
ВИМАИВиВС

ле «Северная Почта»¹³, воспринимая как «помрачение чести целой армии». Некоторые историки также склонны видеть в этом только неделикатную выходку в адрес Барклая, продиктованную исключительно стремлением Кутузова снять с себя ответственность за судьбу древней столицы. Однако вопреки возмущению Барклая, не желавшего признавать связь между оставлением Смоленска и потерей Москвы, военные советники императора придерживались иного мнения, о чем сообщает в письме от 13 сентября 1812 года секретарь императрицы Н.М.Лонгинов: «Что до Москвы, знающие положение мест и войск доказали что, отдавши Смоленск, ее удерживать было бы безрассудно»¹⁴. Таким образом, пресловутая фраза из донесения Кутузова Александру I выражает мнение, принадлежавшее не только ему одному. В ней отразилась несбывшаяся надежда Главнокомандующего, что существенно повлияло на его дальнейшие действия, вынудив на ходу менять планы.

В качестве примера двуличия Кутузова часто приводятся слова, которыми он обнадеживал государя перед отъездом из

Петербурга, пообещав, что «скорее ляжет костью, чем допустит неприятеля к Москве». Но нельзя забывать, что полководец произнес их, не зная ни истинного положения дел с резервами, ни местонахождения армий Барклая де Толли и Багратиона, Торماسова и Чичагова. Если на первое обстоятельство историки обращают внимание, то второе ускользает из их поля зрения. В предписании от 11 августа М.А.Милорадовичу Кутузов недвусмысленно указал, откуда он попытается реализовать свой предварительный план действий: «... Предлагаю впредь о всем у Вас произойти имеющем, относиться ко мне в Смоленск [выделено мною – авт.], куда я сейчас отправляюсь. Вам известно, что 1-я и 2-я наши Западные армии находятся у Смоленска в виду неприятельских. Время и обстоятельства подвинут уповательно которую-нибудь сторону к решительным действиям. Нынешний предмет состоит в преграде пути неприятельскому в Москву, к чему, вероятно, и все меры командующими нашими армиями предприняты. Но зная Вас с войсками, Вашему Высокопревосходительству вверенными в расположении от Москвы до

Калуги, поставлено в виду войскам иметь вторичную стену противу сил неприятельских на Москву по дороге от Дорогобужа...»¹⁵.

Б.С.Абалихин цитировал этот документ почти полностью, исключая выделенные нами фразы. А ведь они очень важны при рассмотрении вопроса о планах Кутузова. Ученый справедливо заметил: «Следовательно, вопреки широко распространенному в литературе мнению о том, что Кутузов вызвал войска Милорадовича на пополнение 1-й и 2-й армий, Главнокомандующий первоначально рассчитывал первоначально создать под Москвой вторую линию обороны». Но важно при этом не забывать, что Кутузов рассчитывал, что «вторая стена» станет под Дорогобужем, а сам он направлялся для принятия командования в Смоленск.

В историографии укоренилось мнение о том, что Александр I подписал рескрипт о назначении Кутузова, лишь, узнав об оставлении Смоленска, чему способствовал и сам государь, указав на это печальное событие как на причину отстранения Барклая. А.Г.Тартаковский исправил эту ошибку, сопоставив даты рескрипта и оставление Смоленска¹⁶. На деле же Кутузов принял свое назначение при обстоятельствах, выглядевших благоприятнее, чем они были в действительности. Так, еще 13 августа в столице многие полагали, что старинный город-крепость все еще в руках у русских. Сотрудник петербургского почтового ведомства И.П.Оденталь сообщал своему коллеге московскому почт-директору А.Я.Булгакову в этот день: «Светлейшего Кутузова, наконец, назначили Главнокомандующим. <...> Третьего дня, поутру, около 11 часов, отправился он через Новгород в Смоленск»¹⁷.

Далее ситуация осложнялась не по дням, а по часам на глазах у светлейшего. 13 августа он ожидает известия «где ныне армии находятся» в Торжке. 14 августа он полагает, что сможет перехватить их в Дорогобуже, затем, 15 августа, в Вязьме и, наконец, 17 августа он встретил их уже в Гжатске¹⁸. 19 августа Кутузов доносил императору: «По прибытии моем в город

Гжатск нашел я войска отступающими от Вязьмы и многие полки от частых сражений весьма в числе людей истощившимися...»¹⁹. Последними словами Кутузов подчеркнул еще одно вновь открывшееся ему невеселое обстоятельство, с которым отныне он должен был считаться и соразмерять свои планы.

Из отношения Кутузова к Ростопчину от 17 августа из Гжатска становятся заметными его сомнения в возможности отстоять Москву: «... не будучи еще достаточно известен о всех средствах, в них [армиях – авт.] имеющихся, не могу еще ничего сказать положительного о будущих предположениях насчет действия армии [выделено мною – авт.]. Не решен еще вопрос, что важнее – потерять ли армию или потерять Москву. По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»²⁰. Часто цитируя последнее предложение, специалисты не воспринимают его в контексте с предыдущими, хотя здесь уже содержится ясный намек на сложившуюся задолго до военного совета в Филях ситуацию: «потерять ли армию или потерять Москву». Не располагая исчерпывающими сведениями о резервах, Кутузов пока не раскрывал в полной мере своих чувств перед Ростопчиным, как он это сделал в письме к дочери А.М.Хитрово. Оттуда же, из Гжатска, 19 августа он писал почти сразу же по прибытии к войскам: «Я твердо верю, что помощью Бога, который никогда меня не оставлял, исправлю дела к чести России. Но я должен сказать откровенно, что ваше пребывание возле Тарусы мне совсем не нравится. Вы легко можете подвергнуться опасности, ибо что может сделать женщина одна, да еще с детьми; поэтому я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все, сказанное мною, было сохранено в глубочайшей тайне, ибо если это получит огласку, вы мне сильно навредите»²¹.

20 августа Кутузов приказывает Главнокомандующему 3-й Западной армии генералу от инфантерии А.П.Тормасову: «Ваше Превосходительство согласиться

¹⁴ Фельдмаршал... С. 210.

¹⁵ Бородино, Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 14; (далее – Бородино).

¹⁶ Тартаковский А.Г. Неразгаданный Барклай. М., 1996. С. 133.

¹⁷ Фельдмаршал... С. 166.

¹⁸ Бородино. С. 25.

¹⁹ Там же.

²⁰ Фельдмаршал... С. 168.

²¹ Бородино. С. 43.

со мной изволите, что в настоящие для России критические минуты, тогда как неприятель находится в сердце России, в предмет действий ваших не может более входить защищение и сохранение отдаленных наших польских провинций, но совокупные силы 3-й армии и Дунайской должны обратиться на отвлечение сил неприятельских, устремленных против 1-й и 2-й армий»²². Кутузов, назначенный Главкомандующим всеми действующими против французов армиями, считал себя вправе распоряжаться в соответствии со своими замыслами, в число которых входил фланговый удар силами войск 3-й армии. В соответствии с этим получил распоряжения и Главкомандующий Дунайской армией адмирал П.В.Чичагов.

Пристальное внимание Кутузова обратилось на внутренние формирования «депо второй линии». 19 августа он направляет предписание генералу от инфантерии князю Д.И.Лобанову-Ростовскому: «...покорно прошу Вас, милостивый государь мой, из Костромы, Владимира, Рязани, Тамбова, Ярославля и Воронежа, из каждого места по два полка направить к Москве с получения сего»²³. В подобном же предписании А.А.Клейнмихелю содержится указание направить к Москве 9-й и 10-й, 12-й, 13-й и 14-й полки²⁴.

Из предписания к Милорадовичу видно, какие надежды возлагал Кутузов на обещанную «вторую стену», которую здесь же в Гжатске он наконец увидел вочию: «пехоты 14587, конницы 1002». Главкомандующий приказал укомплектовать этими войсками обе армии, возмещая их потери²⁵.

Очевидно, его начинало настораживать и другое. Тогда же 11 августа он писал Ростопчину: «К Вашему Сиятельству обращаюсь я с тем, чтобы Вы по требованию Милорадовича усилили его всеми теми войсками, которые уже до некоторой зрелости в формировании своем достигли, дабы тем главные армии наши себе новые источники к усилению»²⁶. Прибывшие 16 батальонов пехоты Московского ополчения под командованием ге-

нерал-лейтенанта И.И. Маркова невозможно было использовать как регулярные войска, поэтому корпусным начальникам было приказано «их не раздроблять и держать вместе».

Первая мысль Главкомандующего была та, что это далеко не все обещанные силы. Еще 17 августа, в день прибытия к армии, Кутузов писал Ростопчину из Гжатска: «Вызов восьмидесяти тысяч сверх ополчения, вооружающихся добровольно сынов Отечества, есть черта, доказывающая дух россиянина и доверенность жителей Московских к их начальнику, их оживляющего (sic)»²⁷. Сознывая, что быстрее всех успевают подойти к Можайску ратники из самой первопрестольной (при наличии этих сил), Кутузов полагался на обещания Ростопчина выставить до 80 тысяч «московской силы». Он трижды в один день намекал на это московскому главкомандующему накануне Бородинской битвы 21 августа 1812 года: «Средства, какие вы можете мне выслать из Москвы, не могут быть излишними, и для того прошу Ваше Сиятельство о сем...»²⁸. В тот же день 21 августа 1812: «Все то, что Ваше Сиятельство сюда доставить можете, и Вас самих примем мы с восхищением и благодарностью»²⁹. И вновь 21 августа: «Я донныне отступаю назад, чтобы избрать выгодную позицию. Сегодняшнего числа хотя и довольно хороша, но слишком велика для нашей армии и могла бы ослабить один фланг. Как скоро я изберу самую лучшую, то при пособии войск, от Вашего Сиятельства доставляемых, и при личном Вашем присутствии употреблю их, хотя еще и не довольно выученных, ко славе Отечества нашего»³⁰.

В письмах Кутузов с почтительностью вельможи XVIII столетия, но все настойчивее и настойчивее намекает графу Ростопчину на необходимость прибытия подкреплений, без которых позиция «слишком велика для нашей армии». Тем более, что ко времени написания этих писем полководец располагал довольно точными сведениями о численности неприятеля. 18 августа к армии возвратил

²² Бородино. С. 44-45.

²³ Бородино. С. 30..

²⁴ Там же. С. 30.

²⁵ Там же. С. 31.

²⁶ Фельдмаршал... С. 168-169.

²⁷ Там же.

²⁸ Бородино. С. 54.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 55.

³¹ Там же. С. 27-28.

**Офицер и урядник
Донского войска.
1812-1814.**
Рис. К.К.Пиратского.
ВИМАИВиВС

**Воин и обер-офицер
купеческих
и мещанских
сотен Москов-
ского ополчения.
1812-1813.**
Рис. П.К.Губарева.
ВИМАИВиВС

ся поручик М.Ф.Орлов, которого за неделю до прибытия Кутузова Барклай назначил парламентаром в войска Наполеона «для узнания о взятом в плен генерал-майоре Тучкове». Это был хороший предлог для сбора сведений о противнике. Орлов находился в распоряжении неприятеля 9 дней и по его наблюдению силы, противостоящие 1-й и 2-й армиям, исчислялись 165 тысячами. В рапорте государю от 19 августа Кутузов отнесся к этим сведениям несколько скептически: «...Но по расспросам, делаемым нашими офицерами по квартирмейстерской части от пленных, полагаю я донесение Орлова несколько преувеличенным»³¹. Если бы Кутузов знал, как дальше развернутся события с резервами, может быть он и не стал бы делать этой приписки, потому что именно на ее основании Александр I отказал ему в присоединении армии Тормисова, равно как и полков Лобанова-Ростовского и Клейнмихеля. Кутузов получил ответ императора от 30 августа, но и ко дню сражения он сознавал, что единственная реальная военная сила, которая успеет прибыть к полю битвы, — это так называемая 80-тысячная Московская милиция. К ней навстречу он и двигался,

оттягивая день сражения до тех пор, пока это было возможно, и пока он сам не усомнился в ее наличии.

Главкомандующий, так же, как и Барклай, Багратион, неоднократно поднимавшие в переписке тему резервов, прекрасно сознавал, что ожидаемые ратники явятся действенным подспорьем армии только в совокупности с обстрелянными войсками. Кутузову важно было, чтобы новые формирования успели прибыть к нему до генеральной битвы, в которой основную массу сражающихся составляли бы уже имеющие боевой опыт войска.

Историки до сих пор задаются вопросом, что побудило Кутузова решиться на генеральное сражение и высказывают предположение, что полезнее было бы его избежать в целях сохранения армии. Мотивов в пользу битвы, кроме непреклонной воли государя, у Кутузова могло быть несколько. Он не мог пренебречь настроениями в армии и в обществе, о которых писал генерал-квартирмейстер Толь: «... Дабы разрешить сей вопрос, надлежит поставить на вид: хотя отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производи-

**Обер-офицер
и бомбардир
конной артил-
лерии. 1809-1812.**
Рис. Е. И. Берестова.
ВИМАИВиВС

**Пионер и
обер-офицер
1-го пионерного
полка. 1812-1816.**
Рис. И. А. Клюквина.
ВИМАИВиВС

мое, предписано было уважительными обстоятельством, однако не менее того войска наши приметным образом начали терять воинский дух, россиянам свойственный, который необходимо нужно было поддержать и возвысить...»³². Говоря о потере воинского духа, Толь имел в виду, очевидно, сопутствующие этому явлению факты падения дисциплины в армии, в частности мародерство. В рапорте Кутузова императору от 19 августа, который историки обходят молчанием, сказано: «Не могу я также скрыть от Вас, Всемилостивейший Государь, что число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант Его Императорского Высочества Шульгин собрал их до 2000 человек...»³³. Добавим, что этот факт сам по себе не является неожиданным, если обратиться к источникам, разрушающим идеалистические представления о составе русской армии, и одновременно показывающим, с каким человеческим материалом сталкивались подчас русские военачальники, превращая его в героев и в «щит Отечества». Так, начальник 26-й пехотной дивизии И. Ф. Паскевич вспоминал: «В декабре 1810-го года поручено мне сформировать пехотный полк, названный

Орловским. В январе 1811-го я назначен шефом полка. Формирование с самого начала представило затруднения невероятные. Общие приготовления к войне были причиною, что для состава новых полков не могли дать хороших средств. Надлежало формировать полк из четырех гарнизонных батальонов, в которых солдаты и офицеры почти все были выписаны за дурное поведение. Из других полков поступило только 3 майора и несколько обер-офицеров. К тому из дворянского корпуса прислали 20 молодых офицеров, только что умеющих читать и писать.

С этими средствами надо было спешить образованием полка, ибо война была неизбежна. Нравственности в полку не было. От дурного содержания и дурного обхождения офицеров начались побегии. В первый же месяц ушло до 70 чел. Почти половину офицеров я принужден был отослать обратно в гарнизон. <...> Я настоял, чтобы вывести мой полк из города, где невозможно было навести необходимого порядка, и расположился в 60 верстах. Три месяца усиленных занятий и шесть недель в лагере дали мне возможность привести Орловский полк в такое положение, что он был уже третьим полком в дивизии...»³⁴

В Бородинском сражении Орловский полк стойко защищал батарею Раевского, где понес значительные потери.

11 июня 1812 года Ростопчин писал из Москвы министру полиции Балашову: «Прошу покорнейше разрешить меня начет бродяг и распутных. Люди нужны в армии, а эти зараза в городе»³⁵. 28 июня он получил ответ: «Я представлял Его Величеству предметы, на кои в[аше] с[иятельство] испрашивать изволите разрешение и Г[осударь] И[мператор] высочайше указал: 1). Содержащихся в смирительном и рабочем московских домах за пьянство и распутство мещан и господских людей взять в рекруты с зачетом и отправить в вновь формируемые полки; 2). Не имеющих ремесла, жилища и состояния отставных офицеров и нижних классов гражданских чиновников праздно шатающихся, при первом новом со стороны их проступке, отсылать к военному начальству для обращения в военную службу нижними чинами»³⁶.

Приведенные нами сведения отнюдь не означают, что в армии не было дисциплинированных полков или что в результате рекрутского набора в ее ряды попадал исключительно безнравственный элемент. Но мы не можем отрицать, что определенный процент нижних чинов состоял из «шалунов» не самого лучшего поведения, которые нуждались в постоянном внимании со стороны начальства, так как при неблагоприятных обстоятельствах они представляли значительную опасность. Литература, посвященная Отечественной войне, как правило, не касается этой крайне непопулярной темы. Но Кутузов, как опытный военачальник, реально представлял себе среду, из которой поступали в армию рекруты, и не пренебрегал такимистораживающими показателями морального состояния армии, как участвовавшие случаи мародерства. Он уловил критическую точку настроений солдатской массы на подступах к Москве, которую деморализовывало затянувшееся отступление. Выход из создавшегося положения он видел не в расстрелах, практикуемых в армии

Баркляя де Толли. Зло могло предотвратить только сражение.

Если бы Кутузов посчитал для себя возможным, пренебрегая настроениями армии, сдать Москву без боя, он, безусловно, с этим справился, хотя и неся потери в арьергардных боях. Старый полководец точно уловил главное настроение своего противника: любой ценой занять Москву. Именно с этим событием, по аналогии с другими войнами, Наполеон связывал окончание кампании, что и сделало его, с точки зрения Кутузова, уязвимым. Это стремление французского императора давало возможность Кутузову спасти армию, избежав генерального сражения или решившись на него. То, что в планах Наполеона, сформулированная им самим главная цель войны, «уничтожение массы неприятельских войск» в азарте преследования подменилась вступлением в древнюю столицу России, подметил и Багратион: «Мне кажется, что точно неприятель весьма сильно торопится в Москву, а потом и назад»³⁷. Поэтому Кутузов не стремился маневрировать, занимать фланговые позиции. 22 августа в письме к Ростопчину, не торопившемуся с подкреплением, полководец не скрывает своих намерений: «...и ежели буду побежден, то пойду к Москве и там буду оборонять столицу»³⁸.

Ко дню битвы он уже осознал, что все войска, которые могли к нему присоединиться, уже прибыли. При Бородине в сражении у русских, несмотря на новые данные последних исследований, не оказывалось даже простого численного превосходства в регулярных обстрелянных войсках. И это в то время, как его противником был полководец, о котором сам светлейший говорил: «Мы имеем дело с Наполеоном. А таких воинов, как он, нельзя остановить без ужасной потери».

Понеся в битве эти «ужасные потери» даже при благополучном результате, ему требовались подкрепления, чтобы развить успех. А подкреплений как раз и не было. Следовательно, при Бородине Кутузов знал, что при любом исходе битвы ее последствием явится отступление.

³² Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24-26 августа... СПб., 1839. С. 48-49.

³³ Бородино. С. 26

³⁴ Паскевич И.Ф. Походные записки. // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 101.

³⁵ Дубровин Н.Ф. Указ.соч. С. 11

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Там же. С. 73, 100.

³⁸ Бородино... С. 59

Рядовой, обер-офицер и трубач Лейб-Гвардии Уланского полка. 1812-1815.
Рис. А.П.Сафонова

Письма, дневники, воспоминания участников битвы свидетельствуют, что многие среди русского генералитета так же, как и среди офицеров, довольно скептически оценивали возможный результат битвы. О настроениях же нижних чинов мы можем судить, в основном, по воспоминаниям их начальников.

Высказывания тех, кто сражался при Бородине, подтверждают, что светлейший решился на сражение по причинам «нематериального» характера. Еще 6 августа Ермолов писал Багратиону: «... *Надобно противостоять до последней минуты существования каждого из нас. Одно продолжение войны есть способ вернейший восторжествовать над злодеями Отчества нашего. Боюсь, что опасность, грозя древнейшей столице, заста-*

вит прибегнуть нас к миру, но сии меры слабых и робких. Все надобно принести в жертву и радостно, когда под развалинами можно погребсти врагов, ищущих гибели Отчества нашего. Благослови Бог! Умереть Россиянин должен со славою»³⁹.

«26 августа незабвенное дело Бородинское, – вспоминал кавалерийский генерал К.А.Крейц. – *Считая оное последним в своей жизни, всякий дрался, чтобы увековечить свое имя ...»⁴⁰.* В этих словах запечатлелись подлинные чувства большинства военачальников: объективная невозможность защитить Москву в их сознании была связана с гибелью России, а, следовательно, с позором их дальнейшего существования.

«Москва должна была служить для русского воина тем же, что могила для каждого смертного, за Москвой был уже другой мир», – так спустя много лет, вспоминая о битве при Бородине, принцу Евгению Вюртембергскому удалось выразить, на наш взгляд, невыразимое. Ближе всех находившийся к Главнокомандующему Толь писал: «Мысль отдать столицу неприятелю без сражения ужасала каждого русского, и потому Главнокомандующий решился остановиться на первой выгодной позиции, чтобы дать сражение неприятелю...»⁴¹.

³⁹ Ермолов А.П. – Багратиону П.И. 6 августа 1812 г. // ЧОИДР, 1861. Кн. 3. Ч. V. С. 220-221.

⁴⁰ Бородино... С. 359.

⁴¹ Толь К.Ф. Указ.соч. С. 48-49.

«Позиция, одна из наилучших...»

В романе «Война и мир» князь Андрей Болконский накануне Бородинской битвы с раздражением выговаривает не имевшему опыта в военном деле Пьеру Безухову: «Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни от числа; а уж меньше всего от позиции»¹. Эта точка зрения, вряд ли разделялась военачальниками, поставленными перед серьезными проблемами, от которых так легко отмахнулся литературный герой.

Накануне битвы придавалось огромное значение выбору позиции, поскольку считалось, что теперь это было то единственное, что до сих пор препятствовало генеральному сражению. «...По обыкновению у нас еще не решено: где и когда дать баталию? — все выбираем места, и все хуже находим»². — писал князь Багратион графу Ростопчину, характеризуя этот поиск, начавшийся от Смоленска, потеря которого резко сократила возможности.

Клаузевиц исчерпывающе охарактеризовал причины их трудностей: «Россия

чрезвычайно бедна позициями. Там, где еще имеются большие болота, местность настолько покрыта лесами, что трудно найти достаточное пространство для расположения сколько-нибудь значительной массы войск; там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены, а следовательно, всюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны для обороны. К этому надо добавить, что в этих местах широкий обзор встречается лишь изредка, так как повсюду разбросаны небольшие перелески. В общем, выбор позиции очень стеснен, поэтому, если полководец, как то было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно ему приходится мириться со многим»³.

Помимо «определенно выраженного рельефа» позиция должна была иметь еще

¹ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 3, 4. М., 1983. С. 182.

² Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 109.

³ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 68.

**Возвышенный
правый берег реки
Колочи у д. Горки.
С фотографии
1902 года**

**Штаб-офицер и
унтер-офицер
Лейб-Гвардии
Преображенского
полка. 1812-1816.**
Рис. П.К.Губарева.
ВИМАИВиВС

**Обер-офицер
Лейб-Гвардии
Семеновского
полка. 1812-1816.**
Рис. неизв. художника.
ВИМАИВиВС

одну важную особенность, о которой обычно не упоминают, но которая подразумевается сама собой. Об этом писал в своем дневнике А. Чичерин: «...*Нужно было время, <...> чтобы подойти к Москве-реке, у истоков которой имелись выгодные позиции – условие, которое нам было очень трудно встретить раньше!*»⁴. Неслучайно после оставления Смоленска Багратион утверждал, что *«теперь до самой Москвы мы не будем иметь ни воды, ни позиции»*⁵. Кстати, позиция у Дорогобужа была отвергнута им из-за недостатка питьевой воды. Вместе с тем, условия местности надлежало увязывать с численностью русской армии, которая по числу регулярных войск уступала противнику. В день сражения в обеих русских армиях насчитывалось не более 95 тысяч регулярных обстрелянных войск и около 50 тысяч казаков и ополченцев. Именно их и надлежало расположить на соответствующей их численности позиции, которая стала камнем преткновения между Кутузовым и лицами из его ближайшего окружения.

Чем далее отстояло лицо от поста Главного командующего, тем беспристрастнее оно относилось к выбору позиции,

пытаясь увидеть не только ее слабости, но и достоинства. В частности, начальник артиллерии граф А.И.Кутайсов, по словам Евгения Вюртембергского, утверждал, что *«и перед самой Москвою мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою»*⁶. Также оценивает Бородинскую позицию Клаузевиц. Он утверждал, что трудно было *«найти лучшую позицию, чем при Бородино»*.

Местность представляла преимущества обороняющимся на правом (северном) фланге, протяженность которого от деревни Маслово через деревню Горки до Центрального редута (батарея Раевского) составляла около 5 верст. Условия защиты этого рубежа соответствовали теории военного искусства, когда линия сражения (фронт) и линия движения войск (директриса) пересекались в районе Горок почти под прямым углом, обеспечивая на этом участке наилучший способ взаимодействия с противником – направление его атак было перпендикулярно оборонительной линии русских войск. Правый фланг, располагаясь на высоком и обрывистом правом берегу Колочи, пересекал Новую Смоленскую дорогу и надежно прикрывал основную коммуникацию на Москву.

Очевидно, этим несомненным в глазах Кутузова достоинством определился выбор позиции, на которой 22 августа расположились русские войска.

Позиция правого фланга имела ряд других достоинств, способствовавших его устойчивости: оконечность его упиралась в Москву-реку и прикрывалась густыми лесами, уменьшая угрозу обхода. Сильно всхолмленная местность перерезалась оврагами, по дну которых бежали ручьи Воинка, Стонец, Огник. В расположение войск не вносилось изменений, поэтому с 22 по 25 августа здесь были возведены все запланированные укрепления: Масловские флеши, Криушинский редут, пять полевых укреплений по реке Колоче, два укрепления на 8 и 4 орудия у Горок (Горкинские редуты), укрепления на 8 орудий впереди села Бородина, устроены засеки в лесах и густых кустарниках. Сочетание природных и искусственных препятствий почти полностью исключало возможность нападения неприятеля на правом фланге, но и русских обрекало на пассивную оборону, что сразу заметил противник. Этот фланг «был столь же неприступен, как и неопасен», — свидетельствовали генералы Ж.Рапп, Ж.Пеле, Ф.Сегюр.

Барклай о позиции при Бородине отозвался отрицательно. «... Она была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось...»⁷. В избрании этой позиции Главнокомандующий 1-й армии обвинял Беннигсена: «Все, что от него происходило или не им было предлагаяемо, подвергалось осуждению», — заметил Барклай по поводу начальника Главного штаба. С точки зрения Барклая особую опасность представляла Старая Смоленская дорога, огибавшая слева фланг 2-й армии. Беннигсен, в свою очередь, отрицал свое участие в выборе позиции. В письме генералу Фоку от 20 сентября, предназначавшемся для прочтения императором, он писал: «Я не говорил о Бородине, как о выгодной позиции, но полковник Толя, назначенный Главнокомандующим на должность генерал-квартирмейстера, избрал ее для сражения. <...> При

Штаб-офицер и гренадерский обер-офицер Лейб-Гвардии Финляндского полка. 1812-1816. Рис. М.И.Теребенева. ВИМАИВиВС

выборе позиции он удовольствовался тем, что ее фронт, был прикрыт жалкими ручейками, которые везде можно было перейти вброд, оставив оба фланга без поддержки, и не защитив их укреплениями...»⁸. Заметим, что тем самым Беннигсен отвергает какие-либо преимущества местности не только на левом, но и на правом фланге, что явно не соответствовало действительности. При этом и Барклай, и Беннигсен ссылаются на авторитетное мнение князя Багратиона, доносившего накануне Шевардинского боя Кутузову, что «в настоящем положении его левый фланг подвержен величайшей опасности».

Кутузов действительно доверял своему генерал-квартирмейстеру Толю и с ним, в основном, обсуждал вопросы, связанные с подготовкой к сражению. Поэтому интересно узнать, чем они оба руководствовались, выбирая позицию? На главный их принцип указывает в своих записках Евгений Вюртембергский: «Мнение Толя я разделял вполне. Оно состояло в том, что только те позиции выгодны, которые благоприятствуют наступательным движениям резервов, и на которых резервы могут быть расположены до тех пор, скрытно <...> При

⁴ Дневник Александра Чичерина. 1812-1813. М., 1966. С. 87.

⁵ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 82.

⁶ Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского о кампании 1812 года в России (далее — Вюртембергский Евг.). // Военный журнал. № 1. СПб., 1848. С. 53.

⁷ Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1-й армии в 1812 году (далее — Барклай де Толли М.Б.). // Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911. Т. 18. С. 181.

⁸ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 494.

таких условиях наступающий имеет на своей стороне ту выгоду, что может выждать пока объяснятся виды противника...»⁹. Зная ход самого сражения, мы можем сказать, что по крайней мере этому требованию, Бородинская позиция вполне отвечала, что было важно при оборонительном характере сражения. Кстати, самому Кутузову, которого Барклай де Толли, Беннигсен и Ермолов упрекали в том, что он из-за тучности и лени, якобы не был знаком с условиями местности и слепо доверял в оценке позиции другим, эта позиция, по словам генерал-квартирмейстера Вистицкого, сначала не понравилась, и лишь взвесив все ее достоинства и недостатки и приняв во внимание, что лучшей позиции уже, пожалуй, и не сыскать, он «решил отдаться на произвол сражения»¹⁰.

Оборонительные возможности левого фланга до сих пор вызывают противоречивые суждения специалистов. Сам Кутузов назвал его «слабым местом сей позиции», которое он рассчитывал «укрепить с помощью искусства», то есть инженерными сооружениями. Полному осуществлению этих намерений помешала ограниченность во времени.

Выбор местности, назначенной к расположению войск 2-й Западной армии, удивил ее Главнокомандующего князя Багратиона. Обозрев местность по пути к деревне Семеновское, он сразу же отметил несообразности в первоначальном

расположении левого крыла, которым в начале не придали значения. Офицеры квартирмейстерской части также, как и Наполеон, по-видимому, руководствовались картой, где «течение Колочи выше Бородина представляет большее уклонение к востоку». Клаузевиц замечал по этому поводу: «...Дорога, ведущая из Смоленска на Москву, проходит, к сожалению, не перпендикулярно Колоче, а некоторое время тянется параллельно с ней. <...> Вот почему, если расположиться параллельно речке, придется иметь путь отступления в косом направлении и тем самым с самого начала подвергнуть опасности левый фланг. Такое построение было тем более недопустимо, что на расстоянии в полу-миле от большой дороги проходит другая дорога на Москву, ведущая непосредственно в тыл этой позиции. <...> Одно лишь продвижение противника осуществляет обход»¹¹.

Об этом промахе русского командования ничего не сообщалось ни в реляции, ни в «Официальных известиях из армии от 27 августа», ни позже в «Описании битвы при селе Бородине...» Толя. В последнее десятилетие историки вообще не упоминали об этом досадном происшествии. Но свидетельство Клаузевица находит подтверждение в записках Ермолова, дневнике Сен-При, в «Изображении военных действий 1-й Западной армии» Барклай де Толли. Ермолов так изложил обстоятельства, связанные с изменением

Панорама, открывающаяся с высоты у д. Горки: 1 – д. Семеновское, 2 – Семеновские высоты, 3 – Курганная высота, 4 – овраг реки Стонец, 5 – с. Бородино, 6 – Новая Смоленская дорога. С фотографии 1902 года

полиции 2-й Западной армии: «В некотором расстоянии позади левого фланга углублялся довольно крутой ров, затруднительный для переправы и сообщений. В версте от левого фланга проходила через лес старая почтовая дорога, склоняясь в тул позиции. Кутузов, осматривая позицию, приказал отклонить левый фланг так, чтобы ров, позади простирающийся, был впереди онаго. Конечность фланга назначил укрепить несколькими флешами». Барклай писал: «23-го сопровождал я князя Кутузова при осмотре левого фланга, то есть: места, назначенного для 2-й армии <...> Князь Багратион донес князю Кутузову, что в настоящем положении левый его фланг подвергался величайшей опасности. Наконец, решено, что в случае неприятельского нападения, сей фланг отступит и станет между упомянутой высотой и деревней Семеновское. На сей предмет предписано было построение батарей и редутов. Я не постигал, почему сему движению надлежало исполняться по нападению неприятеля, а не заблаговременно...»¹².

Л.П.Богданов, уделив в своей статье значительное внимание выбору позиции и назначению Шевардинского редута, считал все, о чем поведал Клаузевиц, вымыслом, так же как и подробности, сообщенные Барклаем и Ермоловым. Историк полагал, что Багратион принял решение укреплять флешы и Шевардинский редут до приезда Кутузова на левый

фланг, и ни о какой перемене позиции речи не велось. Свою точку зрения Богданов аргументировал так: «Во-первых, рекогносцировка проводилась М.И.Кутузовым уже после того, как было принято решение о сооружении укреплений на высоте у дер. Семеновской. Об этом свидетельствует приказ П.И.Багратиона от 23 августа, в котором говорится, что все генералы 2-й Западной армии должны быть готовы «ехать с его сиятельством [М.И. Кутузовым] для рекогносцировки...». Следовательно, рекогносцировка левого фланга еще не проводилась М.И.Кутузовым, а П.И.Багратион уже отдает распоряжение о строительстве укреплений у дер. Семеновское и Шевардинского редута...»¹³. В тексте цитированного документа назван титул особы «его сиятельство», в то время как Кутузова величали «его светлость». Следовательно, на рекогносцировку намеревался ехать сам князь Багратион. Он, как и все в армии, знал, что Бородинская позиция «была выбрана теми же глазами, которые выбирали все позиции для Барклая, то есть глазами полковника Толя», с которым незадолго до назначения Кутузова у Багратиона было серьезное столкновение под Дорогобужем, когда выяснилось, что часть русской армии развернута на позиции спиной к неприятелю.

Не исключено, что выезд на позицию князя Багратиона с генералитетом 2-й армии совпал по времени с прибытием на левый фланг Кутузова. Багратион

⁹ Вюртембергский Евг. Указ. соч. С. 50.

¹⁰ Из записок Вистицкого. // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1900. Вып. 1. С. 186.

¹¹ Клаузевиц, К. Указ. соч. С. 68.

¹² Барклай де Толли М.Б. Указ. соч. С. 183.

¹³ Богданов Л.П. Боевой порядок русской армии в Бородинском сражении. // 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сб. ст. М., 1962. С. 98.

¹⁴ Сен-При Э.Ф. Дневник. // Харкевич В.И. Указ. соч., С. 150.

¹⁵ Бородино. С. 72.

¹⁶ Клаузевиц. К. С. 69.

¹⁷ Бородино. С. 70.

¹⁸ Там же. С. 109.

¹⁹ Там же. С. 111.

²⁰ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 150.

²¹ Вюртембергский Евг. Указ. соч. С. 48.

²² Щербинин А.А. Указ. соч. С. 17.

представил Кутузову веские доводы к изменению позиции левого крыла. В результате все согласилось с доводами Багратиона и признали необходимым передвинуть на восточный берег Семеновского ручья левый фланг, где он приобрел вид «облического загиба», а войска 2-й армии были прикрыты обрывистым берегом оврага. Однако если правое крыло располагалось в малодоступной для нападения местности, на позицию левого фланга следовало все же обратить более пристальное внимание и «укрепить с помощью искусства».

Начальник штаба 2-й армии Сен-При писал в дневнике: «...Деревня Семеновка была ключом выбранной позиции. Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и затем лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести перед ней несколько флешей»¹⁴. Князь Багратион распорядился возводить упомянутые укрепления и выделить для инженерных работ сначала по 25 человек из каждого полка.

Вскоре стало очевидно, что рабочих рук не хватает. К концу дня Багратион

приказал выделить из каждой пехотной дивизии дополнительно еще по 500 человек и 400 человек ратников ополчения «для скорейшего и удобнейшего построения редутов». 600 человек из 27-й пехотной дивизии Д.П.Неверовского должны были вязать фашины; им предписывалось «быть всем с топорами», чтобы рубить в лесу ветки, «рабочим же прочим дивизий быть с лопатками»¹⁵.

Укрепления, служившие для связи с войсками на Старой Смоленской дороге и прикрывавшие левый фланг, получили название Семеновских, или Багратионовых флешей. Они были возведены на высотах между Каменским и Семеновским ручьями. Строго говоря, флешь – укрепление с двумя фасадами и с одним исходящим углом – была лишь одна, средняя. Ее возводили воины сводно-гренадерской дивизии М.С.Воронцова. Два других укрепления в литературе справедливо называют реданами или даже люнетами, фасады которых загибались внутрь. Северный, или правый люнет строили нижние чины 2-й гренадерской дивизии принца Карла Мекленбургского, а южный, или левый люнет, у самого леса, был сооружен стараниями солдат 26-й пехотной дивизии И.Ф.Паскевича. Современники много раз отмечали уязвимость этих укреплений. «...Наскоро сооруженные. <...> Вырытые в песчаном грунте, они сзади были открыты; не имели никаких искусственных препятствий... Ни одно из этих укреплений не могло выдержать серьезного штурма», – резюмировал все претензии к инженерным сооружениям на левом фланге Клаузевиц¹⁶. В ходе работ не обошлось без досадного недоразумения: сначала весь шанцевый инструмент, «включая топоры», приказом Кутузова было велено передать в распоряжение Главной квартиры. Предполагалось возводить все укрепления под общим руководством генерал-лейтенанта Х.И.Трузсона силами инженерных и понтонных рот. Когда же выяснилось, что к укреплению Семеновского следует привлечь как можно больше людей из находящихся там войск, инст-

**Рядовой
Малороссийского
кирасирского
полка. 1812-1818.**

По рис. неизв.
художника

румент пришлось возвращать обратно, но сделать это удалось не сразу. Багратион 23 августа отдал категоричный по форме приказ: «...Полкам взять свои меры, чтобы отданной ими инструмент поларащен был непременно к утру завтрашнего числа»¹⁷.

На наш взгляд, понятие «левый фланг» нуждается в уточнении. Документы свидетельствуют, что в планах русского командования не придавалось отдельного значения флешам, которые являлись составной частью в системе оборонительных укреплений у деревни Семеновское и служили для связи с войсками на Старой Смоленской дороге. В этом убеждает донесение Багратиона императору от 27 августа, в котором полководец, сообщая «об ударе, нанесенном на нашем левом фланге», не упоминает о флешах, но объединяет в понятие «левый фланг» деревню Семеновское и Шевардинский редут¹⁸. Именно так сообщается о бое на левом фланге в «Официальных известиях из армии», где флеша упоминается в качестве укреплений, усиливающих оборону Семеновского¹⁹. Под левым флангом русской позиции подразумевается Семеновское Сен-При²⁰. «Крайними укреплениями левого фланга» называет флеша Евгений Вюртембергский²¹. Наконец, в Записках А.А.Щербини-

Командующий левым крылом соединенных армий князь Андрей Иванович Горчаков 2-й.
Гравюра Г.Доу с оригинала Д.Доу 1820-х

на, офицера квартирмейстерской части, разводившего войска на позиции, сказано: «Левый фланг Багратиона, утравшийся об укрепленное село Семеновское...»²². Прочности обороны самой деревни в описаниях битвы до сих пор не уделялось должного внимания.

Не следует забывать о наличии там укреплений, хотя о них упоминается глухо. Сен-При отмечал в своем дневнике, что ко времени Шевардинского боя войска 2-й армии «успели лишь занять ар-

Шевардинский редут со стороны атаки войск Даву 24 августа. Вид от деревни Шевардино. С фотографии 1902 года

**Штаб-офицер
пешей артил-
лерии. 1812-1816.**
По рис. Семенова

**Бомбардир пешей
артиллерии.
1812-1816.**
По рис. Семенова

тиллерией высоты и разрушить деревню Семеновку, которую не могли укрепить за недостатком инструментов. Только три флеша левее этой деревни были окончены»²³. Отсюда следует, что после 24 августа все силы были брошены на укрепление позиций за оврагом. Не стоит переоценивать этих усилий: армия Багратиона уже была измотана сражением 24 августа и наверняка нуждалась в отдыхе не менее, чем армия Барклая, о которой Липранди сообщает, что «весь день 25 августа войска 1-й Западной армии отдыхали». Трудно поэтому точно определить тип укреплений и сколько их было возведено силами ополченцев, которым явно не хватало навыков. Унтер-офицер Тихонов назвал их «шанцами», французы называли «эполементами». Самое большое из них, на 24 орудия, по воспоминаниям того же Сен-При находилось на северной окраине Семеновского, на высоте, господствовавшей над местностью. Паскевич, начальствовавший в день битвы 26-й пехотной дивизией и включавший в понятие левого фланга и батарею Раевского, вероятно, потому, что в начале ее защищали войска 2-й Западной армии, писал: «Фронт позиций, особенно

на левом фланге, защищен был сильными батареями»²⁴. Интересную подробность сообщает в своих воспоминаниях офицер пионерных войск Д. Богданов, говоря о преимуществах обороны той же батареи Раевского: «Правый фас ее шел под выстрелы двух батарей у деревни Горки и артиллерии 6-го корпуса, а левый падал к фронту 7-го корпуса, обстреливался его орудиями и с открытой батареей в 60-ти орудий, поставленных у деревни Семеновской...»²⁵. Следует обратить внимание на выводы, сделанные А. П. Ларионовым в статье «Использование артиллерии в Бородинском сражении», где обобщив данные из «Описания сражения...» Толя дневника Сен-При, рапорта начальника артиллерии 2-й армии К. Ф. Левенштерна автор статьи пришел к выводу, что вопреки сведениям Толя, в резерве «к концу дня 25 августа в Псаревском лесу не оставалось ни одного орудия», на направлении же главного удара противника «на левом фланге позиции, Кутузовым было сосредоточено 396 орудий»²⁶. Всего по расчетам Ларионова в самом начале сражения в Семеновском овраге было размещено около 110 орудий. Даже если признать эти сведения несколько преувеличенными

ни, ясно, что огневой рубеж на правом берегу Семеновского оврага был создан значительный.

Местность за оврагом образовывала гряду высот или гребень, что давало нам возможность сосредоточить здесь значительное число артиллерийских орудий, введя их в дело без сооружения специальных укреплений, как тогда говорили, «на откате». Естественные возвышенности и полевые укрепления использовались с таким расчетом, чтобы обеспечить интенсивный перекрестный обстрел. В самой деревне перед сражением было сто павильонов, которые были разобраны во избежание пожара. По словам начальника штаба Сен-При и дежурного генерала С.И. Маевского уцелело лишь две из них, которые можно было быстро и без труда разобрать с началом битвы. На это же указывал поручик Д. Богданов. Французы же утверждали, что им приходилось сражаться среди домов, охваченных пламенем и условно называли Семеновское «горелой деревней».

Можно сделать вывод, что при выборе позиции Кутузов все же учитывал возможность сильного нападения на левом фланге. Следовательно, утверждение о чрезмерной слабости этого участка позиции является преувеличением, хотя, конечно, его оборонительные возможности не идут ни в какое сравнение с позицией правой крыла.

Русское командование сознавало также, что отсутствие естественных препятствий и недостаток инженерных сооружений придется возмещать за счет плотности боевых порядков на сравнительно узком участке позиции. Из документов известно, что оборона левого фланга с самого начала предполагала глубокое построение. Клаузевиц с полным основанием отмечал в своем сочинении: «Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговуля и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты в плен и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, так же иг-

рали роль резервов, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспримерном по тесноте и глубине боевом построении. Столь же тесно, а, следовательно, примерно так же глубоко построилась и французская армия; если ее охватывающий фронт был несколько длиннее русского, то это с лихвою покрывалось большим числом ее бойцов. <...> Этим же объясняется сильное и упорное сопротивление русских. <...> Этим же объясняются и огромные потери людьми»²⁷. Клаузевиц уверенно полагает, что эти плотные боевые порядки возникали не стихийно, чтобы любой ценой отбить неприятеля, но из первоначального расчета русского командования. «Полковник Толь являлся решительным сторонником глубокого построения, т.е. занятия короткого фронта и сохранения сильных резервов», — свидетельствует Клаузевиц²⁸. Однако не один Толь был приверженцем подобного боевого порядка. 25 августа Главнокомандующий 2-й Западной армии князь Багратион отдал приказ войскам, заканчивающийся словами: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым»²⁹. Условия позиции, занимаемой его армией, заставлял военачальника предвидеть характер боя — ожесточенные штыковые схватки, исход которых может решить вовремя подоспевший резерв. Издержек подобного боевого построения — огромных потерь от артиллерийского огня — по-видимому, не всегда удавалось избежать.

Когда выяснились все недостатки позиции у Шевардина, было принято решение передвинуть левый фланг к Семеновскому. Войска 2-й Западной армии, по-видимому, не успели отойти на вновь назначенные места, как были атакованы внезапно появившимся неприятелем. Строки из дневника Сен-При повествуют об обстоятельствах внезапно разгоревшейся схватки: «...Надеялись, что арьергард сможет задержать атаку неприятеля в течение всего 24 числа и даст время окончить укрепления. Но с трех часов пополудни арьергард находился в полном отступлении...»³⁰.

²⁷ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 150.

²⁸ Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 101.

²⁹ Бородино. С. 338.

³⁰ Ларионов А.П. Использование артиллерии в Бородинском сражении. // 1812 год... С. 116-131.

²⁷ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 70.

²⁸ Там же. С. 71.

²⁹ Бородино. С. 91.

³⁰ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 151.

³¹ Бородино. С. 111-112.

³² Там же. С. 87.

³³ Душенкевич Д.В. «Из моих воспоминаний от 1812-го года до <1815-го года>». // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 113.

³⁴ Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. СПб., 1911. Т. 16. С. 88-89.

³⁵ Пеле Ж. Бородинское сражение. // ЧОИДР. 1872. Кн. 1. М., 1872. С. 64.

³⁶ Бородино. С. 109.

³⁷ Там же. С. 379.

Истинная причина событий при Шевардине и масштаб боевых действий, развернувшихся там, в нашей историографии обычно освещают неверно и называют Шевардинским боем, где Шевардинскому редуту приписывается роль «наблюдательного пункта». Согласно «Официальным известиям из армии» этот «редут считался обособленным сооружением, который даже в случае его потери ничего не менял в системе обороны и должен был, главным образом, на некоторое время не дать противнику приблизиться»³¹. Сразу же возникает вопрос, для чего «на некоторое время» задерживать противника, если, согласно дневнику Сен-При, основные укрепления левого фланга были уже возведены? Неясно также, зачем было оборонять редут, «ничего не менявший в системе обороны», с «2-х часов пополудни и даже в ночи». В письме супруге о бое 24 августа Кутузов выразился откровенно: «Вчера на моем левом фланге было дело адское...»³².

По всей вероятности главной причиной сражения явилось то, что 2-я Западная армия подверглась нападению в момент перемены фронта. Специалисты никогда не исследовали вопрос, где находились войска Багратиона к началу Шевардинского сражения. Прапорщик 27-й пехотной дивизии Д.В.Душенкевич

вспоминал, что гренадерская дивизия Карла Мекленбургского в этот же день находилась «на высотах резерва», то есть за Семеновским оврагом³³. Можно предположить, что 2-я сводно-гренадерская дивизия Воронцова уже преодолела «лощину», Каменский овраг, и располагалась где-то в районе Семеновских флешей, составляя вторую линию. В этом случае на первоначальной позиции осталась лишь часть «кор де баталь» под командованием А.И.Горчакова, не успевшая занять назначенную линию. Согласно тексту диспозиции от 24 августа, впереди боевого построения должна была находиться как раз 27-я пехотная дивизия Д.П.Неверовского, расположившаяся в батальонных колоннах восточнее Шевардинского редута. Ее прикрывали полки 2-й кирасирской дивизии И.М.Дуки, занявшей позицию между редутом и Утицким лесом. Севернее деревни Шевардино расположились полки 4-го кавалерийского корпуса К.К.Сиверса, объединенные согласно приказу Багратиона под командованием князя Д.В.Голицина 5-го³⁴. Северный редут был занят 12 орудиями 12-й батальонной роты, 24 орудия размещены в боевых порядках войск. Егерские полки 6-й, 41-й, 49-й, 50-й, 5-й, 42-й растянулись цепью от Ельни до Алексинок. Дороницкий курган был занят 8 орудиями 9-

Долина реки Колочи, где находились бивуаки Великой армии в ночь с 24 на 25 августа. Вид от западной оконечности д. Фомкино. С фотографии 1902 года

войска роты. Общая численность русских войск в начале сражения – 11.400 человек при 36 орудиях.

Наполеон, в свою очередь, принял войска Горчакова за левый фланг русской позиции (что соответствовало действительности), а Шевардинский редут за ее опорный пункт и приказал с марша атаковать русские войска силами 1-го корпуса Л.Н. Даву. Атаку пехоты поддерживала кавалерия И.Мюрата. Силы французов вчетверо превосходили силы, оборонявшие позицию Шевардина и составляли 36.000 пехоты при 194 орудиях.

Вскоре разыгралось ожесточенное сражение, которого, по словам французского штабного полковника Ж.Пеле, могло бы и не быть, если бы Наполеон «*вполне понял расположение русских*»³⁵. Горчаков встретил противника и до глубокой ночи сдерживал его натиск. Редут несколько раз переходил из рук в руки, в «горячее дело» постепенно втянулись почти все войска 2-й армии, включая сводно-гренадерскую дивизию, а затем и 2-ю гренадерскую, находившуюся в резерве левого крыла. С наступлением сумерек, войска Горчакова смогли отступить к Семеновскому, в новую назначенную линию.

Когда Шевардинская позиция была оставлена, и ее защитники «*вошли в свои места*» у Семеновского, к редуту прибыл император Наполеон. Он хотел видеть пленных и был неприятно удивлен их отсутствием. Русские воины предпочитали жизни смерть в бою, и их упорство было для противника плохим предзнаменованием.

В Шевардинском сражении 2-я Западная армия лишилась около 6 тысяч человек. Следует ли говорить, как несвоевременны были для нее эти боевые действия накануне генеральной битвы? «*И хотя неприятель усиливался и, возобновляя колонны, старался опрокинуть наши войска, но храбростью русских везде поражен был с сугубою и гораздо важнейшею потерею*», – доносил Багратион³⁶. Впрочем, наши потери были велики. Так, Орденным кирасирским полком в день битвы при Вородине командовал уже майор. Перал-майор Неверовский, начальник

27-й пехотной дивизии, вспоминал «*Накануне сего сражения дали мне 4000 рекрут для наполнения дивизии; я имел во фронте 6000, а вышел с тремя...*»³⁷.

Правомерно задаться вопросами, почему 24 числа сражалась третья линия резерва, когда существовал еще 7-й пехотный корпус, участие которого не упоминается в Шевардинском деле. И где находился тогда этот корпус 24 августа в день битвы? Явно не за Семеновским, так как в «*Походных записках*» Паскевича читаем: «*В то же время, когда 24 французы сделали атаку на Шевардине, они атаковали также и мой левый фланг. Я послал два егерских полка с 12 орудиями в кусты, около речки, сам же с остальными двумя полками моей дивизии вышел для подкрепле-*

**Польский 8-й
уланский полк.
1810-1814.**

Рис. Б.Гембар-
жевского

**Император
Наполеон.**
Худ. Э.Детайль.
Музей Армии,
Париж

³⁸ Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 100.

³⁹ Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сб. ст. СПб., 1867. С. 18-19.

⁴⁰ Там же. С. 20.

ния егерей. Они удержались до вечера, неприятель не мог опрокинуть моей егерской бригады, хотя из орудий полковника Журавского много было подбито. И, по крайней мере, половина лошадей потеряна, но артиллерия не отступила. Дело это стоило мне до 800 человек, и под мою ранило лошадь»³⁸. Рассказ Паскевича указывает на то, что 7-й пехотный корпус примыкал левым флангом к войскам Горчакова. Следовательно, Курганная высота в центре находилась за правым

флангом корпуса Раевского. По свидетельству Липранди, приведением ее в оборонительное состояние начали заниматься войска 6-го пехотного корпуса Д.С.Дохтурова, уступившего после перемены фронта место армии Багратиона. По документам и воспоминаниям центральное укрепление можно назвать «блуждающей высотой», так как участки битвы относят ее то к центру, то к левому флангу, в зависимости от того, войска ее обороняли.

Подготовка к обороне центральной высоты послужила поводом для столкновения мнений. В диспозиции от 24 августа совсем не отражено очень существенное обстоятельство. В частности там сказано: «*Центр из 6-го корпуса, под командою генерала от инфантерии Дохтурова. Левый фланг, из 7-го корпуса и 27-й дивизии, под командою генерал-лейтенанта князя Горчакова 2-го*», что, как мы знаем, совсем не соответствует ситуации, сложившейся к 26 августа. Квартирмейстер 6-го пехотного корпуса Липранди свидетельствовал: «*25-го августа, после полудня, решено было сделать некоторое изменение в расположении войск 6-го и 7-го корпусов <...>, стоявших в прямой линии от Горок до Семеновского, имея пред интэрвалом своим, наполовину пушечного выстрела курганообразную высоту. Изменение это заключалось в том, чтобы 6-й пехотный корпус, оставив свой правый фланг при Горках, подал свой левый вперед и примкнул к помянутой высоте, а 7-й корпус, оставив левый фланг при Семеновском, правым примкнул бы к той же высоте, которая посему и включалась в первую линию позиции, составив, таким образом, входящий угол между помянутыми двумя корпусами. Движение это приказано было привести в исполнение за несколько времени до рассвета следующего дня 26 августа*»³⁹.

Из этого рассказа явствует, что центральная высота, которая со временем приобрела в историографии статус «ключа позиции», по-настоящему привлекла к себе внимание командования лишь в самый канун битвы. 25 августа офицеры и генералы дивизий, размещенных у батареи Раевского, стали свидетелями спора между генералом Беннигсеном и полковником Толем по поводу тех мер, которые следовало принять для защиты этого пункта русской позиции. Если Толь предлагал соорудить здесь люнет на 18 орудий и включить его в линию обороны 6-го и 7-го корпусов, то Беннигсен настоятельно советовал здесь «*сомкнутое укрепление с амбразурами для 24-х или даже 36-ти орудий, приспособленное для*

*круговой обороны и «поместить здесь четыре или пять батальонов пехоты»*⁴⁰. Очевидец указывал: «... Толь говорил, что неприятель, направляясь на этот высунувшийся пункт и овладев оным будет командовать позицією 6-го и 7-го корпусов, и сосредоточив здесь многочисленную артиллерию собьет оные со своего места; тогда как включив это возвышение в позицию, ему придется бороться в одно время с двумя корпусами и т.д. Беннигсен возражал, что если включают этот пункт в позицию, неприятель, завладев оным, будет анфилировать линию обоих корпусов, и тем понудит их отступить в настоящую позицию уже от большой убыли неминуемо расстроеными»⁴¹. Кутузов, по словам того же очевидца, «не произнес ни слова ни в пользу, ни против кого-либо из

**Французский
дивизионный
генерал.**
Худ. Э.Детайль

Командир 4-го
пехотного корпуса
граф Александр
Иванович
Остерман-
Толстой.
Худ. Д.Доу. 1825. ГЭ

Командир 6-го
пехотного корпуса
Николай
Николаевич
Раевский.
Худ. Д.Доу. 1820-е. ГЭ

излагавших свое мнение». В конце концов, Главнокомандующий поддержал предложение Толя (либо Толь излагал точку зрения Главнокомандующего). «Мнение Беннигсена втайне признавалось большим числом», – свидетельствовал Липранди. Присутствующие при этой «дискуссии» Барклай де Толли и Багратион молчали, может быть оттого, что сознавали ограниченность возможностей, обусловленных нехваткой времени и рабочих рук. Ополченцы к подобному фортификационному дерзанию были не пригодны. Положение армии Багратиона, несомненно, усложнилось после назначения 7-го пехотного корпуса Раевского к обороне Курганной высоты. Теперь для защиты Семеновского, особенно с севера, войск явно не хватало, и оборона 2-й армией сразу двух ключевых участков позиции ставило ее в опасное положение. Как раз это и констатировал бывший квартирмейстер 6-го пехотного корпуса Липранди: «Перелом нашей линии углом вперед с целью включить в оную помянутую высоту, был для нас неблагоприятен»⁴².

К рассвету 26 августа четырехкилометровый участок позиции от Центрального люнета до Утицкого леса заняли полки 2-й Западной армии. Защита Курганной высоты была окончательно вверена 7-му пехотному корпусу Раевского,

примкнувшему левым флангом к Семеновскому, где, скрываясь за возвышенностью, располагалась 2-я гренадерская дивизия. Южнее, на левом берегу Семеновского оврага встали полки 2-й кирасирской дивизии, которая, при необходимости, сразу могла подкрепить 4-й кавалерийский корпус, разместившийся во второй линии, позади корпуса Раевского и дивизии Карла Мекленбургского.

Гренадеры Воронцова занимали флешы в первой линии. Внутри каждой флешы разместилось по одному батальону для прикрытия артиллерии. Левую флешь занимали двенадцать орудий 32-й батареинной роты подполковника Ф.И.Беллинсгаузена; в правой и средней разместились соответственно, семь и пять орудий 11-й батареинной роты полковника Богуславского. Позади укреплений в одну линию выстроились оставшиеся восемь сводных батальонов дивизии Воронцова, а за ними на западном берегу Семеновского оврага встали десять батальонов сильной поредевшей 27-й дивизии Неверовского. Общая численность войск 2-й Западной армии составляла около 35 тысяч человек при 174 орудиях.

⁴¹ Липранди И.П. Указ. соч. С. 20-21.

⁴² Липранди И.П. Замечание на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского. // Харкевич В.И. Указ.соч. Вып. II. С. 21.

«Ветер гасит свечу...»

День 25 августа, наступивший после Швардинского побоища, выдался действительно спокойным. «25 числа, кроме перестрелки, ничего важного не происходило», – сообщал государю князь Багратион¹. Порой выстрелы становились слишком частыми: французские стрелки на дивизии Морана пытались вытеснить русских егерей из оврагов Войны и Колочи у села Бородина. Не менее оживленный стрелковый бой завязался в Утицком лесу, где поляки в ходе разведки боем пытались разобраться в наличии русских войск на Старой Смоленской дороге. Накануне Наполеон отверг предложение маршала Даву обойти левое крыло русской позиции. Французский император опасался, что угроза охвата с фланга заставит Кутузова отказаться от сражения. Вместе с тем он опасался, что войска Даву заплутают в густом лесу в совершенно незнакомой и к тому же заболоченной местности. Неясными представлялись намерения русского командования на этом участке позиции: 24 августа Старая Смоленская дорога была почти не занята войсками. Кутузов и Беннигсен, по словам Барклая, полагали, что она «легко может быть защищена нестроевыми войсками», и не обращали должного внимания на полузаросший деревьями и кустарниками тракт, ведущий в тыл нашей позиции. Затем, вдруг спохватившись, туда срочно направили 3-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.А.Тучкова 1-го. Толь сообщает, что это произошло 25 августа, а Барклай уверяет, что 24-го. Скорее всего, прав все-таки Толь: Наполеон слишком поздно узнал о наличии значительного числа русских войск в Утицком лесу. Французский полководец был рационален: сначала его удивило отсутствие войск на самом уязвимом участке позиции в то время, как на правом фланге их было явно в избытке. Он полагал, что его

противник пренебрег этой дорогой в лесу из-за непроходимой местности – именно это заставило его отказаться от обходного движения, предложенного Даву. Когда Наполеон «свыкся» с этими мыслями, на Старой Смоленской дороге вдруг появились русские войска. Почему они там появились, великому полководцу было понятно. Неясной была причина их долгого отсутствия. Разве он мог себе вообразить, что только теперь русское командование обратило, наконец, внимание и на эту дорогу: князь Багратион убедил Кутузова, а Барклай переспорил Беннигсена. Впрочем, появление 3-го корпуса Тучкова в Утицком лесу было неожиданностью не только для Наполеона. «Адъютант, посланный мною с приказаниями в сей корпус, уведомил меня о сем происшествии, – писал Барклай де Толли императору. – Никто не знал, под чьим начальством следовало оному находиться, к кому надлежало оному относиться и получать приказания? Я предоставил сие князю [Кутузову – авт.] и получил в ответ, что причиной тому была ошибка, которая впредь уж не случится»².

Каким бы парадоксальным ни показалось наше заключение, но в размолвках и интригах русского командования была положительная сторона. Подчиненные невольно включались в эти заботы, которые могли бы показаться мелочными и недостойными на фоне значительного события. У каждого генерала были свои приверженцы, как при Дворе, так и в Армии, где это были штабные офицеры, адъютанты, ординарцы. Каждый считал своим долгом стоять горой за своего начальника. И эти ежедневные хлопоты, о которых так уничижительно писал Л.Н.Толстой, отвлекали людей в мундирах от горестных раздумий, от тяжелых трудов, от усталости, от перенапряжения, от неуверенности и страха перед непри-

¹ Бородино. С. 109.

² Барклай де Толли М.Б. Указ. соч. С. 184.

Полковник французского карабинерного полка. 1810-1814.
Рис. Э. Детайля

ятелем, от подавляющих мыслей о непобедимости великого Наполеона. Это была психологическая разрядка в условиях войны. Человечность начальников, способность к заблуждениям и всепонижанию, облегчали подчиненным беды и лишения. Они не испытывали морально-го гнета превосходства отдельной, пусть даже гениальной, личности. Восторженное поклонение императору Наполеону, о котором пишут в своих мемуарах наши противники, безусловно возвышало их дух, наполняло восторгом сердца, но и утомляло. Постоянный энтузиазм, рано или поздно, вызывает усталость и апатию, особенно при неблагоприятной смене обстоятельств. Прочное основание для благоприятного поворота судьбы заключено в словах генерала Коновницы-

на: «Российский Бог велик, а наше усердие все превозмогает»³. Несмотря на сложные взаимоотношения в среде русского генералитета, где каждый был уверен, что прав именно он, а не его соперник, не смотря на разность характеров, все вместе они удержали на своих плечах удивительный человеческий мир, именуемый Русской Армией, который не распался и не деградировал ни при отступлении, ни в часы торжества над неприятелем. Унтер-офицер Тихонов запечатлел в своем рассказе главную примету того времени: «Начальство под Бородином было таково, какого не скоро опять дождемся»⁴.

Кутузов лично объезжал полки, «дабы со всеми ими познакомиться». Нижние чины всегда встречали его радостно: «Слушаем, не дышим и ног под собой не слышим – ведь создаст же Бог такого человека! Он, право, дня 2-3 прокормит добрым, русским приветливым словом, за которым в карман, как говорится, не лезет, и к солдатскому сердцу большую дорогу знает»⁵. Военный сановник екатерининских времен, кроме ума, здравомыслия, образования и «опытности, приобретенной на поле брани», обладал еще одной важной чертой характера, незаменимой в тех условиях, «Он был веселонравен, шутлив, даже при самых затруднительных обстоятельствах», – вспоминали современники. Он тонко чувствовал, где нуждаются в его шутках, а где следует быть серьезным. Неспроста он обронил фразу, остановившись перед одним из полков, наблюдая, как солдаты чистили амуницию: «Французы переломают над нами свои зубы, но жаль, что разбивши их, нам нечем будет доколачивать»⁶. Перед другим полком он заговорил неожиданно зычным и сильным голосом, который трудно было предположить в «тучном старце, отягощенном немощами»: «Ребята!... Придется вам защищать землю родную; надо служить верою и правдою до последней капли крови; каждый полк будет употреблен в дело; вас будут сменять как часовых чрез каждые два часа; я надеюсь на вас, Бог нам да поможет! Отслужите молебен»⁷. С полудня по фронту пронесли следовавшую от Смоленска

**Французская
гвардейская
конная
артиллерия.**
Рис. Ж.Жирбаля

и иска икону Божьей Матери, и вся армия, включая Кутузова, с чувством глубокой веры поклонялась чудотворному образу.

Объезжал ряды своих войск и «Ахилл наполеоновских войн» князь Багратион, делая последние распоряжения, проверяя и где нужно внося изменения в боевые порядки. Нижние чины, слышавшие разговоры среди офицеров, потом вспоминали: «Сказывали, будто Багратион бранился с штабными и говорил: «Чего вы все ли правый фланг страшитесь? Вы берегите левый фланг!»⁸. А уберечь левый фланг можно было, по определению английского полковника Вильсона, «воззвав к храбрости каждого солдата отдельно».

Багратион останавливался и говорил с солдатами так, как умел говорить он один, они жадно ловили каждое слово полко-

водца, который уже столько раз водил их в бой, поднимал в атаки, что им «казалось, что у него в запасе не одна, а тысяча жизней». «Пока мы живы – в нас надежда любезного Отечества... Тридцать лет, как я врагов побеждаю через вашу храбрость. Я всегда с вами, а вы со мною». – «Веди нас, отец! Умрем с тобою!» – отвечали воины.

Каждый провел этот день перед сражением по-своему. Федор Глинка в «Очерках Бородинского сражения» вспоминал о своих занятиях так: «Я почти целый день просидел на колокольне в селе Бородине. Оттуда в зрительную трубку – все как на ладони!... Но не один я задержан был любопытством на колокольне: многие генералы всходили туда же. Общее мнение было, что неприятель для того отгораживает левое крыло свое чтобы

³ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1904. Ч. 8. С. 112.

⁴ Рассказ о Бородинском сражении унтер-офицера Тихонова, записанный в 1830 году. // Бородинское сражение. М., 1872. С. 118.

⁵ Скобелев И.Н. Солдатская переписка 1812 года. // 1812 год в воспоминаниях и рассказах современников. М., 2001. С. 188.

⁶ «Из походных записок артиллериста в 1812 по 1816 год». И.Т. Радожицкого. // Бородино. С. 384.

⁷ Душкевич Д.В. Указ. соч. С. 114.

⁸ Рассказ о Бородинском сражении унтер офицера Тихонова... С. 115.

**Рядовой
Кавалергардского
полка. 1812-1820.**

Рис. П.К.Губарева.
ВИМАИВиВС

**Унтер-офицер
Лейб-Гвардии
Конного полка.
1812-1814.**

Рис. неизв. художника.
ВИМАИВиВС

свести все войска на правое и с сугубым усилием ударить на наше левое. На середину также ожидали нападения»⁹. Кого же видел Глинка в тот день на колокольне? Прежде всего, своего любимого военачальника Милорадовича, «великолепного во всех его деяниях», общего любимца Суворова и Кутузова и всей армии, вместе с которым обозревал позицию и его приятель командир 4-го пехотного корпуса, племянник Кутузова по материнской линии граф Александр Иванович Остерман-Толстой. Тот же Глинка составил его очень выразительный портрет: «Важные, резкие черты отличали его смуглое, значительное лицо, по которому можно было отгадать характер самостоятельный. Осанка и приемы обличали в нем человека высшей аристократии, но в одежде был он небрежен, лошадь имел простую. Он носил в сражении очки, в руке держал нагайку. Часто, видя отстающего солдата, он замахивался нагайкою...»¹⁰.

Конечно, кому-то может показаться странным облик военачальника с нагайкой для понукания нижних чинов, но в каждом времени были свои герои, жившие по законам своей эпохи. Главное, что сопутствовало уходящему поколению де-

ятелей екатерининского времени – это неистребимая барская спесь, ограничиваемая искренней религиозностью. Можно сказать, что это был мощный моральный стержень их натуры, к которому крепились остальные черты характера. Может быть, именно поэтому вместо их подробных биографий мы долгие годы читали их длинные послужные списки, зная о них самих в действительности гораздо меньше, чем о наполеоновских маршалах.

Среди корпусных начальников у церкви Рождества в Бородине часто появлялась худошавая фигура «человека длинного роста, с значительным европейским лицом. Он был уже на склоне лет, но все в нем показывало, что в молодых годах своих он был стройным мужчиною и, может быть, храбрым наездником, несмотря на кротость, выражавшуюся в спокойных чертах. Те, которые знали близко этого человека, этого знаменитого генерала, говорят: «Мудрено найти кротость, терпение и другие христианские добродетели, в такой высокой степени соединенные в одном человеке, как в нем»¹¹. Трудно сразу догадаться, что речь идет об одном из главных участников заговора против Павла I, генерале от кавалерии бароне Леонтии Леонтьеве

⁹ Глинка Ф.Н. Письма русско-го офицера. М., 1985. С. 158.

¹⁰ Его же. Очерки Бородинского сражения (Воспоминания о 1812 годе). // Письма русского офицера. М., 1985. С. 59.

¹¹ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 99.

¹² Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 497.

¹³ Барклай де Толли М.Б. Указ. соч. С. 185.

¹⁴ Радожицкий И.Т. Указ. соч. С. 385.

¹⁵ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 46.

виче Беннигсене, или, как называл себя сам поначальник, Leon Leontich. Единственный из заговорщиков он сумел вернуться в строй, избежав опалы. Лучшее, как известно, враг хорошего. Стараясь быть лучшим, он забывал о скромности, которая вообще редко встречалась у «старых солдат» времен Екатерины II. И в этот день он был настроен отнюдь не кротко. Оглядев расположение французских войск, он опять направился к Кутузову, чтобы заявить ему в резкой форме, что «наш правый фланг следует опереть на деревню Горки и двинуть все остальные войска нашего правого фланга на поддержку левого крыла»¹². Но Кутузов не намерен был соглашаться со старым другом-соперником и все убеждения Беннигсена остались безуспешными.

С этим же предложением к Главнокомандующему явился и Барклай де Толли, убеждая «при наступлении темноты, исполнить с армиею движение так, чтобы правый фланг 1-й армии отступал на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус. Сие расположение не переменяло бы боевого порядка; каждый имел при себе соприкоснутые войска; резервы наши, не начитая дела, могли быть сбережены до последнего времени, не будучи рассеянны и, может быть, решились бы сражение. Князь Багратион не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля»¹³. Кутузов в ответ промолчал.

День приготовления к сражению многим показался скоротечным. «Солнце светило ярко и золотистыми лучами скользило по смертоносной стали штыков и ружей; оно играло на меди пушек ослепительным блеском. Все устраивалось для кровопролития следующего дня: московские ратники оканчивали насыпи на батарее, артиллерию развозили по местам и приготавливали патроны. Солдаты чистили, острили штыки, белили португези и перевязи; словом, в обеих армиях 300 000 воинов готовились к великому страшному дню. Наступила ночь; биваки враждующих сил запылали бесчисленными огнями

ми кругом верст на двадцать пространства. Огни отражались в небосклоне на темных облаках багровым заревом...»¹⁴ — вспоминал о последней ночи перед битвой офицер Радожицкий.

«... Священное молчание царствовало на нашей линии. Я слышал, как квартиргеры громко сзывали к порции: «Водку привезли; кто хочет, ребята! Ступай к чарке!» Никто не шелохнулся. По местам вырывался глубокий вздох и слышались слова: «Спасибо за честь! Не к тому изготовились: не такой завтра день!» И с этим многие старики, освещенные догорающими огнями, творили крестное знамение и приговаривали: «Мать Пресвятая Богородица! помоги постоять нам за землю свою!»¹⁵ — вспоминал другой участник битвы.

Как раз в это время генерал Раевский приступил к укреплению центральной высоты, получившей впоследствии его имя. Всю ночь он был при деле, произведенными работами остался доволен и обратился к собравшимся генералам со следующими словами: «Теперь, господа, мы будем спокойны; император Наполеон видел днем простую, открытую батарею,

Молебен на
Бородинском поле
25 августа
1812 года.
Рис. И.Иванова

а войска его найдут крепость...» Похвала внучатого племянника Потемкина, «принадлежавшего к семейству храбрых», всем была особенно приятна. Генерал Раевский, имея надменный характер и острый язык, был сдержан и суров в общении с равными, но младший по чину всегда видел в нем опору. Лажечников, состоящий одно время при генерале адъютантом, вспоминал: «Николай Николаевич никогда не суетился в своих распоряжениях: в самом пылу сражения отдавал приказания спокойно, толково, ясно, как будто был у себя дома: всегда спрашивал исполнителя, так ли понято его приказание, и если находил, что оно недостаточно понято, повторял его без сердца, называл всегда посылаемого адъютанта или ординарца голубчиком и другими ласковыми именами. Он имел особый дар привлекать к себе подчиненных»¹⁶.

В отличие от «деятельного генерала Раевского», начальник артиллерии соединенных армий граф Александр Иванович Кутайсов к вечеру сделался грустным, его одолевали мрачные предчувствия, которые не смогло развеять присутствие генерала Ермолова.

Весь день, напротив, Кутайсов был оживлен и весел, пил чай со своими артиллеристами из их медного чайника как раз в районе батареи Раевского. А.С.Норов вспоминал о любимом начальнике: «Вот что велел он мне уже вечером передать моим товарищам: «Подтвердите от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет

верхом на пушки. Сказать командирам и всем гг. офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции. Артиллерия должна жертвовать собой. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если бы за всем этим батарея и была взята, хотя можно поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий»¹⁷. Смысл распоряжений начальника артиллерии состоял в том, что в русской армии потеря орудия приравнялась к потере знамени. Император запретил Кутайсову специальным рескриптом представлять к награде офицеров, чьи артиллерийские расчеты потеряли орудие в бою, несмотря на обстоятельства. Это обыкновение вело к тому, что артиллеристы, увидев приближение неприятеля, торопились скорее свезти орудия. Кутайсов же призывал их после выстрела в упор не покидать позицию – предполагалось, что артиллеристы либо отобьют атаку, либо погибнут на своих пушках.

В эту ночь перед битвой в последний раз беседовали между собой генерал-майор Александр Алексеевич Тучков 4-й и его старший брат и корпусной начальник Николай Алексеевич Тучков 1-й. Предчувствовал ли 35-летний генерал свою гибель так, как предчувствовало беду сердце его супруги Маргариты Михайловны, увидевшей накануне вещий сон. О чем размышляли братья той ночью, «предвещавшей страшное кровопролитие»?

Панорама, открывающаяся с высоты, на которой Наполеон 25 августа обзирал русскую позицию: 1 – с. Бородино (с церковью), 2 – д. Князьково, 3 – новая роща и памятник на Курганной высоте, 4 – д. Семеновское, 5 – нижняя часть Семеновского оврага, 6 – Семеновские высоты. С фотографии 1902 года

Может быть, они рассуждали так же, как и офицеры-артиллеристы, собравшиеся в эту ночь вокруг костра? *«Полагали, что завтрашний день будет решением кровавой задачи и, разумеется, об этом только и толковали. «Не может быть, говорили, чтоб из такого дела все мы вышли живы и невредимы? Кому-нибудь из нас да надо же быть убитым или раненым». Некоторые возражали: «Не может быть, чтобы меня убили, потому что я не хочу быть убитым...» Другой замечал: «Меня только ранят...» Один молодой, красивый подпоручик сказал, указывая в открытую лазейку бивуака: «Смотрите, видите ли вы там, на небе, большую звезду? Когда меня убьют, я желаю бы, чтобы душа моя переселилась туда». Этот офицер действительно был убит, но там ли его душа?... Однако же не настоящее время, как только взгляну на крайнюю звезду Большой Медведицы, я вспоминаю о своем юном сослуживце»¹⁸*, — рассказывал позднее Н.Е.Митаревский.

Поздно вечером возвратился на ночлег в одну из уцелевших изб в Семеновском князь Багратион. По словам Ермолова, *«уединение не было свойством князя, и он «не привык искать средств в себе самом»¹⁹*. Он и теперь не стремился к одиночеству. За его столом наверняка собрались его друзья и сослуживцы. Среди них — племянник Суворова князь Андрей Иванович Горчаков, удивительно похожий на своего выдающегося родственника, под командованием которого они вместе с Багратионом отличился в Ита-

лии. В той кампании в 1799 году князь был тяжело ранен, оставшись на всю жизнь при сильной хромоте. Здесь же был и начальник штаба 2-й армии граф Эммануил Францевич де Сен-При. Если можно было в сражениях рисковать своей жизнью вдвойне, то, безусловно, это относилось к французским эмигрантско-роялистам. Для них не существовало возможности плена: в отличие от русских военнопленных, они подлежали расстрелу. Фамилия графов де Сен-При значилась одной из первых в проскрипционных списках, утвержденных Наполеоном. Присутствие этих людей среди постоянных спутников князя опровергает мнение о том, что Багратион не любил иностранцев, в особенности французов. Правильнее сказать, что он любил не всех французов. За столом князя собирались также офицеры штаба, которых по обыкновению «ожидал скромный, но сытный» обед или ужин за счет князя. Он так и не научился считать деньги...

«Что будет завтра?» — спрашивал себя один из офицеров, заканчивая письмо от 25 августа: — Ветер гасит свечу, а сон смыкает глаза. Прощай».

¹⁶ Лажечников И.И. Указ. соч. С. 207.

¹⁷ Норов А.С. Воспоминания. // России двинулись сыны... М., 1988. С. 350.

¹⁸ Митаревский Н.Е. Воспоминания о войне 1812 года. М. 1871. С. 55-56.

¹⁹ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 152.

Сражение

«**26 августа. Настал наконец желанный день!**» – так начинается рассказ о Бородинской битве Ермолов. В котором часу началось знаменитое сражение? В подавляющем большинстве исследований время указывается одинаково – около 6.00. Но у самих участников битвы существовало столько мнений, что их просто невозможно оставить без комментариев. Согласно 18-му бюллетеню Великой армии, сражение началось в 6 часов утра. В рапорте Кутузова императору от 27 августа говорится: «...Вчерашнего числа, пользуясь туманом, в 4 часа с рассветом направил [неприятель – авт.] все свои силы на левой фланг нашей армии»¹. Что это – ошибка? Некоторые историки подозревают в этом умышленное сокрытие фактов. Правда, в рапорте есть очевидная неточность: 4 часа утра – слиш-

ком рано для наступления рассвета при Бородине в это время года. При солнечной погоде, а день 26 августа выдался именно таким, рассвет наступает около 6.00. В печатных «Официальных известиях из армии» от того же числа эта забавная оплошность уже устранена и внесены разъяснения: «В 4 часа утра неприятель, пользуясь густым туманом, начал свое движение к нашему левому флангу»². Сам факт соответствует действительности: перемещение войск в неприятельском лагере было связано с распоряжением Наполеона занять к 5 часам утра исходные места для атаки.

Вообще у большинства наших военачальников, по-видимому, отсутствовала привычка сверять время по часам. Так, князь Багратион пишет в своем рапорте Александру I от 27 августа: «А 26-го, на

**Французский
5-й гусарский
полк накануне
битвы.**
Рис. Э.Детайля

¹ Бородино. С. 101.

² Там же. С. 112.

³ Там же. С. 109-110.

⁴ Там же. С. 173.

⁵ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 187.

⁶ Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 101-102.

⁷ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 154.

⁸ Бородино. С. 161.

⁹ Journal du capitaine Francois. Paris, 1904. Т. 2. Р. 789.

¹⁰ Лежен Л.Ф. «Дорогой ценой купили мы успех...» // Родина. 1992. № 6-7. С. 53.

¹¹ Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году. М., 1912. С. 133.

¹² Girod de l'Ain. Dix ans de mes souvenirs militaires. // Bertin G. La campagne de 1812... Р. 81.

¹³ Данилов Д.П. «Историческое сведение о Бородинском сражении». // Тихонов И.С. Об установлении автора воспоминаний... Тезисы научной конференции. Бородино. 1992. С. 17.

¹⁴ Беннгиссен Л.Л. Указ. соч. С. 497.

мом рассвете, неприятель таки сделал нападение усильнейшее...»³. Барклай де Толли доносит Кутузову 26 сентября: «26-го числа поутру до света получено донесение «...», что замечено движение в неприятельской позиции противу деревни Бородина и вскорости после сего неприятель атаковал превосходными силами сию деревню...»⁴. Ермолову запомнилось следующее: «Скрывавшееся в тумане солнце продолжило до 6 утра обманчивое спокойствие»⁵. Паскевич, как и Ермолов, указал определенно: «...В 6 часов утра начался этот кровавый бой»⁶. Свидетельство начальника штаба 2-й армии Сен-При также не лишено оснований: «Около 7 часов их колонны двинулись на флешы»⁷. На это же время указывает ряд французских источников, где наблюдается расхождение от 5.00 до 7.00. Раевский связал начало битвы с наступлением рассвета, но происходящие затем события генералу видятся по-своему: «Предвидение мое сбылось, 26-е число на рассвете неприятель начал обходить мой фланг...»⁸. На наш взгляд, эти сведения не противоречат друг другу: каждый участник битвы по-разному судил о ее начале. Одни имели в виду передвижение войск, предшествовавшее битве, другие – перестрелку на аванпостах, для третьих начало сражения – это гром артиллерии по всему фронту, для четвертых – нападение противника. Наконец, существует группа лиц, для которых начало великой битвы – это выстрел вестовой пушки».

Откуда прогремел первый артиллерийский выстрел? Поскольку французы были нападающей стороной, предоставим им первое слово. Капитан Ш.Франсуа вспоминал: «В 6 часов утра пушечный выстрел гвардейской артиллерии является сигналом начала боя!»⁹. Л.Ф.Лежен сообщал: «Сигнал был дан около 7 часов, и 300 наших пушек немедленно открыли пальбу»¹⁰. Большинство документов указывает на то, что первый выстрел прогремел с батареи Сорбье против Семеновских флешей. С этим согласен Ц.Ложье, находившийся на левом фланге Великой армии у Бородина: «Пушечный выстрел, понесшийся с ба-

тарей на правом фланге, дал, наконец, сигнал к сражению. Было ровно 6 часов»¹¹. Капитан Жиро де л'Эн уверял, что «бал открыла гвардейская артиллерия», но сразу же «пальбой 60-ти орудий»¹².

С тем, что первый выстрел грянул у Семеновского, соглашался бывший поручик 11-й батарейной роты Д.П.Данилов, опубликовавший свои воспоминания, будучи уже генералом. Эту честь он уверенно приписал... себе: «На рассвете первое русское ядро полетело с нашей батареи и выстрел этот был сделан мною. Резко раздался на заре гул выстрела по лесу и подал вестовой знак. Все смолкло, но не прошло и нескольких минут, как длинная цепь французских орудий, поставленных впереди Шевардина, загрохотала в свою очередь...»¹³.

Не менее определенно высказался по этому поводу Беннигсен: «...Батарея № 4 [генерал отметил ее этим номером на карте, приложенной к его запискам, – авт.], которую защищал генерал-лейте-

М.И.Голенищев-Кутузов.
Раскрашенная
литография
В.Адама. Середина
XIX века

**Начальник
Главного штаба
1-й Западной
армии Алексей
Петрович
Ермолов.**
Литография
К.П.Брюллова.
1822.
Государственный
музей А.С.Пушкина

нант Раевский, первая открыла огонь»¹⁴. Именно поэтому Беннигсен тотчас же туда отправился. Наконец, мы располагаем свидетельствами адъютанта и ординарца Кутузова. Первый из них, знаменитый историк Михайловский-Данилевский, вспоминал: «26-го августа, в четвертом часу поутру меня разбудило ядро неприятельское, раздробившее близ меня конюшню. Любопытно, и не знаю, произошло ли сие случайно или сделано было с намерением, что первое ядро, пущенное с неприятельских батарей, направлено было на дом, занимаемый князем Кутузовым» (перед сражением Кутузов ночевал в деревне Горки, «позади центра русских войск») ¹⁵. Ординарец Кутузова И.Р. фон Дрейлинг приводит в своем рассказе этот же случай: «Чуть рассвело – а неприятель уже послал свое первое ядро. Одно из первых ядер пролетело над нашими головами и попало прямо в крышу того дома, где находился Кутузов»¹⁶. Шальное ядро, конечно же, не могло прилететь с батареи Сорбье, скорее всего оно было пущено из орудия батареи д'Антуара.

Утром накануне великой битвы противник вел себя активно, что объясняется теми задачами, которые ему предстояло решать в ходе сражения. Войска Наполеона концентрировались для нанесения сокрушительного удара по русской позиции. Не менее важной была причина психологического характера, занимавшая умы всех, от императора Наполеона до последнего солдата Великой армии. Каждый тревожился, что сражение не произойдет. «Эти опасения не давали спать Наполеону. Он постоянно звал к себе, спрашивал, который час и не слышать ли какого-нибудь шума, и посылал посмотреть, на месте ли неприятель?» – рассказывал Сегюр¹⁷. Генерал Рапп в откровенной беседе с императором заявил: «...Мы исчерпали все свои ресурсы и должны победить по необходимости...».

Беспокойство Наполеона усугублялось недугом, он покинул свою палатку и направился в Шевардино. Генерал Пеле вспоминал: «Он выехал во 2 часу утра, при сильной темноте и по весьма труд-

ным дорогам, к редуту, взятому 6-го числа. Он ожидал появления дня посреди своих генералов, отдавая им последние приказания»¹⁸. Он наблюдал за передвижениями 1-го корпуса Даву, который должен был начать сражение. Между 2.00 и 4.00 на правый берег Колочи перешли части Старой и Молодой гвардии, расположившись за Шевардинским редутом. Затем перешли по мостам через реку 3-й корпус Нея и 8-й корпус Жюно, которые должны были «составить центр сражения». Севернее выстраивалась резервная кавалерия Мюрата: 1-й, 2-й, 4-й корпус. В 4 часа утра в обход левого фланга русских двинулся 5-й корпус Ю.Понятого. У Наполеона возникали беспокойные мысли, связанные с физическим состоянием армии. «Его пугало обнищание его собственных солдат. В состоянии ли они будут, такие слабые и голодные, выдержать длительное и ужасное столкновение?» – писал Сегюр. Это обстоятельство, конечно же, сказывалось на настроении многих воинов. Далеко не все из них заметили прекрасную погоду или великий колесный восход солнца. Давал себя почувствовать непривычный для западных европейцев климат, отмеченный не только в мемуарах, составленных задним числом. Ф.Жиро де л'Эн вспоминал: «Погода была пасмурная»¹⁹. И в самом 18-

¹⁴ Михайловский-Данилевский А.И. Записки. 1812 год. // Исторический вестник. 1890. №10. С. 144.

¹⁵ Дрейлинг И.Ф. Указ. соч. С. 375.

¹⁶ Ф. Сегюр. Поход в Москву. М., 1911. С. 26.

¹⁷ Пеле Ж. Указ. соч. С. 73-74.

¹⁸ Girod de l'Ain. Op. cit. P.80.

¹⁹ Коленкур А. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 99.

²⁰ Липранди И.П. Пятидесятилетие Бородинской битвы... С. 8.

²¹ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 213.

²² Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 57-58.

бюллетене сообщалось: «Хотя был сентябрь, было так же холодно, как в декабре в Моравии». Однако декабрь в Моравии был связан у французов с радостью победы под Аустерлицем, и император желал напомнить окружающим об этом радостном событии, когда указал на восходящее светило и оживленно воскликнул: «Вот солнце Аустерлица!».

Он убеждал себя и заставлял верить окружающих, что разворачивающееся сражение – это очередной поединок, где противники будут состязаться в доблести и военном искусстве. Русские проиграют, но их честь будет соблюдена. Последствием его победы явится славный мир. Бывший посланник при российском дворе Коленкур с горечью констатировал: «Он верил в сражение, потому что это было ему необходимо. Он не сомневался, что русское дворянство принудит Александра просить у него мира, потому что такой результат лежал в основе его расчетов»²⁰. Как бы ни стремились воины Великой армии к героической гибели ради чести и славы, однако психологически они были настроены выжить и победить. Павшим на поле боя зимние квартиры не нужны! Но настроение в армии их противника было иным: «Русские на Бородинских полях уже не почитали себя жильцами здешнего мира...», – вспоминал Липранди²¹.

Главнокомандующий соединенными армиями светлейший князь Михайло Ларонович Голенищев-Кутузов* прибыл на командный пункт в Горки значительно позднее, чем Наполеон. Торопиться ему было некуда. Он не ждал ничего решительного прежде рассвета: нападать в ночь было рискованно даже для Наполеона. «Екатерининский орел» сознавал, что вверенная ему армия ожесточена затинувшимся отступлением, воспринимающимся как позор, который искупается только кровью. Кутузов понимал эти настроения, но как полководец, облеченный доверенностью государя, не мог допустить уничтожения армии, которая намеревалась «драться отчаянно».

Достигнув служебных высот, полководец мог себе позволить выглядеть в день

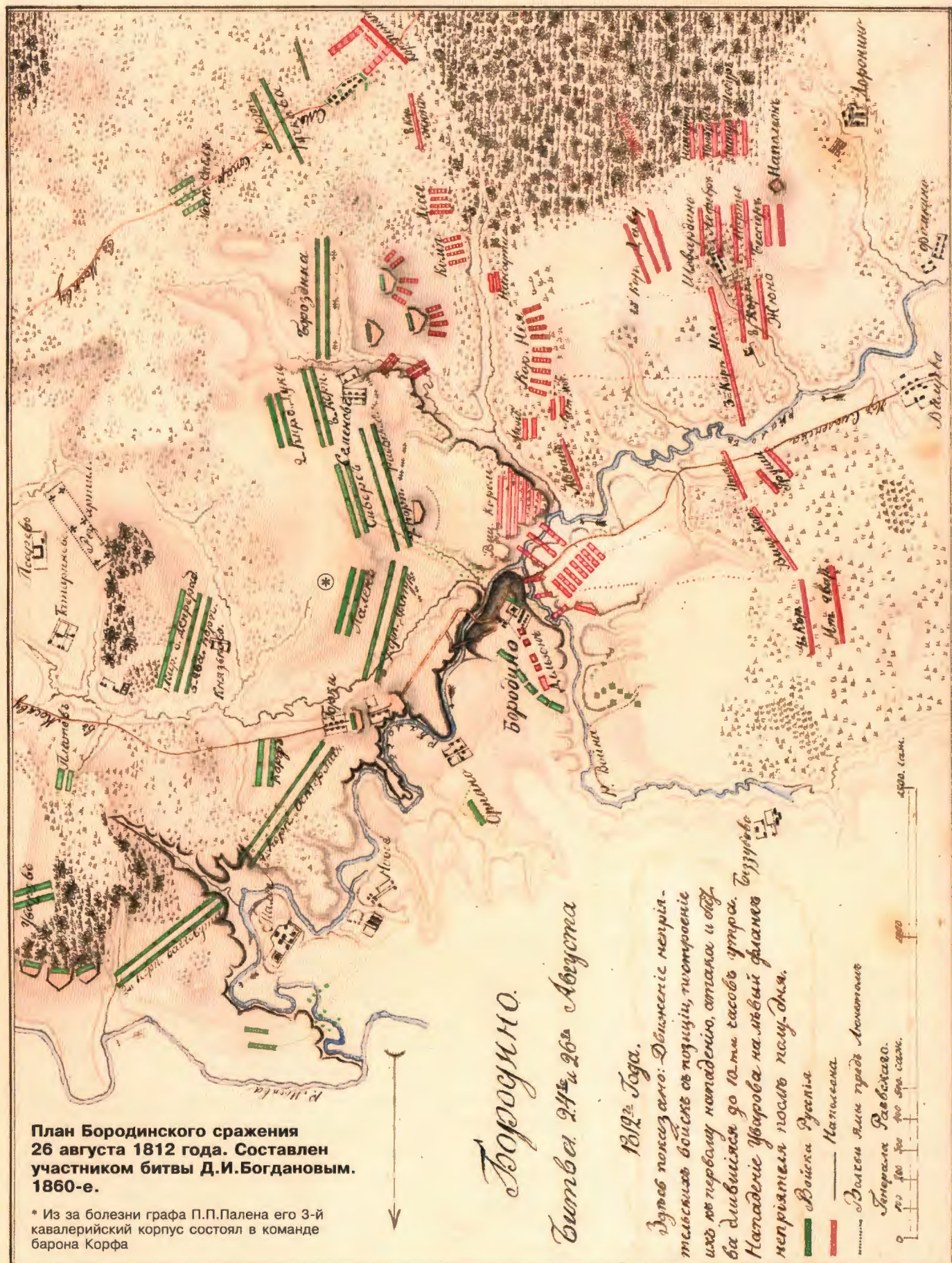

Командующий правым крылом соединенных армий Михаил Андреевич Милорадович. Гравюра Ф. Боллингера с оригинала Гейзингера. 1810-е

битвы весьма скромно. Его и так можно было узнать: он был в сюртуке без эполет, но с «декорацией» – андреевской лентой через правое плечо; в белой фуражке с красным околышем. Иного головного убора старый воин давно уже не носил: его часто мучили сильные боли из-за двух сквозных ранений в голову. Офицерский шарф светлейший надел «по-старинному», через левое плечо и также перекинул нагайку.

Прибыл в Горки и Главнокомандующий 1-й Западной армии Барклай де Толли и, молча, кивнув, остановился со свитой поодаль. Генерал облачился в полную парадную форму, в шляпу с черными перьями. Присутствующие отвечали на его приветствия сухо; «так мало славы приобрели с ним мы»²² – рассуждали многие. Но вот общее внимание переключилось на генерала «приятной наружности», который «свободно и весело сидел на прекрасной, прыгающей лошади». «Он сам, – писал очевидец, – одет щегольски, в блестящем генеральском мундире; на шее кресты (и сколько крестов!), на груди звезды, на эфесе шпаги горит крупный алмаз»²³. Конечно же, это был «русский Баярд» Михаил Андреевич Милорадович. Высокий черный султан волновался на высокой шляпе, которую генерал приподнял, приветствуя светлейшего по обычаю XVIII века.

* Именно так произносилось и писалось его имя и отчество, именно так обращался к нему в рескриптах Государь Император.

**План Бородинского сражения
26 августа 1812 года. Составлен
участником битвы Д.И.Богдановым.
1860-е.**

* Из за болезни графа П.П.Палена его 3-й кавалерийский корпус состоял в команде барона Корфа

Бородино.

Битва 24 и 26 Августа

1812 года.

Дроб показано: Действие неприятельского войска съ позиции, и вторжение ихъ по первую нападение, атака и отбъи дивизия до 10-ти часовъ утра. Визуально Нападение Уварова на левый флангъ неприятеля ночью пощ. дня.

- Войска Русия
- Наполеона
- Валон или грядъ Мюратова
- Англичан Развильяво.

0 1 2 3 4 5 км.

Тем временем русская армия становилась в ружье. Прапорщик гвардейской артиллерии с удовольствием вспоминал: «Ночь была свежая и ясная. Самый крепкий и приятный сон наш на заре был внезапно прерван ружейными перекатами»²⁴.

Утро выдалось на редкость ясным. «Погода была прекраснейшая, что еще более возбуждало в каждом рвение к бою» — свидетельствовал офицер квартирмейстерской части Н.Н.Муравьев.

Кутузов ждал, на каком участке позиции неприятель «откроет бал». Ему уже напарника сообщили о передвижении в стане противника. Мы должны взять под сомнение сведения о неосведомленности русского Главнокомандующего о смещении правофланговой группировки Великой армии. Вся эта масса войск оказалась сосредоточена на довольно плоской местности в тесном четырехугольнике, ограниченном Утицким лесом, Семеновским и Каменским ручьями и берегом реки Копони, где повсюду находились сторожевые вышки русских егерей. Даже при чрезвычайном старании невозможно избежать лишнего шума, находясь менее чем в версте от неприятеля. Князь Багратион был уверен, что именно его войска подвергнутся первому нападению и ждал этого. «Неприятель может меня разбить, но сонным

не застанет никогда!» — было правилом князя²⁵. В приказе от 25 августа Главнокомандующий 2-й Западной армии требовал: «...Ночью быть весьма осторожно на случай нападения от неприятеля»²⁶.

В это же время было замечено движение противника к селу Бородину. Может быть поэтому Кутузов не торопился вносить изменения в расположение войск. Чем было продиктовано его упорство? Нежеланием соглашаться с мнением своих соратников-соперников из-за старческого упрямства и духа противоречия? Стремлением отвести всякую угрозу от Новой Смоленской дороги? Но, прорвав фронт у Семеновского, неприятель мог выйти в тыл и захватить эту дорогу, отрезав русским путь к отступлению. Кутузов не мог не видеть, что условия местности в районе батареи Раевского и деревни Семеновское явно этому способствуют. Почему он так долго удерживал в бездеятельности 2-й и 4-й пехотные корпуса?

Но несправедливо было бы сказать, что Кутузов не предпринимал никаких шагов к предотвращению этой угрозы. Между 5.00 и 6.00 часами на левый фланг отправился начальник Главного штаба Беннигсен. В просветах между туманом, клубившимся над полем, он мог увидеть то, что не видел издали Кутузов: скопле-

²⁴ Норов А.С. Воспоминания. // России двинулись сыны... М., 1988. С. 350.

²⁵ Исторический вестник. 1883. № 5. С. 13.

²⁶ Бородино. С. 91.

Французская
линейная пехота.
1812-1814.
Фин. Э. Детайля

**Наполеон на
Бородинских
высотах.**

Худ. В.В.Верещагин.
ГИМ

ние войск у Шевардина и даже начало их движения по направлению к флешам. Беннигсен утверждал: «Я поспешил к князю Кутузову и сказал ему дословно следующее: «Если Вы не хотите, чтобы Ваш левый фланг был опрокинут с потерей 20 или 30 орудий, поспешите послать туда все войска с правого фланга; только бы они подоспели туда вовремя»²⁷. То, что Беннигсен исчислял возможную потерю в артиллерии пока еще только 20-30 орудиями показывает, что поездка Беннигсена на левый фланг происходила до начала битвы. «Выслушав меня, — продолжает он, — князь Кутузов приказал, чтобы часть войск была послана для поддержки нашего левого фланга»²⁸. Помощь армии Багратиона была оказана до того, как она подверглась решительному нападению и произошло это по одной версии по ходатайству Беннигсена. Но согласно рапорту командующего 5-м (гвардейским) корпусом Н.И.Лаврова Дохтурову от 3 сентября, события развивались не-

сколько иначе. Лавров доносил: «...26 августа в 5 часов утра вся гвардейская пехотная дивизия по назначению полковника по квартирмейстерской части Толя, присланного от г. Главнокомандующего 1-ю армиею генерала от инфантерии военного министра и кавалера Барклая де Толли, заняла позицию позади правого фланга 2-й армии для подкрепления оной [выделено мною — авт.]»²⁹. Со слов Барклая де Толли, явствует, что он ничего не знал об этом распоряжении Толя и был озадачен, не обнаружив около 9.00 половины гвардейского корпуса там, где рассчитывал. По-видимому, Кутузова существовали сильные опасения за судьбу левого крыла, и до того, как туда прибыл Беннигсен, там побывал полковник Толя. Он и отдал приказ имени Барклая, а спустя полчаса Лавров получил приказ от Беннигсена: «Командировать <...> полки лейб-гвардии Императорской Литовский и сводную гвардейскую бригаду под командою лей-

гвардии Измайловского полка полковника Храновицкого»³⁰. Командующий Лейб-Гвардии Измайловским полком полковник А.П.Кутузов доносил: «Полковник Храновицкий <...> поутру в 6 часов приказал построиться в колонны к атаке и выступить из резерва, в котором до тех пор находились, для занятия позиции в первой линии [выделено мною – авт.]»³¹.

Вместе с гвардейской пехотой к Семеновскому были направлены 1-я и 2-я батальонные роты Лейб-Гвардии Артиллерийской бригады. Расстояние, которое отделяло эти войска от Семеновского и условия местности, лишенной значительных препятствий, позволяют предположить, что самое позднее к 7.00 гвардейцы уже стояли позади 2-й гренадерской дивизии. Укоренившаяся в отечественной историографии легенда о том, что полки русской гвардии вступили в бой за деревню Семеновское около полудня имела целью скрыть, в котором часу возникла необходимость использования «привилегированного войска»; вместе с тем возникало недоумение по поводу полной «малозаботности» Кутузова в отношении самого уязвимого участка русской позиции.

С рассветом в движение пришли не только полки гвардии. Генерал Раевский писал в рапорте, что «на рассвете неприятель начал обходить мой фланг, и я получил повеление переменить фронт, опираясь правым крылом к тому же самому редуту; четыре полка 26-й дивизии по командованию генерал-майора Паскевича были назначены прикрытием оного, два полка пехоты 12-й дивизии занимали передо мною постарники, левый фланг обеих линий [выделено мною – авт.] примыкал к деревне, укрепленной батареями, где находился Главнокомандующий 2-й Западной армии и генерал от инфантерии князь Багратион, который тотчас же дал мне знать, что буде понадобятся ему войска, то будут их брать из второй моей линии»³².

Князь пока не забрал у второй линии войска, что означало, что боевые действия у Семеновского еще не развернулись, и с утра 7-му корпусу пока ничего не угрожа-

ло. В то же время над флангом Раевского уже нависла опасность, о которой он упоминает. Очевидно, речь идет о движении неприятельской колонны по Новой Смоленской дороге, направляющейся к Бородину. Генерал сообщает, что он получил приказ «переменить фронт», и стал сдвигать свои войска на юг к Семеновскому³³. Таким образом, фронт 7-го пехотного корпуса сократился, в центре линия наших войска, говоря словами Глинки, «истончилась» и явно требовала подкрепления, потому что армии Багратиона было трудно оборонять сразу два ключа позиции – деревню Семеновское и центральный редут. Необходимость передвижения 2-го и 4-го пехотных корпусов в пространство между Горками и батареей Раевского становилась очевидной: ими следовало «залатать» центр. Кутузов не мог не видеть, откуда грозит главная опасность. Почему же он медлил? Попытаемся найти ответ на этот вопрос, восстановив хронологию событий.

Вопреки традиции, начинающей описание сражения боем за село Бородино,

²⁷ Беннигсен Л.Л. Указ. соч. С. 497.

²⁸ Там же.

²⁹ Бородино. С. 144.

³⁰ Там же.

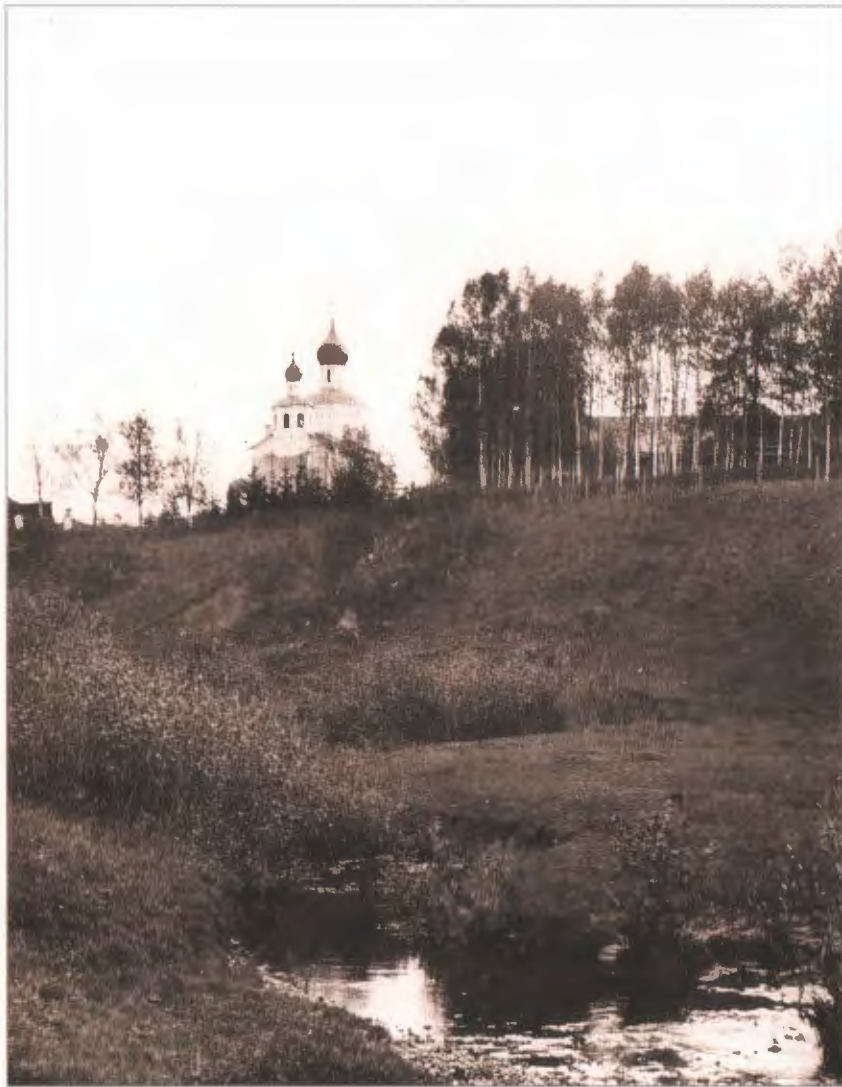
³¹ Там же. С. 148.

³² Там же. С. 161.

³³ Из записок Н.Н.Раевского об Отечественной войне 1812 года. // Бородино. С. 380.

Командир 1-го пехотного корпуса Великой армии Луи Никола Даву, князь Экмюльский, герцог Ауэрштедтский

Овраг реки Войны и церковь села Бородина. Вид со стороны атаки части войск дивизии Дельзона. С фотографии 1902 года

обратимся сначала к боевым действиям на левом фланге. Между 5.30 и 6.00 4-я и 5-я дивизии Ж.М.Дессе и Ж.Д.Компана из 1-го пехотного корпуса маршала Даву двинулись в атаку на Семеновские флешы. Сколько укреплений должны были отбить у русских войска «железного маршала»? С некоторых пор в нашей историографии бытует предположение, что только одно – южное, находившееся ближе к Утицкому лесу. Эта версия была высказана еще в 1825 году генералом Г.Гурго и имела целью оправдать последующие действия маршала М.Нея в ходе боя за Семеновское. Сам Гурго состоял в 1812 году ординарцем при Наполеоне и не принимал участия в Бородинском сражении. Больше никто не пытался в своих сочинениях «облегчить» задачу, поставленную перед войсками Даву. Так, Пеле, один из самых осведомленных и серьез-

ных авторов, состоявший в этот день при штабе А.Бертье, сообщал: «Правый фланг французской армии, составленный из дивизий Компана и Дессе, должен был атаковать реданы, составлявшие к югу от Семеновского левый фланг неприятеля [выделено мною – авт.]»³⁴. По-видимому, Наполеон переоценил возможности войск, вверенных одному из лучших маршалов Франции.

Даву явно не хватало войск для этого предприятия. По приказу Наполеона он передал 1-ю и 3-ю дивизии в подкрепление войскам Богарне в центре, а 2-я дивизия Фриана была оставлена позади в резерве. Войска Даву подстерегали и другие трудности тактического характера. Накануне генерал Компан убедил Наполеона в том, что к южному люнету (левой флешу) лучше подойти лесом, избегая потерь от картечи. Маршал Ней решительно возражал против этого намерения: он был уверен, что движение через лес вызовет неизбежное расстройство войск. Компан, напротив, утверждал, что лес вполне проходим и хорошо обследован. В результате дивизия Дессе также была направлена в лес. Успех этих войска должен повлечь за собой не менее успешные действия со стороны 3-го и 8-го пехотных корпусов, вверенных командованию маршала Нея. Ему, при поддержке кавалерии, надлежало прорвать оборону на участке севернее Семеновского, опираясь о левый фланг корпуса Даву.

С рассветом князь Багратион с возвышенности у Семеновского увидел перед собой сквозь редяющий туман несметные массы войск противника вокруг Шевалинского редута, где располагался командный пункт Наполеона. Если у Кутузова все еще могли быть сомнения в отношении того, куда обрушится главный удар, то Главнокомандующий 2-й армии в этом уже не сомневался. Потребовав подкрепления у Кутузова, он стал выдвигать в первую линию всю имевшуюся у него под рукой артиллерию, включая резерв деревни Псареве: 110 орудий было расположено за Семеновским оврагом на высотах, представлявших собой амфи-

метр по отношению к местности, где находились флешы. До прибытия резервов пехоты Багратион рассчитывал продержаться с помощью артиллерии.

Нападение неприятеля на южную (левую) флешь показало, что прав оказался все-таки Ней. Скрытый лесами бросок дивизий Компана и Дессе к флешам имел результатом неудачу: в лесу вся дивизия Дессе и частично Компана сразу же столкнулись с егерями, которых оказалось больше, чем ожидалось. Войска увязли в длительной перестрелке. Перекатная стрельба в зарослях кустов и деревьев посылывала Багратиону, откуда ждать неприятеля, оторвавшегося от артиллерийского прикрытия. Картечные выстрелы с батареи генерала Сорбье не достигали русской позиции, ядра ложились уже на излете, а следовавшая вдоль опушки 30-ти орудийная батарея Пернетти отстала от своей пехоты. Вместо внезапного решительного нападения с фронта атака неприятеля как бы размазалась. На какое-то время и самому генералу Компану стало казаться, что он потерял направление атаки. Наконец генералу Ж.Л.Шарьеру с тремя батальонами 57-го линейного полка удалось обойти южную флешь с флан-

гов. Когда неприятель появился позади укрепления на опушке, он был встречен в лицо залпами картечи. *«Действие с наших батарей было ужасно...»* – доносил начальник артиллерии 2-й армии генерал-майор К.Ф.Левенштерн³⁵. Гренадеры Воронцова *«проводили французов на штыках до самого леса»*.

В словах генерала Левенштерна нет преувеличения. Неприятель, *«грозно выказавшийся из лесу»*, представлял собой отличную мишень не только для орудий, расположенных на левой флешы, но и на средней, о которой он не подозревал до тех пор, пока не попал под обстрел. Русская артиллерия была с высот на левом берегу Семеновского оврага, русло которого постепенно сворачивает на юго-запад, выходя как раз к опушке Утицкого леса. Нет оснований сомневаться в том, что события между 6.00 и 7.00 разворачивались именно так, как их описали сами французы. *«Пехота двигалась не стреляя, она торопилась настичь врага и прекратить огонь. Но Компан, генерал этой колонны, и лучшие из солдат упали ранены. Колонна, растерявшись, остановилась под градом пуль...»*, – рассказывал Сегюр³⁶. И дело здесь не в одних

³⁴ Пеле Ж. Указ. соч. С. 101.

³⁵ Бородино. С. 183-184.

³⁶ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 29.

**Штаб-офицер
и рядовой
Лейб-Гвардии
Егерского полка.
1812-1816.**

Рис. неизв. художника.
ВИМАИВИВС

**Матрос
и обер-офицер
Гвардейского
экипажа.
1812-1816.**

Рис. П.К.Губарева.
ВИМАИВИВС

Командир Лейб-Гвардии Егерского полка Карл Иванович Бистром.

Литография И.А.Клюквина с оригинала Д.Доу 1820-х

пулях, но и в числе орудий, обстреливавших эту колонну. Русская артиллерия вела огонь, «не оставляя промежутка между ударами», картечь с визгом неслась в неприятельские ряды, внося опустошения. «Наши дивизии с самого начала сражения терпят страшные потери. В четверть часа поражены Даву, Компан, Тест, Дессе, Дюпеллен, Рапп... Раны начальников не охлаждают пылкости солдат, но они расстраивают направление движения»³⁷. Для французов эта атака – событие весьма значительное и уже существенно повлиявшее на ход боя. Все происходившее с ними и вокруг них было драматично и спрессовано во времени: движение в тумане через лес, перестрелка с русскими егерями, попытка выбраться из леса, жестокий встречный огонь, ранения дивизионных и бригадных генералов и наконец двойная контузия самого маршала Даву, без сознания упавшего с лошади...

По русским источникам этой атаки как бы и не было. Генералы Сен-При и Воронцов отмечают три атаки на флешу, начиная отсчет времени боя с 7.00. В дневнике Сен-При говорится: «Около 7 часов их колонны двинулись в атаку на флешу»³⁸. Вот что сообщает в письме сестре леди Пемброк граф Воронцов: «...Значительнейшая часть отборной французской пехоты под командованием марша-

лов Даву и Нея атаковала нас в лоб»³⁹. В письме к Михайловскому-Данилевскому граф скуп на подробности, но именно это позволяет исключить разночтение в хронологии событий: «...Мы должны были выдержать первую и жестокую атаку 5-6 французских дивизий, которые одновременно были брошены против этого пункта, более 200 орудий действовали против нас [выделено мною – авт.]»⁴⁰. В «Официальных известиях из армии» также отмечалось: «Атака флешей была наиболее сильнейшей и оборона самой ожесточенной. Борьба за них продолжалась с 7-и часов утра до 10-ти...».

Воронцов и Сен-При говорят об общих атаках на флешу, не выделяя попытки противника завладеть южным укреплением до нападения с фронта. Этому соответствуют и строки из рапорта самого Багратиона от 27 августа: «...Неприятель <...> сделал нападение усильнейшее»⁴¹, – то есть совершенно очевидно, что первоначальные действия корпуса Даву не подпадают под это определение.

Вместе с тем существует письмо упомянутого бригадного генерала Шарьера с описанием атаки на южную флешу: «Мой полк предпринял атаку, чтобы захватить редут, на котором было двенадцать 12-фунтовых пушек. Тотчас же, как я прибыл на место, которое лежало перед редутом, я скомандовал «a la redoute» и «a ras de charge», и полчаса спустя я был хозяином редута...»⁴². Историк В.Н.Земцов задавался справедливым вопросом: «Смогли ли солдаты Даву удержать южную «флешу»? Русские материалы, казалось бы, не оставляют никаких сомнений в том, что южная «флешу» множество раз переходила из рук в руки, по крайней мере, так их принято толковать в литературе. Однако при внимательном прочтении русские документы не позволяют утверждать с полной уверенностью, что пехота Воронцова или Неверовского отбила южную «флешу»⁴³. Далее приводятся слова из письма Воронцова к историку Михайловскому-Данилевскому: «...Видя, что один из редутов на моем левом фланге потерян, я взял батальон второй гренадер

ской дивизии и повел его в штыки, чтобы вернуть обратно. Там я был ранен, а этот батальон почти уничтожен. Было почти 8 часов утра...»⁴⁴. Думается, что в свидетельстве Воронцова ключевой фразой является та, в которой указано время его ранения. Из этого следует, что огромные потери, понесенные его дивизией и захват южного укрепления произошли около 8.00. Ранее это укрепление не было и не могло быть захвачено Шарьером ввиду неравенства сил. Четыре батальона пехоты (три батальона 57-го и один батальон 111-го линейного полка) из корпуса Даву даже при поддержке артиллерии в ходе «лесной атаки» не могли нанести подобного опустошения в ряды войск 2-й Западной армии, оборонявшей реданы, численность которой на тот момент превосходила вдвое неприятеля.

Спор, возникший между офицерами 1-го и 3-го корпусов неприятельской армии за честь обладания этим укреплением возник именно из-за того, что событие это произошло после вступления Нея в сражение. Так, генерал Ж.Л.Маршан заявил ординарцу Наполеона: «Сообщите императору, что укрепления, которые покинуты 57 и 72-м полками, освобождены солдатами Вюртемберга...»⁴⁵. В рапорте маршала Нея обстоятельства захвата южного укрепления представлены так: «10-я дивизия, отбросив всех стрелков и аванпосты, с величайшей отвагой подошла к левому неприятельскому редуту. Этот редут был тогда же атакован войсками 1-го корпуса, в результате чего 24-й легкой пехоты и 57-й линейный [полк] вступили внутрь его, смешавшись между собой. Противник, оправившись от своего первого удивления, вернулся, чтобы отбить назад этот редут, но 25-я дивизия пришла в тот момент на поддержку 10-й и противник был отражен»⁴⁶. Как видим, свидетельств Нея согласуются с видением событий Воронцовым и Сен-При.

Однако Шарьер посчитал своим долгом вступить за честь 57-го полка, за которым со времен Итальянской кампании 1797 года закрепилось прозвище «Грозный». Он писал в рапорте: «...Не-

сколько человек заявляют, будто полк не захватил ни одного редута. Я <...> подтверждаю, как уже выше сказано, что мой полк ни разу не оставлял редута...»⁴⁷. У Шарьера было мало шансов добиться определенности: его начальники не помнили и не видели, как было дело, так как в то время все были ранены. Рапорт Нея, находившегося в неприязненных отношениях с Даву, вообще ставил под сомнение какие-либо особые заслуги полка из 1-го корпуса. Предание, распространенное в русской армии, указывает, что свидетель подвига неприятельской воинской части, пытавшейся в одиночку завладеть реданом, все-таки нашелся. Это был сам Главнокомандующий 2-й армии, «Грозный» полк, оставался один на один со смертью без поддержки соратников⁴⁸. Тогда Багратион поднялся в стремени своего донского скакуна. «Он <...>, видя чрезвычайную храбрость, с которой наступали французы, будучи отражаемы смертоносными картечными выстрелами, ударил несколько раз в ладони, воскликнув: «bravo! bravo!». Так сильно кипело в нем военно-поэтическое чувство, что он не мог удержаться от отдачи справедливости даже врагам», – сообщил Н.Н.Муравьев⁴⁹.

Первое нападение представлялось Багратиону в виде неотвратимой, но пока

Командир 4-го пехотного корпуса Великой армии Евгений Богарне, вице-король Италии.
Литография Д.Гопвуда

³⁷ Там же. С. 29.

³⁸ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 154.

³⁹ Записки генерала М.С.Воронцова. // 1812-1814. М., 1992. С. 277-278.

⁴⁰ Из воспоминаний графа Воронцова. // Харкевич В.И. Указ. соч. С. 202.

⁴¹ Там же. С. 109-110.

⁴² Шарьер Ж.Л. Письмо. 27 сентября. Москва. // Lettres interceptées. P. 38 (Перевод А.А.Васильева).

⁴³ Земцов В.Н. Битва при Москве-реке. М., 1999. С. 86.

⁴⁴ Воронцов М.С. Указ. соч. С. 202-203.

⁴⁵ Suckow K. D'Jena a Moscou... Paris, 1901. P. 183-184.

⁴⁶ Рапорт маршала Нея герцога Эльхингенского... // Pieces officielles et bulletins de la Grand Armee. Anne 1812. (Extrait du Journal officiel). Paris, s.a. [1812]. P. 325-327 (Перевод А.А.Васильева).

⁴⁷ Шарьер Ж.Л. Рапорт 57-го линейного полка. // Ternaux-Compans. Le general Compans. Paris, 1912. P. 347.

⁴⁸ Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 2000. С. 157.

⁴⁹ Муравьев Н.Н. Записки. // Русский архив. 1885. Кн. 3. С. 251.

нереализованной угрозы. Между 7.00 и 8.00 он успел вновь запросить подкрепления. Но в это же время на правом фланге происходило событие, о котором Беннигсен не упоминает в своих записках, а Ермолов описывает как нечто незначительное. Неприятель внезапно атаковал село Бородино на Новой Смоленской дороге!... В «Описании сражения...» Толь сообщает: «... в 5 часов пополудни неприятель учинил первое стремление на село Бородино, атаковав оное 13-ю дивизиею генерала Дельзона корпуса вице-короля италийского, вероятно с тем, дабы обратить главное внимание наше на сей пункт...»⁵⁰. В отечественной историографии постепенно укрепилось мнение о том, что эта атака противника носила демонстративный характер. Эту версию затем заимствовал у Бутурлина и Пеле,

Итальянская гвардия (4-й корпус Великой армии). 1812 год. Слева направо: егерь, офицер велитов, велит-гранадер, велит-карабинер, гранадер, карабинер. Рис. Р.Кнотеля

воздав дополнительную похвалу предусмотрительности своего императора, хотя дело здесь было, очевидно, в другом. Наполеон еще накануне обратил внимание на участок позиции, отделенный рекой Колочей от расположения основных сил русской армии. 25 августа он не стал атаковать этот пункт, так объяснив свои действия генералу д'Антуару: «Деревня Бородино доминирует над редутом [батарея Раевского — авт.], и он виден с тыла; эта позиция изолирована — и ею легко овладеть. Я это знаю, но лучше я воздержусь. Позиция у Бородино придает уверенность противнику и побуждает его дать сражение. Если я захвачу ее этим вечером, неприятель не устоит и ночью ретируется; я больше не знаю, где я смогу его нагнать; возьмем ее завтра на рассвете»⁵¹.

Беннигсен, Барклай де Толли, Ермолов и другие военачальники, наблюдая за тем, как неприятель «окапывает свой левый фланг», полагали, что это является несомненным доказательством намерений Наполеона атаковать наше южное (левое) крыло. Мотивы поведения Наполеона в отношении Бородина были им неизвестны... Нападение на Бородино застало всех врасплох именно потому, что они полагали, что «не здесь ожидать надлежало важнейших предприятий», Беннигсен и Барклай де Толли, Ермолов и Кутайсов и даже Вистицкий, настаивавший на усилении левого крыла, бросились на звук выстрелов, забыв на время о происходившем у Семеновского.

Адъютант Барклай де Толли В.И. Левенштерн подробно описал драму, привлекавшую внимание русского командования в первые часы битвы: «Туман, заволакивавший еще в то время равнину, скрывал сильные неприятельские колонны, надвигавшиеся прямо на него. Генерал Барклай <...> угадал, какой опасности подвергался егерский полк, и послал меня к нему с приказанием, чтобы он немедленно выступил из деревни и разрушил за собою мост. Я поспешил к командиру полка [полковнику Бистрому 1-му — авт.], но колонна вице-короля италийского под командою генерала Дельзона вступила уже

в деревню с большой дороги сомкнутою колонною <...> Отступление не могло совершиться достаточно скоро, чтобы помешать другой французской колонне пройти по берегу реки, разбросать цепь стрелков и начать стрелять в егерей в то время, как они проходили по мосту; огонь был убийственный и попадал в цель...»⁵².

В изображении Ермолова события выглядели так: «В 6 часов утра замечено движение неприятельских войск против правого нашего крыла, и вскоре началась атака на село Бородино. Впереди сего гвардейского егерского полка батальон [3-й батальон полковника П.С.Макарова – авт.], содержащий передовые посты, опрокинут и менее, нежели в полчаса, весь полк в импешательстве отброшен до моста через речку Колочу...»⁵³. При этом генерал сделал многозначительную приписку: «В батальоне на аванпостах до того велика была беспечность, что многие нижние чины спали, снявши мундиры. В прочих батальонах в равной степени была неосторожность, но немного менее беспорядка. Доселе храброму полку не было упрека»⁵⁴. Последняя фраза, казалось бы, содержит разъяснение мотивов, по которым провинность лейб-егерей никак не отражена в официальных документах.

Но в армии распространялись слухи о непростительной оплошности на аванпостах. Особенно много нареканий вызвало поведение командира 3-го батальона лейб-егерей, который по слухам был пьян, и от того не смог распорядиться войсками⁵⁵. Липранди писал: «...Гвардейские егеря, заняв Бородино, обрадовались, найдя в богатом селе этом пространные бани <...> В то самое время, когда французы сделали нападение, целый батальон был в банях. Вот настоящая причина потери...»⁵⁶. Митаревский вспоминал: «Мне, артиллеристу, показалось, что гвардейцы слишком скоро оставили Бородино, но пехотные офицеры судили о них строже...»⁵⁷. Надо заметить, что на мемуаристов могли повлиять записки Ермолова, ходившие в списках по рукам, в то время как бывший начальник штаба 1-й армии был заинтересован в самооправдании.

В рапорте командира лейб-гвардии Егерского полка Бистрома-1-го на имя Лаврова сообщается, что именно полковник Макаров уже в 4.00 известил своего начальника о том, что «неприятель спускается по правую сторону деревни двумя колоннами, полагая глазомером в восемь тысяч». Факт раннего донесения об опасности подтвердил и Барклай де Толли: «26-го числа поутру до света получено донесение <...> полковника Бистрома, что замечено движение в неприятельской позиции противу деревни Бородино»⁵⁸. Барклай, в отличие от Ермолова, ни словом не упоминает об оплошности гвардейских егерей. По словам Левенштерна, он высказал соображение, что «этот отборный полк был употреблен в месте столь опасном и бесполезном для его целей во-

⁵⁰ Толь К.Ф. Описание сражения при Бородине... // Бородино. С. 320-321.

⁵¹ D'Anihouard. Notes et documents... // Carnet de la sabretache. 1906. № 162. P. 341.

⁵² Записки генерала В.И. Левенштерна. // Русская старина. 1900. Кн. 3. С. 573-574.

⁵³ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 188.

⁵⁴ Там же. С. 188.

⁵⁵ Дурново Н.Д. С. 107.

⁵⁶ Замечания И.П. Липранди на «Описание Отечественной войны...» // В.И. Харкевич. Указ. соч. С. 156.

⁵⁷ Митаревский Н.Е. Указ. соч. С. 61.

⁵⁸ Бородино. С. 173-174.

Командир
3-го пехотного
корпуса Великой
армии Мишель
Ней, герцог
Эльхингенский.
Худ. Ф.Жерар. 1810-е

*преки его желанию. По его мнению, в этом пункте было бы достаточно иметь обсервационный пункт. Он обвинял в этом бедствии генерала Ермолова, предложившего Беннигсену и Кутузову поставить тут этот полк <...>*⁵⁹.

Сопоставив рассказы «самовидцев», трудно вынести окончательный вердикт пресловутому полковнику Макарову. Сам Макаров был ранен в начале дела, более того, награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. Затем он был назначен командиром одного из лучших полков в армии – Павловского гренадерского. Конечно, можно было оставить его без взыскания из уважения к его прежней службе, но представлять к награде и повышению, на наш взгляд, было неуместно, учитывая тяжесть проступка.

Следует задаться более существенным вопросом: каково вообще было назначение позиции в селе Бородине и нужно ли там было держать целый полк, тем более гвардейский? «Система занятия позиции, принятая русским генералом, состояла в том, чтобы занять егерскими батальонами затруднительные берега Колочи и деревни, лежащей по берегу этого ручья, и поддержать эту первую линию корпусами, эшелонированными в две линии», – писал Пеле⁶⁰. В отношении лейб-

егерей этой системы придерживаться было невозможно, так как они были единственными, кто находился на левом берегу. Если в их задачу входило простое наблюдение за неприятелем, то в этом случае, безусловно, прав Барклай: достаточно было ограничиться обсервационным постом. В сложившихся условиях самым трудным для гвардейцев было отступить с занимаемой ими позиции. Даже перебравшись через Колочу, они оказывались прижатыми к обрывистому правому берегу, взобраться по которому было очень непросто и в обычных условиях, а под интенсивным неприятельским обстрелом сложности усугублялись. На правом берегу находилась и 12-орудийная батарея и два орудия гвардейского экипажа, которые, с одной стороны, прикрывали самих егерей, с другой – создавали дополнительные трудности при отступлении. При всей опасности позиция у села Бородина прикрывала с севера батарею Раевского. Тот же Барклай, вопреки свидетельству Левенштрна и согласно рапорту Бистрома, отдал приказ: «Удерживать сколько возможно занимаемое полком селение». Оставить занимаемый пункт без команды полк не мог.

Как известно, дыма без огня не бывает. Возможно, лейб-егеря были слишком самонадеянны. Но когда разразилась гроза, они сразу поняли: кончилось время жить, настало время умирать. 3-й батальон Макарова, возглавляемый полковником Делагардом, бросился навстречу наступающему противнику. Особенно отличились 3-я гренадерская и 9-я егерская роты под командованием капитана Петина. Отважный офицер был ранен, но привел свои роты «в боевой порядок под сильным неприятельским огнем и затем ударил вторично на неприятеля в штыки». 3-й батальон, казалось, был обречен. Его окружил противник на северной окраине. Но командир 2-го батальона полковник Б.Х.Рихтер, «очаровательный малый, храбрый, как Баярд», встретил нападавших «сильным батальным огнем» и ударил в штыки. Егеря Рихтера даже захватили пленных, в том числе двоих штаб-

⁵⁹ Левенштрн В.И. Указ. соч. С. 574.

⁶⁰ Пеле Ж. Указ. соч. С. 69.

⁶¹ Петров М.М. Указ. соч. С. 182.

⁶² Adam A. Aus dem Leben eines Schlachtenmalers. Stuttgart, 1886. S. 189

⁶³ Скобелев И.И. Указ. соч. С. 217.

офицеров. Один из них был доставлен на командный пункт Кутузова: сиявший от счастья лейб-егерь одной рукой вел пленного за эполет, а в другой руке нес его шпагу. Кутузов тут же собственноручно надел на первого отличившегося в битве знак отличия Военного ордена, или, как его называли, солдатского Георгия, после чего солдат вновь кинулся в бой.

Как долго продолжался неравный поединок лейб-егерей со смертью? По словам Ермолова и Левенштерна, не более 15 минут. В этот отрезок времени полк потерял 27 офицеров и 693 нижних чина, то есть лишился почти половины своего состава. Толь утверждал, что «храбрые егеря в виду целой армии удерживали более часу неприятеля», что выглядит явным преувеличением: Дельзон получил приказ атаковать Бородино в 6.30. Для нас особенно важно определить хронологию событий у села Бородина, чтобы соотнести их с боевыми действиями у Семеновского. По словам майора 1-го егерского полка М.М.Петрова «в восьмом часу утра неприятельская инфантерия Итальянского корпуса, усиленная новыми подкреплениями, напала решительно на Село Бородино, где <...> лейб-егерский полк наконец принужден был уступить селение, а потом и мосты неистребленные, перепустя по ним неприятеля на правый берег Колочи, в центр генеральной позиции наших армий»⁶¹. В это время генерал Беннигсен потребовал 1-й егерский полк и лично отдал приказ его командиру полковнику М.И.Карпенко вывести из огня лейб-егерей, отбросить зарвавшегося неприятеля, уничтожить мосты. Отход лейб-егерей прикрывали около 50 орудий, сосредоточенных по приказу Кутайсова, в основном, у моста на правом берегу реки. Неприятельский 106-й линейный полк в азарте преследования устремился через мост, и попал под обстрел артиллерии. Генерал Плезонн, пытавшийся удержать войска от неосторожного порыва, был убит, а его полк почти полностью истреблен огнем русской артиллерии с фронта и с флангов. Очевидец художник А.Адам вспоминал: «Было жутко

смотреть, как далеко растянувшаяся линия поражалась и разрывалась вражескими ядрами. Частые выстрелы разбивали их ряды, позади линии поднимались большие тучи пыли от песка, взрываемого картечью. Когда они рассеялись, все шеренги лежали на земле...»⁶². На неприятеля ударил в штыки 1-й егерский полк, во главе которого шел один из лучших офицеров русской армии. «Храбрый Карпенко умел двигать солдат на смерть и выигрывать добрую их волю молча. Раздав приказания штаб- и обер-офицерам, оградив готовый в дело полк крестным знаменем, он спешил дать собою пример...» — вспоминал соратник⁶³. Одновременно в бой вступила бригада полковника Н.В.Вуича.

Вестфальские войска (8-й корпус Великой армии). 1812 год.
Слева направо: ездовой конной артиллерии, гвардейский шеволежер-лансьер, кирасирский офицер, карабинер легкой пехоты, гренадер линейной пехоты.
 Рис. Р.Кнотеля

Фузилеры,
лейтенант
и сержант
фузилерной роты
французского
полка линейной
пехоты. 1812.
Рис. А.Буасселье

Богарне ввел в сражение 92-й линейный полк, чтобы вывести из-под огня остатки 106-го. Егеря Карпенко ворвались на штыках в Бородино, но подоспевший к ним Ермолов приказал немедленно оставить село и «истребить до тла» оба моста через Колочу.

Захватив Бородино и установив здесь батарею, войска Богарне брали под обстрел с фланга батарею Раевского, которую и Беннигсен, и Барклай, и Ермолов называли «ключом всей позиции». Под огонь неприятельских орудий попадала вся линия русских войск, примыкавших к редуту: пехотные корпуса Раевского, Дохтурова, ядра долетали даже до гвардейцев, стоявших в третьей линии. «Мы заняли широкие дистанции, чтобы давать меньше добычи неприятельским ядрам», — вспоминал Норов⁶⁴.

Кутузов не знал, какие предписания имел от Наполеона вице-король Италии, которому предназначалось стать «осью сражения», обеспечив всей французской армии захождение правым плечом вперед. В то же время русскому Главнокомандующему было ясно, что для того, чтобы атаковать нашу позицию в цент-

ре противник должен сделать то, что он сделал: захватить Бородино и переправы через реки Воинка и Колочъ. Но Кутузов также не знал, что 106-й полк ворвался в расположение наших войск по собственной инициативе. Около 8.00 на правый берег Колочи переправилась 3-я пехотная дивизия Жерара, 4-й кавалерийский корпус Груши; 4-я пехотная дивизия Морана стала теснить русских егерей на правом берегу реки. Эти передвижения происходили ближе к командному пункту Кутузова и вполне могли быть различимы. Светлейший не располагал сведениями о том, в какой последовательности подвергнутся нападению боевые порядки русской армии, следовательно, он не мог предполагать, что войска Богарне ограничатся захватом Бородина и остановятся, ожидая успехов Даву, Нея и Мюрата. Для того, чтобы разобраться в происходящем, безусловно, требовалось время.

Бой на правом фланге продолжался около получаса, но его последствием явилась задержка в передвижении 2-го и 4-го корпусов. Багратион, по образному выражению очевидца, уже «стоял в крови» в яростном бою на южном фланге. Ветер разогнал остатки тумана, и «многолюдному и блестящему сообществу» в Горках открылась впечатляющая картина: правое крыло русской армии было залито солнечным светом, а над левым крылом клубился черный пороховой дым. Адъютанты и ординарцы Кутузова уже видели семеновские реданты, рвы и брустверы которых были завалены телами в синих и зеленых мундирах, громоздившихся вперемешку. Более 400 орудий, сосредоточенных на пространстве немногим более версты, «простреливали насквозь» ряды сражающихся, продолжавших «с бешенством отчаяния» оспаривать друг у друга разбитые ядрами укрепления. Какими бы привычными не были сцены боя, но теперь зрелище «всеобщего истребления» потрясало каждого. Следовало немедленно перебрасывать войска 2-го и 4-го корпусов, но куда? Неприятель концентрировался в центре; это явствовало из донесения Платова, не об-

паружившего противника там, где должно было находиться его левое крыло. Гучков 1-й запрашивал помощь со Старой Смоленской дороги: Багратион забрал у него 3-ю пехотную дивизию. Схватка у Семеновского говорила сама за себя. Именно в это время на командный пункт прибыл офицер, посланный Багратионом, вновь потребовавшим помощь. Светлейший ответил резко: «Сам я знаю распорядить. Неприятель, видишь, также нападает сильно на центр»⁶⁵.

Раздражение Главнокомандующего было вызвано более всего тем, что он затруднялся найти объяснение «разжижению» фронта именно там, где он ожидал самого сильного натиска. Французы, сбившись в колонну, ломались на самый край левого фланга, почему-то пренебрегая пространством между батареей Раевского и деревней Семеновское. В это время Кутузова больше всего беспокоило, устойчив ли Багратион против «усильнейшего нападения»? Главнокомандующий тогда еще не знал, что все происходящее на левом крыле является такой же неожиданностью для Наполеона, как и для него. Ней, вступив в командование войсками после контузии Даву, пытался овладеть флешами и самой деревней Семеновское, поразив одним ударом двойную цель, и соединив все войска, бывшие у него под рукой, «непромерно усилил свой правый фланг».

Не оправдывая колебаний Кутузова, отметим, что и французский полководец не менее был удивлен открывшимся ему при ярких солнечных лучах зрелищем. Его армия, по образному выражению русского очевидца, «наваливала» всей массой на левый фланг противника, правый фланг которого он увидел на том же самом месте, где и накануне, протянувшийся на север до самой линии горизонта. «Наполеон был введен в заблуждение этой важной ошибкой, которую ему было невозможно заметить, в особенности, отгадать», — сообщает Пеле⁶⁶. Непредумышленная «хитрость» Кутузова обескураживала Наполеона, который всему искал логическое объяснение. Пока же он ломал голову в догадках. «Он полагал,

Вольтижер и гренадер французского линейного полка. 1812.

Рис. А. Буасселье

что дает почти фронтальное сражение <...> Превосходя числом французскую армию, они [русские – авт.] ежеминутно могли перейти в наступление, обрушиться на какую-либо часть нашего фронта, направить <...> превосходную кавалерию или тучу казаков на нашу линию отступления. Многочисленные предосторожности были необходимы», — продолжал рассуждать Пеле⁶⁷. Горестные сетования французского генерала на промахи русского Главнокомандующего подчас выглядят довольно забавно: со слов Пеле явствует, что французский император не знал, что и подумать. Пеле пишет: «... Он знал, что гвардия, гренадеры, кирасиры с утра уже введены в дело. Но он также знал, что большая часть неприятельской армии еще не сражалась; он должен был тревожиться тем назначением, которое готовил ей Кутузов <...> Русские офицеры пренебрегли занять разветвление оврага, узел обороны... Мы не могли воспользоваться этой небрежностью, потому что леса скрывали от нас расположение местности. Иначе с нашей стороны было бы важной ошибкой не связать массой пехоты атак центра и левого крыла». Тем

⁶⁴ Норов А.С. Указ. соч. С. 351.

⁶⁵ Вистицкий М.С. // Харкевич В.И. Указ. соч. С. 187.

⁶⁶ Пеле Ж. Указ. соч. С. 67.

⁶⁷ Там же. С. 67.

**Сражение при
Бородине.
Раненый князь
П.И.Багратион
у деревни
Семеновское.**
Фрагмент картины
П.Гесса. ГЭ

не менее ошибка была допущена. Атаки на центр и левое крыло русской позиции оказались не связаны между собой, что позволило Кутузову избежать катастрофы.

Тем временем, вот уже несколько раз к Кутузову подходили генералы Ермолов и Кутайсов, умолявшие светлейшего отпустить их к Багратиону. Кутузов молчал на просьбы Ермолова, а Кутайсова резко обругал, запретив ему отлучаться от себя, как будто предчувствуя скорую гибель 28-летнего генерала. И вот с лицом, черным от пороха, в мундире, забрызганном кровью, появился зять Кутузова полковник Н.Д.Кудашев и объявил сокрушительную новость, от которой ахнула свита за спиной Главнокомандующего: *«Тяжело ранен князь Петр Иванович Багратион!»* Прибывавшие с левого фланга адъютанты и ординарцы называли в числе раненых имена генералов Воронцова, Сен-При, Горчакова, Бороздина 1-го, принца

Карла Мекленбургского, Кретова... *«Душа будто отлетела от левого фланга»*, – вспоминал об этой минуте очевидец. Все крыло подалось назад, открывая натиску французов батарею Раевского в центре. «Ключ позиции» тоже оказался в руках неприятеля. На смену раненому Багратиону Кутузов отправил герцога Александра Вюртембергского, но тот, не доехав до места, увидев заваленные телами и разбитые ядрами укрепления, табуны лошадей с опустевшими седлами, мечущиеся по полю, сразу приказал войскам отступать. Кутузов понял свою ошибку, в ярости и при всех он поносил герцога самыми бранными словами. Он послал за ним сразу же нескольких адъютантов. Быстрым почерком он написал записку генералу Дохтурову: *«Хотя и поехал принц Виртембергский на левый фланг, несмотря на то имеете вы командовать всем левым крылом нашей армии и принц*

*Виртембергский подчинен вам. Рекомендую вам держаться до тех пор, пока от меня не последует повеление к отступлению»*⁶⁸. Увидев возвращающегося герцога, он «*переменил голос и вид и просил его больше не отлучаться, потому что советы его высочества были для него необходимы*». Герцог тут же присоединился к свите, и за спиной у Кутузова все они уже обсуждали по-немецки и по-французски необходимость отступления. Кутузов огляделся, заметил Толя, и, подозревая, направил на левый фланг со словами: «*Карл, как ты скажешь, так я и сделаю*»⁶⁹. Толь затребовал подкреплений. На левый фланг был отправлен 2-й пехотный корпус, полки которого, спеша на помощь своим товарищам по оружию, бежали мимо кургана, где стоял полководец. Кутузов осенял их вслед крестным знаменем, громко желая победы. Наконец, Толь прислал известие о том, что позицию у Семеновского удалось восстановить по линии оврага. В центре удалось вернуть батарею Раевского. К Кутузову, радостно улыбаясь, подъехал офицер, которого Главнокомандующий выслушал в некотором отдалении от свиты, а затем, повернувшись к ней, сказал, что получил известие о пленении маршала Мюрата, короля Неаполитанского. Светлейший предложил подождать подтверждения этому донесению, и вскоре перед ним предстал бригадный генерал Бонами, «*один из неприятелей, снискавших пощадку*» внутри центрального редута.

Что же происходило на нашем левом крыле и в центре после того, как захлебнулась атака Даву на «*боковые реданты*»? Защитники этого участка позиции, сами того не ведая, уже изменили ход сражения, разрушив «*изящные предначертания*» диспозиции противника. Около 7.00 маршал Ней получил приказ императора двинуть свои войска в атаку. «*Дивизии 3-го корпуса двигались в следующем порядке 10-я, 25-я и 11-я, — писал Ней в рапорте. — 8-й корпус был развернут в две линии*»⁷⁰. Пехоту поддерживала резервная кавалерия Мюрата, не спеша двинувшаяся следом. Наполеон постепенно нара-

щивал мощь артиллерии перед Семеновским, введя в бой до 300 орудий.

Князь Багратион вглядывался в массы неприятельских войск, обращенные «*единственно против левого фланга*». Душа полководца была недоступна смятению. Его уверенность передавалась подчиненным, которые, по словам Ермолова, «*всегда боготворили его*». «*На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасности; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его... Глаза его сияли...*», — писал Глинка. Мундир генерала украшали звезда и крест ордена Св. Георгия 2-го класса, которые некогда принадлежали самому Г.А. Потемкину, и, по мнению Багратиона приносили удачу. Под рукой у него уже находились гвардейские пехотные полки, кирасирская бригада Бороздина 2-го и части гвардейской артиллерии. Но вводить в бой гвардию «*Второй Главнокомандующий*», по-видимому, не торопился, за исключением батарейных рот. Багратион ждал армейских подкреплений, но их по-прежнему не было. Но он и так знал, что должен сделать. «*Это был старый воин, страшный в сражении*», — вспоминали французы. Багратион собирался не отбиваться от неприятеля, а броситься на него самому. Князь, как и обещал, забрал четыре батальона из корпуса Раевского. По приказу князя перешла через овраг 2-я кирасирская дивизия Дуки и заняла позицию юго-восточнее флешей, позади 4-го кавалерийского корпуса Сиверса. Багратион полагал, что главный удар неприятеля обрисовался полностью — это Семеновское. Сам он встретит неприятеля с фронта, а Тучкову 1-го, с его корпусом, по мнению Багратиона, надлежало немедленно ударить во фланг атакующим. Дежурный генерал С.И.Маевский «*полетел и поплыл*» на Старую Смоленскую дорогу с этим приказом. Тем временем русская артиллерия, сосредоточенная на всех высотах, «*крестя поле, резала французов продольными выстрелами по фронту и в тыл*».

Отбросив егерские полки из бригады Гогеля 1-го, в 7.30 Ней перешел через Ка-

⁶⁸ Бородино. С. 93

⁶⁹ Щербинин А.А. // Харкевич В.И. Указ. соч. С. 19.

⁷⁰ Рапорт маршала... Р. 325.

Начальник
Сводно-
гренадерской
дивизии граф
Михаил
Семенович
Воронцов. Неизв.
художник. 1810-е.
Государственный
Бородинский
военно-
исторический
музей-заповедник

менский овраг. По диспозиции «храбрейший из храбрых» должен был примкнуть правым флангом к войскам Даву, соединившись с ними для решительной атаки Семеновского. Но те войска, с трудом удерживаясь под выстрелами в южной флеша, просили маршала о помощи, что вынудило его изменить направление. Нея внезапно резко повернул колонны своих войск направо. Заметим, что с этой минуты «прискорбные результаты битвы», как выразился Коленкур, сделались для французов неотвратимыми. «Храбрейший из храбрых» попытался в азарте поразить одним ударом двойную цель: взять флеша, с чем не справился его соперник Даву, и овладеть Семеновским, которая к 8.00 должна была стать объектом главного удара наших противников.

Инициатива Нея, следствием которой явилось смещение более 13.000 человек на край левого фланга русской армии, явилась полной неожиданностью не только для Кутузова, но и для Наполеона. Это «самоуправство» создало обоюдоострую ситуацию. Войска 2-й армии оказались под угрозой полного разгрома до прибытия резервов, так как под рукой у Багратиона вместе с подоспевшими гвардейцами оказалось около сорока тысяч, у противника — более 60 тыс. Теперь-то и проявила

себя пресловутая растянутость правого крыла. Кутузов не успевал стремительно отреагировать на молниеносный рывок противника и в полной мере осознавал опасность, нависшую над армией Багратиона, не столько у самого Семеновского, сколько севернее деревни, где в тот момент войск практически не было.

С точки зрения неприятельской стороны поступок Нея мог быть оправдан, увенчайся он успехом. В отечественной историографии до недавнего времени не придавалось особого значения действиям Нея в сражении и не анализировались их последствия, хотя среди французов по этому поводу велись дискуссии, одна из которых закончилась дуэлью между генералами Сегюром и Гурго. Генерал Рапп с сожалением констатировал: «Мы слишком усилили наш правый фланг». Отечественные историки, подчеркивая доблесть и мужество защитников левого фланга, предпочитали наращивать количество атак на флеша, доведя их до восьми. Источники же дают основание полагать, что их было только четыре. Соответственно, время обороны укреплений продлевалось на два часа, т.е. до полудня. Главный же подвиг ускользал из поля зрения историков: защитникам Семеновского удалось отразить эту сокрушительную атаку неприятеля, явно подавлявшего их своей численностью⁷¹.

Итак, Нея направляет к южному люнету 10-ю дивизию Ледрю и 25-ю дивизию Маршана. Войска Ледрю входят в одну флеша с дивизией Компана. Именно в это время трем батальонам 57-го полка Шарьера и батальону 111-го полка и удалось ворваться в южное укрепление. Согласно рапорту Левенштерна, натиск многочисленного противника «принудил разделить наши выстрелы». Начальник артиллерии 2-й армии приказал «двинуться влево № 3 батареейной роты». Это доказывает, что к орудиям на флешах были добавлены артиллерийские роты из резерва, взявшие под обстрел неприятельские колонны, выходившие из лесу. Артиллерия, располагавшаяся в укреплениях и в боевых порядках русских войск,

⁷¹ Ивченко Л.Л. К.Ф. Толь и историография Бородинского сражения. // Бородино. Тезисы конференции. 1992. С. 21-26; Она же. Боевые действия у деревни Семеновское. // Материалы научной конференции. Бородино, 1993. С. 26-33; Она же. Бой за Семеновские высоты. // Материалы научной конференции. М., 2001; Она же. Кутузов в Бородинском сражении. // Материалы научной конференции. Бородино, 1997. С. 10-27; Она же. Планы русского командования и их реализация // Бородинское поле. Вып. 2. Можайск, 2000. С. 7-30.

была по колоннам неприятеля, наступавшего с фронта. Очевидно, южная флешь не была рассчитана на длительную оборону. С этого укрепления артиллеристы с помощью гренадер Воронцова заблаговременно свезли батарейные орудия, разместив их, вероятно, также за Семеновским оврагом. *«Что касается Багратионовых флешей, – писал военный историк А.В.Геруа, – то они были построены так, что две передние давали взаимоперекрестную оборону со стороны Шевардина, а третья, построенная фронтом к югу, давала продольный обстрел правому флангу левой южной флешей и фронтальную оборону в сторону Утицкого леса на случай обхода отсюда. В последнем случае южная флешь, по условиям обстрела обращенная к лесу тылом, должна была*

Начальник 27-й пехотной дивизии Дмитрий Петрович Неверовский.
Неизв. художник. 1810-е.
Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник

Французская конная артиллерия. 1806-1812.
Рис. Э.Детайля

Начальник штаба
2-й Западной
армии граф
Эммануил
Францевич де
Сен-При.

Худ. Д.Доу. 1820-е. ГЭ

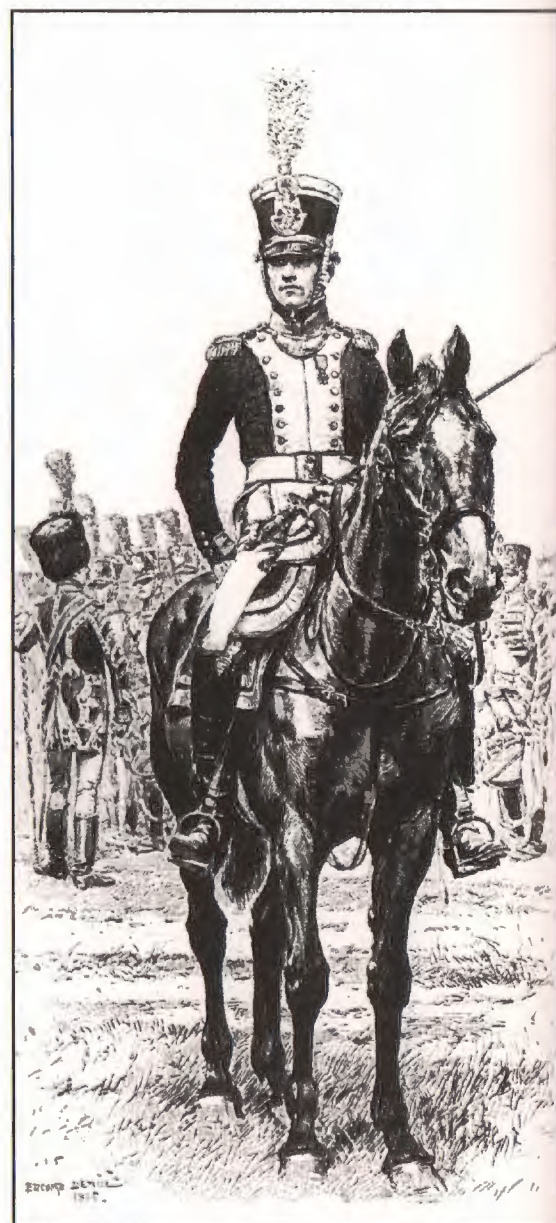

быть брошена, и вся оборона должна была основываться на взаимодействии северной и задней флешей». Точку зрения русского историка подтверждает Жиро де л'Эн: «Эти редуты были простые реданы в форме шеврона, не закрытые у входа, так что неприятель со вторых позиций ружейными и картечными выстрелами выметал всех, кто находился внутри них. Удержаться в них было значительно труднее, чем овладеть»⁷². Подчеркнем вновь: главная опасность заключалась даже не в орудиях, расположенных на флешах. «Багратионовская линия, слегка выгнутая позади оврага, лежавшего к северу от Семеновского, окружала [выделено мною – авт.] курганы, на которых находились войска Даву и Нея. <...> Багратион поставил грозные батареи», – свидетельствовал Пеле.

Судя по рапорту генерала Й.Шелера, 57-й линейный полк все же не удержал южного люнета, в котором в конце концов водворились 1-й, 2-й и 3-й батальоны вюртембергской пехоты. По воспоминаниям русских участников битвы трудно определить, пытались ли они отбить это укрепление. Французы же так и не выяснили между собой, уступили ли они вновь русским эту флешь, или же так и продолжали ее удерживать. Французы и сменившие их вюртембергцы, если добивались полного контроля над люне-

Полковник
французской
линейной
пехоты. 1812.
Рис. Э.Детайля

том, то предпочитали располагаться не в нем самом, а по внешним сторонам бруствера и во рву. Если же во время боя из флешей русские воины и появлялись в русском укреплении, то это были в основном кавалеристы, что больше напоминало лихие наезды, чем попытку отбить флешь, что следует из рапорта генерал-майора Сиверса 1-го: «Ахтырского гусарского полка полковник Васильчиков командировал два эскадрона одного полка, сбив кавалерию, которая окружила переднюю флешь на левом фланге и была занята уже неприятелями, а сам с двумя эскадронами подкреплял его. Майор князь Кастриот бросился мужественно на неприятельскую кавалерию, опрокинул оную, а после, обра-

тив в бегство пехоту, занял флешу. Пехота наша не подкрепила сей атаки, и полковник Васильчиков принужден был отступить за заднюю флешу...»⁷³.

Далее борьба разгорелась уже вокруг северной флешу, к которой двинулась 11-я дивизия Разу (среднюю флешу неприятель увидел не сразу). Настал час сводно-гренадерской дивизии, находившейся в первой линии перед неприятелем, который надвигался густой колонной. Гренадеры молча смотрели в глаза своей смерти. Так же молча, подняв фитили, ожидали французов артиллеристы. Наконец, грянул залп. «Французы облились кровью и не остановились. Как бешеные кинулись они в промежутки редантов и захватили второй из трех!». Гренадеры, вновь сомкнувшись в колонну, бросились на неприятеля в штыки. Их ряды быстро таяли на глазах начальника дивизии: тридцатилетний генерал-майор граф Воронцов, прозванный друзьями «Костуй» (Лихач), взял последний уцелевший у него батальон и пошел с ним в атаку, из которой не возвращаются. «Сопrotивление моей дивизии не могло быть продолжительным, но оно кончилось, так сказать, с окончанием существования моей дивизии, — рассказывал Воронцов историку Михайловскому-Данилевскому. — ...В наших рядах не было ни беглецов, ни сдавшихся в плен». Самого тяжело раненого графа уцелевшие гренадеры вынесли на плаще с поля боя.

К сводно-гренадерской дивизии, от которой оставалось не более 300 человек, устремилась на помощь пехота Неверовского. Бывший солдат этой дивизии рассказывал спустя много лет о своем начальнике: «Помню Неверовского... форсистый был генерал»⁷⁴. Высокого роста «ражий мужчина», он многим запомнился своей героической наружностью, «действовавшей могущественно на дух солдата». Он привычно занял место в перовой шеренге, чтобы видели, с кого брать пример. Генерал расстегнул мундир, открыв тонкую, белоснежную рубашку с манишкой, сбросил треугольную шляпу с султаном. Теперь ничто не сковывало

Командующий
1-й и 2-й
кирасирскими
дивизиями князь
Дмитрий
Владимирович
Голицын 18-й.
Худ. Д. Дюв. 1820-е гг.

его движения: блеснула «готовая сталь в сильной руке»⁷⁵, 27-я дивизия пошла в двух колоннах вперед, опрокидывая все перед собой, сбрасывая неприятеля с брустверов реданов, «...и здесь исполнила она долг чести и храбрости, уничтожая несколько раз неприятельские намерения овладеть батареями», — писал в рапорте Неверовский. С флангов атаку поддержала кавалерия 4-го корпуса Сиверса, вступившая в бой с легко-конными бригадами П.Мурье и Ф.О.Бермана, «наскакавшими» на пехотинцев 27-й, «бессмертной», дивизии. Исход кавалерийской сшибки решил фланговый удар 2-й кирасирской дивизии Дуки, едва не пленившей Мюрата, укryвшeгося в каре вюртембергцев.

По словам Ермолова, местность на левом фланге «благоприятствовала действиям» именно русской конницы, которую, судя по рапортам Сиверса 1-го и Бороздина 2-го и по воспоминаниям неприятеля, Багратион сосредоточил на равнине между оврагом и кромкой Утицкого леса. Главнокомандующий 2-й армии знал толк в действиях кавалерии: молодые годы он отдал службе именно в этом роде войск, а прочная слава пришла к нему впервые как к кавалерийскому начальнику. Теперь князь использовал все преимущества обороны, бросая в бой «сильную кавалерию», командование над

⁷³ Girod de l'Ain. Op. cit. P. 249-250.

⁷⁴ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3561. Л. 23-23 об.

⁷⁵ Рассказ о Бородинском сражении унтер-офицера Тихонова... С. 119.

⁷⁶ Граббе П.Х. Указ. соч. С. 397-398.

Французский драгунский полк. Отборная рота в атаке. 1810-1815.
Рис. Э.Детайля

которой, судя по всему, сосредоточил в своих руках генерал-лейтенант князь Д.В.Голицын 5-й, прибывший на левый фланг в начале боя.

Князь Дмитрий Владимирович Голицын был одним из лучших кавалеристов своего времени. Он сам сочинял наставления по тактике этого рода войск и, одновременно, по признанию сослуживцев, был блестящим наездником⁷⁶.

Генерал Шелер сообщал в рапорте, что сам Мюрат едва не стал пленником в результате мощной атаки: «При отступлении кавалерии Неаполитанский король попал в очень трудное положение, так как его лично преследовали многочисленные кирасиры и казаки. Его Величество подскочил к нашей пехоте, которая внезапно открыла огонь <...>, но поскольку кавалерия противника оказалась уже на флангах и в тылу, то король бросился внутрь редута и доверился нашей защите...»⁷⁷. Другая атака описана Жиро де л'Эном: «В это время мы заметили отряд русских ки-

расир, мчавшихся как ураган. Они направлялись не прямо на нас, а на батарею из 30-ти орудий [Пернетти – авт.]. Проходя мимо нас, отряд отведаль наших пуль, но это не замедлило его движение; не сделала этого и картечь нашей батареи; он опрокинул последнюю и изрубил на местах не успевших укрыться артиллеристов»⁷⁸. Русская тяжелая кавалерия не раз повторяла свои набеги, врываясь в южную флешь, неся при этом значительные потери. Однако вред, наносимый неприятелю, был не менее ощутим, что отражено в воспоминаниях офицера 111-го линейного полка Фоссена: «Несколько сот были заняты нашими, и орудия взяты, но, тем не менее неприятельская кавалерия атаковала и прорывалась сквозь наши ряды, захватывая орудия и забирая в плен»⁷⁹.

Все эти батальные зарисовки сделаны французами со стороны Утицкого леса, а ординарец Кутузова Дрейлинг так описывал картину, открывшуюся его взору со стороны Семеновского: «С безумной отвагой наступал неприятель на наши батареи; залитые целыми потоками крови, переходили они к неприятелю, вновь нами отбивались и так несколько раз». По словам Глинки артиллерия в Бородинском сражении вообще «жила своей собственной жизнью». Над головами сражающихся у флешей с визгом пролетали ядра, картечь, гранаты, «поражая нас сквозь сжатые строи» атакующих. Батареи у деревни Семеновское вели прицельный огонь по неприятельским орудиям, выдвинувшимся к реданам, «меняясь смертью» с батареями Сорбье и Фуше.

Время близилось к 9.00, а войска Наполеона так и не перешли через Семеновский овраг. «Высоты разрушенного села Семеновского, где начинался левый фланг русского центра, оставались еще неприкосновенными, – писал Сегюр. – На них опирались подкрепления, которые Кутузов постоянно брал из своего правого фланга. Их непрекращающийся огонь обволакивал Нея и Мюрата и останавливал их победоносное движение»⁸⁰. Наконец, 11-я пехотная дивизия Разу добилась гос-

подства над северной и восточной флешами. Впереди находился 18-й линейный полк полковника П.Пельпора, выступивший из кустарников возле южной флешы. Северный редан был легко отбит у остатков дивизии Неверовского, подкрепленной, вероятно, четырьмя батальонами 12-й пехотной дивизии. Следовало развить достигнутый успех, продолжить движение к Семеновскому, но сделать это было не просто, и полк остановился, «примыкая правым флангом ко рву пятого полком редута», как раз напротив Семеновских высот за оврагом.⁸¹

Багратион наблюдал с командного пункта за происходящим. Он был уверен, что сможет не только удержать Семеновское, но и вернуть назад флешы. Вот-вот должна была явиться со Старой Смоленской дороги 3-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта П.П.Коновницына. Полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский уже вплотную подвинулись к Семеновским высотам. 1-ю сводно-гренадерскую бригаду генерал-майора Кантакузен князь поместил вперед. В первую ли-

нию князь поставил 2-ю гренадерскую дивизию Карла Мекленбургского: тяжелый шелк знамен, еще не успевших превратиться в обгоревшие клочья, торжественно плескался на ветру. Бороздин 1-й, Горчаков 2-й, принц Мекленбургский, Кантакузен лично собирались вести в бой свои колонны.

Князь Багратион выжидал, точно рассчитав время атаки. Он видел, как войска неприятеля, заняв флешы, смешались и пришли в неизбежное расстройство. Князь приказал сосредоточить огонь всех орудий по реданам, и особенно по неприятельской артиллерии, бывшей по русским войскам, оказавшимся между флешами и оврагом. Защитники укреплений уходили под «покровительство» своей родной артиллерии, уступая место для новой атаки.

Предоставим слово капитану Боннэ из 18-го линейного: «Пять минут спустя немного слева показались неприятельские стрелки, наступавшие в хорошем порядке, а справа – густая колонна. Я развернул свой батальон и без выстрела двинулся на

⁷⁶ Ищенко Д.И. Награждение за Бородину князя Д.В.Голицына 5-го // Материалы II Голландского чтения 21-22 января 1995 г. С. 21-26.

⁷⁷ Holthuisen P. Die Deutschen in Russland. Berlin, 1912. S. 88-89.

⁷⁸ Girod de l'Ain. Op. cit. P. 83.

⁷⁹ Дневник поручика Фоссена. // Русский архив. 1903. № 11. С. 470-471.

⁸⁰ Сегур Ф. Указ. соч. С. 30.

⁸¹ Васильев А.А. Французский офицер Гийом Боннэ – участник Бородинского сражения. // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2001. С. 67-68.

Бой за Семеновские флешы. Контратака 2-й гренадерской дивизии.

Худ. А.Ю.Аверьянов. Музей-панорама «Бородинская битва»

Атака Орденского кирасирского полка.

Худ. В.Н.Куликов

колонну. Она отступила. Совершая это движение, мы подверглись такому картечному залпу из орудий, расположенных в деревне, что батальон, образно выражаясь, был им повален и пронизан брешами, словно зубчатая стена. Тем не менее мы все еще шли вперед. Достигнув края оврага, отделявшего нас от высоты, на которой находилась деревня, мы наткнулись на другую колонну, идущую тяжелым неспешным шагом <...> Мы возвратились в редут, но это место не годилось для обороны...»⁸².

В глаза французам блеснула холодная сталь штыков, по словам Ермолова «любимое оружие русского солдата». Тесня неприятеля, гренадеры спустились в овраги, сомкнув колонны, двинулись к флешам. «Гренадеры, пред полками коих священники в облачениях, с крестом в руках, шли истинно в страх врагам — героически, у каждого в глазах сверкала слеза чистой веры, а

на лице — готовность сразиться и умереть», так описывал очевидец атаку 2-й гренадерской дивизии⁸³. Впереди гренадерской колонны, бывшей под начальством принца Мекленбургского, шел под пушечным огнем протоиерей Московского гренадерского полка Мирон Орлеанский. Несмотря на сильную контузию, он не покинул строй. Имя священника помещено среди других отличившихся на памятнике 2-й гренадерской дивизии.

Бой, вновь завязавшийся на равнине перед Семеновским, был страшен. В этой схватке никто не остался в стороне. «...Князь Багратион замыслил великое дело. Приказания отданы, и все левое крыло наше, по всей длине своей, двинулось вперед и пошло скорым шагом в штыки! Сошлись!.. Тысячи расшибились на единицы, и каждая кружилась, действовала, дралась! Это была личная, частная борьба человека с человеком, воина с воином, и русские не уступили ни на вершок места. Но судьбы вышние склонили чашу весов на сторону французов. Мы вдруг стали терять наших предводителей», — повествуется в «Очерках Бородинского сражения»⁸⁴. Получил тяжкую рану принц Мекленбургский, во главе колонны был ранен корпусной командир Бороздин-2-й, осколком гранаты раздробил руку князю Горчакову, был убит на бруствере укрепления князь Кантакузен, по преданию его войска ввел в редан, отбитый у неприятеля, сам Багратион. Сильно пострадали полковые командиры. Во главе Московского гренадерского полка был ранен полковник Шатилов. Подвиг его соратника запечатлен в скупых строках Реляции Кутузова: «Астраханского гренадерского полку полковник Буксевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами».

Как далеко простиралась эта великолепная атака отборной русской пехоты? Командир Фанагорийского полка Е.А. Головин рассказывал⁸⁵, что русские воины во главе с Бороздиным 1-м пробились «на штыках» до самого Утицкого леса, ворвавшись в южную флешь, что, казалось

бы, противоречит недавно установленной традиции считать ее окончательно нами потерянной с 8.00. Уже известный нам Боннэ подтверждает, что в словах Головина нет преувеличения: «Мы отступили до кустарников, находившихся возле 1-го редута. Русские кирасиры, будучи выбиты из этого редута, невзначай атаковали нас. Мы отодвинулись дальше и заросли...»⁸⁶.

Усилия русских воинов были не напрасны. Маршал Ней известил Наполеона, что Багратион вновь перешел в наступление, выбил его из деревни и отнял флешы. Ней требовал немедленно подкрепить его, «если император не хочет, чтобы маршал был разбит».

Князь вновь решил нанести фланговый удар силами кавалерии корпуса Голицына. Наблюдая за действиями кирасир, он въехал на возвышенность севернее деревни. Вокруг Багратиона свистели пули, совсем рядом «разворачивала свой мерзкий веер» картечь, ядра взрывали землю под копытами его коня. Те, кто находился рядом, тщетно пытались закрыть собою Главнокомандующего. Князь рванулся вперед, довольный кирасирами. Он чувствовал себя в своей стихии, таким его запомнили соратники: «Он командовал, и с нагайкою, на простом донце, несся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым воином. Это был наш князь Багратион!»⁸⁷. За ним устремились начальник штаба Сен-При и главный медик 2-й армии, надворный советник И.И. Гангарт, который тут же был сбит взрывной волной с лошади. «Поднимите Гангарт!» – крикнул князь, не останавливаясь.

В это время осколок гранаты раздробил ему берцовую кость левой ноги. Опасаясь смутить подчиненных, Багратион некоторое время пытался скрыть свою рану и, преодолевая боль, удерживался в седле, пока не потерял сознание. «В мгновение ока пронесся слух о его смерти, и войск невозможно удержать от замешательства. Никто не внемлет грозящей опасности, никто не брежет о собственной защите: одно общее чувство – отча-

яние!» – вспоминал Ермолов⁸⁸. Рядом с Багратионом был ранен почти в ту же минуту Сен-При. Неприятель вновь захватил реданы и пытался прорваться в деревню, как был атакован подоспевшей дивизией Коновницына, отбросившей французов от Семеновских высот.

Полковник Толь, как раз находившийся в это время у Семеновского, стал свидетелем атаки Муромского и Ревельского пехотного полков, подробно описанной его сослуживцем А.А.Щербининым: «Карл Федорович едва приехал на левый фланг убедился в необходимости подкрепления. Ядра сыпались на село Семеновское, деревья падали и избы разрушались, как декорации театральные; воздух был непрерывно и земля дрожала»⁸⁹. На глазах Щербинина погиб бригадный генерал шеф Ревельского пехотного полка Тучков-4-й. Гибель 35-летнего генерала, прозванного в московских и петербургских гостиных Аполлоном Бельведерским за совершенную красоту, поразила современников. Один из них, Федор Глинка, описал это событие в «Очерках Бородинского сражения»: «Под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!». Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!». Схватил знамя – и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. <...> Множество

⁸⁶ Вильсон А.А. Французский офицер Гибонн Волье. С. 66.
⁸⁷ Дювалье Ж.В. Указ. соч. С. 114.

⁸⁸ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 81.

⁸⁹ Очерк жизни и службы Е.А.Головина. // Деятели войны 1812 года. Исторический сборник. Изд. 1. М., 1873. С. 5.

⁹⁰ Лисилья А.А. Указ. соч. С. 68.

⁹¹ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 87.

⁹² Ермолов А.П. Указ. соч. С. 189.

⁹³ Щербинин А.А. Указ. соч. С. 20.

Командир 1-й бригады 3-й пехотной дивизии Александр Алексеевич Тучков 4-й. Копия неизв. художника с оригинала А.Г.Варнека. 1-я четв. XIX века. Музей-панорама «Бородинская битва»

Начальник 3-й
пехотной дивизии
Петр Петрович
Коновницын.
Худ. Д.Дой. 1820-е. ГЭ

ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убитый, взрыло землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала». Рядом с генералом погиб и 13-летний прапорщик Зайцев, служивший в Ревельском пехотном полку. По словам генерала Н.М.Сипягина, «вообще офицеры наши в Бородинском сражении, упоенные каким-то самозабвением, выступали вперед и падали перед своими батальонами». Так, не задумываясь, они уносили с собой целый мир неисполненных желаний, недодуманных мыслей, незавершенных дел, недочитанных книг... Н.Любенков в «Рассказе артиллериста о деле Бородинском» вспоминал: «Поручик Давыдов, раненый, сидел в стороне и читал свою любимую книгу: «Юнговы ночи», а картечь вихрилась над спокойным чтецом. На вопрос: «Что ты делаешь?» – «Надобно успокоить душу. Я исполнил свой долг и жду смерти!» – отвечал раненый».

Сам Коновницын, отбив реданты во время последней, третьей, по счету русской контратаки, вспоминал: «При сем довольно счастливом происшествии получаю известие, что Багратион и его генерал штаб [начальник штаба – авт.] Сен-При ранены, коих уже понесли, и мне как на сем пункте старшему, Багратионом оставлено главное начальство...»⁹⁰. Трудное положение Коновницына усугубля-

лось новой напастью... Упорство русских вынудило Нея перебросить к лесу корпус Жюно; вестфальцы должны были неожиданно обойти русские укрепления со стороны Утицкого леса. Удар по Семеновскому с фланга оказался бы крайне опасным, если бы к полю боя опять не подошли кирасиры Бороздина и вместе с ними 2-я батарея Лейб-Гвардии Конной артиллерии капитана Р.И.Захарова. Увидев неприятеля, сосредотачивавшегося к атаке, он, не дожидаясь приказа с маршировал, развернул все 8 орудий и открыл огонь с ближайшего картечного выстрела. «Вся голова колонны в полном смысле слова была положена на месте», – вспоминал Норов. Вестфальский корпус остановился надолго. Через четверть часа капитан Захаров был смертельно ранен. «Завидую счастью вашему, вы еще можете сражаться за Отечество!», – сказал он, прощаясь с друзьями.

Генералу Коновницыну следовало немедленно принять решение, что делать дальше. Неприятель, которого он, ошеломив внезапностью, прогнал с реданов, поодаль приходил в себя и снова концентрировался перед нападением, выдвигая артиллерию и кавалерийские части Коновницын приказал своим войскам немедленно очистить флешы и отойти за овраг. Очевидцы вспоминали, что генерал в это время как бы про себя шептал: «Господи, что же делать?». Он пригласил в Семеновское генерала Раевского. «Я отвечал ему, что не могу отлучиться, не отразив прежде атаки, направленной против меня и просил его действовать сообразно с обстоятельствами»⁹¹.

Наступал решающий для обеих сторон период сражения. Теперь французы атаковали центральное укрепление – батарею Раевского, которое невозможно было удержать, не захватив Семеновского.

Между 8.00 и 9.00 Наполеон вынужден был изменить свой первоначальный план. Евгений Богарне перестал быть «осью сражения» и получил приказ атаковать Большой редут. Сегюр позже недоумевал по этому поводу: «Эта атака не должна была носить такого стреми-

тельного характера. Имелось в виду только удерживать и занимать Баркляя на этой стороне, так как битва должна была начаться с правого крыла и развернуться вокруг левого. Таков был план императора, и никому не известно, почему он вдруг нарушил его в самый момент исполнения»⁹². Наполеону было совершенно ясно, что его войска, напиравшие всей массой в лоб на Семеновское, истощили себя в бесплодных усилиях, в то время как Понятовский по-прежнему не мог завладеть Старосмоленской дорогой.

Около 8.30 бригада генерала Бонами из дивизии Морана двинулась к редуту. На острие атаки оказался 30-й линейный полк, где служил капитан Франсуа, подробно описавший это происшествие: «Мы достигаем гребня оврага и уже находимся на расстоянии половины ружейного выстрела от русской батареи. Она осыпает нас картечью, ей помогают несколько прикрывающих ее батарей <...> Целые ряды, полувзводы падают от неприятельского огня, оставляя пустые пространства. Стоящий во главе 30-го генерал Бонами приказывает нам остановиться и под пулями выстраивает нас, а затем мы снова идем. Русская линия хочет нас остановить, в 30 шагах от нее мы открываем огонь и проходим. Мы бросаемся к редуту, взбираемся туда через амбразуры <...>. Русские артиллеристы бьют нас банниками, рычагами. Мы вступаем с ними в рукопашную и наталкиваемся на страшных противников. <...> Полк наш разгромлен <...> Мы отступаем, имея 11 офицеров и 257 солдат — остальные убиты или ранены. Храбрый генерал Бонами, все время сражавшийся во главе полка, остался в редуте он получил 15 ран и взят русскими в плен»⁹³.

Честь отражения этой атаки принято приписывать генералу Ермолову. Он же является и главным рассказчиком об этом событии, подробно отраженном сначала в его рапорте Баркляю де Толли от 20 сентября, а затем и в записках. Генерал писал: «Проезжая центр армии, я увидел укрепленную высоту, на коей стояла батарея из 18 орудий <...>, в руках неприятеля, в больших уже силах на ней гнездивше-

гося. Батареи неприятеля господствовали уже окрестностию сей высоты и с обеих ее сторон спешили колонны распространить приобретенные ими успехи. Стрелки наши во многих толпах не только без устройства, но уже и без обороны бежавшие, приведены в совершенное замешательство, <...> дали неприятелю утвердиться. Высота сия, повелевающая всем пространством, на коем устроены были обе армии, 18 орудий, доставшихся неприятелю, были слишком важным обстоятельством, чтобы не испытать возвратить сделанную потерю. Я предпринял оное. Нужна была дерзость и мое щастие и я успел. Взяв один только 3-й батальон Уфимского пехотного полка, остановил я бегущих и толпою в образе колонны ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко <...>, но ничто не устояло»⁹⁴.

Очарованные искусным пером, несомненным личным обаянием «русского витязя», историки давно уже игнорируют все остальные свидетельства участников этого боя. На наш взгляд, в рассказе Ермолова многое непонятно. Генерал упоминает в рапорте и записках о беспорядочно отступающих под натиском неприятеля егерях 18-го, 19-го, 40-го полков из 6-го пехотного корпуса. Но он ни словом не об-

Отбитие Курганной высоты.

Фрагмент эскиза Ф.А.Рубо

к панораме «Бородинская битва».

Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник

Начальник 26-й
пехотной дивизии
Иван Федорович
Паскевич.
Литография Мейера
с оригинала Д.Доу
1820-х

молвился о том, где находились в это время войска 7-го пехотного корпуса Раевского, то есть главные силы, защищавшие укрепление в центре. Историки, описывающие легендарную атаку, вспоминают о двух дивизиях 7-го корпуса как о вспомогательной силе, поддержавшей блистательные усилия Ермолова. На картах-схемах 26-ю пехотную дивизию Паскевича и 12-ю пехотную дивизию Васильчикова в момент нападения Бонами давно уже изображают по обе стороны от батареи, впереди оврага ручья Огник. В этом случае 30-й полк французов, кроме егерей, должен был сбить с позиции еще 12 батальонов линейной пехоты (4 батальона забрал к Семеновскому Багратион), но об отступлении войск Раевского рапорт Ермолова не упоминает.

Французы потому так легко и захватили высоту, что главные силы ее защитников находились метрах в 100 в овраге ручья Огник, и оборона здесь все-таки носила характер не столько прямой, как настаивал Толь, а косвенный, как предлагал Беннигсен. В рапорте Раевский сообщил об этом не совсем четко: «Все сии войски я расположил таким образом позади редута, чтобы они при атаке оногo неприятеля взяли его колонны с обеих [так в тексте – авт.] флангов». Позже он пояснил свою мысль в записках «Видя тогда, что первая моя линия, оставшись без подпоры, не

может противустать с успехом неприятелю в растянутом построении, я свернул оную в колонны, не выводя из оврага»⁹⁵. Там же в овраге генерал, по его словам, оставил и два батальона 19-го егерского полка. Генералы Васильчиков и Паскевич получили от Раевского распоряжение атаковать неприятеля с флангов.

Сам генерал «стоял пешим в редуте». «При приближении неприятеля на выстрел моих орудий, – продолжал Раевский, – пальба началась и дым закрыл от нас неприятеля... После вторых выстрелов я услышал голос одного офицера, находившегося при мне на ординарцах... он кричал: «Ваше Превосходительство, спасайтесь!». Я оборотился и увидел шагах в пятнадцати от меня французских гренадеров, кои со штыками вперед вбегали в мой редут. С трудом пробрался я к левому моему крылу, стоявшему в овраге, где вскочил на лошадь, и, взъехав на противоположные высоты, увидел, как генералы Васильчиков и Паскевич, вследствие данных мною повелений, устремились на неприятеля в одно время».

Генерал Паскевич уточняет и дополняет рассказ бывшего начальника: «Видя, что неприятель готовится к нападению, вышел к нему навстречу, чтобы подкрепить отступающих егерей [из текста явствует, что егеря были из дивизии Паскевича – авт.], справа от люнета расположил Нижегородский и Орловский полки, а слева – Ладожский полк и 1 батальон Полтавского, рассыпав другой батальон в стрелки». По словам будущего фельдмаршала 18-й, 19-й и 40-й егерские полки оставались по-прежнему «позади люнета в резерве». Следовательно, бригада Бонами смяла сопротивление 26-й дивизии, которую Ермолов назвал «егерскими полками», а 12-я дивизия Васильчикова к моменту атаки оставалась в овраге, незамеченная ни неприятелем, ни Ермоловым, который «схватив первый попавшийся батальон» 6-го пехотного корпуса, повел его на люнет. В это время генерал Васильчиков напал с несколькими полками на неприятеля с правого фланга, 19-й и 40-й егерские атаковали с лево-

го фланга, а сам генерал Паскевич «взял остальные полки 12-й дивизии, пошел за люнет, чтобы отрезать французские войска, в нем находившиеся».

Из «Походных записок» Паскевича видно, что он руководил «чужими» войсками, в то время как его собственная дивизия, «обратившись вспять», поддерживала вместе с 18-м егерским полком атаку Ермолова. Контратака русских войск потому и была такой сокрушительной, что велась сразу с четырех сторон, как выразился Бутурлин, «совокупными мерами». 30-й полк был «раздавлен» и его остатки, по словам Паскевича были «опрокинуты на дивизию Морана», подвергшуюся огню русских батарей. Действия русской пехоты по приказу Барклая поддержал Оренбургский драгунский полк. Как раз в это же самое время у Семеновского Коновницын вновь отбил у французов флешу, восстановив порядок в войсках. Батареи со стороны деревни вновь прикрывали Курганную высоту с фланга...

Батальон Уфимского полка из 6-го корпуса был не единственным, кто принял участие в этой атаке. Адьютант Барклая де Толли Левенштерн считая, что Ермолов сознательно допустил ошибку в названии полка, иначе описывая «главный подвиг дня». Он не менее убедителен в своем рассказе, чем Ермолов. «Окинув <...> взглядом местность, я заметил вправо от холма [батареи Раевского – авт.] батальон Томского полка, стоявший сомкнутой колонной в полном порядке. Я бросился к нему и приказал батальонному командиру именем Главнокомандующего следовать за мной <...> Поднявшись на середину холма, солдаты Томского полка прокричали <...> грозное «ура!» и кинулись с остервенением на всех, кто попадался им навстречу <...> В тот момент все признали за мою, заслугу, что я увлек всех своим примером. Генерал Ермолов поцеловал меня на самой батарее и тут же поздравил меня с Георгием, который я несомненно должен был получить»⁹⁶. Свидетелем событий, происходивших в центре, был и Главнокомандующий 1-й армией Барклая де Толли. Именно к нему обратился

с рапортом майор Левенштерн 5 июня 1813 года, настаивая на своем «неоспоримом праве»: «Смею себя льстить, что Ваше высокопревосходительство, зная справедливость мною писанную, не оставит отдать на рассмотрение учрежденной думе – для награждения меня военным орденом Святого Георгия»⁹⁷. Однако просьба офицера осталась «без уважения», вероятно потому, что все награждения за Бородино, затянувшиеся до декабря 1812 года, уже прекратились по распоряжению самого императора.

Во время этой атаки, как ни странно, пострадала репутация начальника всей русской артиллерии графа Кутайсова, который по словам Ермолова, в сражении с пехотой «отделился влево». Вот что рассказывает о смерти графа Кутайсова Норов, служивший в гвардейской артиллерии: «В кровавой схватке никто не видал, как он, вероятно, был сорван ядром со своей лошади, которая прибежала с окровавленным седлом в свои ряды, и даже труп его не был найден! И этот самый пламенный Кутайсов лишь несколько часов тому назад с необыкновенным оживлением передавал мне <...> заповедные слова артил-

**Обер-офицер
Оренбургского
драгунского
полка. 1812-1816.**
По. рис. неизв.
художника

⁹⁶ Бородино, С. 388.

⁹⁷ Там же, С. 381.

⁹⁸ Сизов Ф. Указ. соч. С. 31.

⁹⁹ Journal du capitaine François Paris, 1904. P. 787.

⁹⁴ Бородино, С. 171-172.

⁹⁵ Там же. С. 380.

⁹⁶ Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 576-577.

⁹⁷ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0, д.16. Л. 78об.-80.

Начальник артиллерии всех армий граф Александр Иванович Кутайсов.
Худ. Д. Доу. 1820-е. ГЭ

лерии, которая в этот день их выполнила при нем и продолжала выполнять, не зная, что его уже нет с нами... Весьма справедливо сказал Данилевский, что смерть Кутайсова имела важные последствия на весь ход сражения, лишив 1-ю армию начальника артиллерии в такой битве, где преимущественно действовали орудия, и что неизвестность сделанных Кутайсовым распоряжений произвела то, что многие роты, расстреляв заряды не знали, откуда их пополнить. И надобно прибавить, что многие роты простояли без дела»⁹⁸. Вынося приговор Кутайсову, Норов ссылается на авторитет историка Михайловского-Данилевского. Однако, наградные списки и ведомости о потерях артиллерии обеих армий свидетельствуют о том, что все роты в большей или меньшей степени приняли участие в сражении, никто не был забыт⁹⁹. Подобное мнение могло сложиться у Михайловского-Данилевского под влиянием многократных высказываний светлейшего. О них же вспоминает и его бывший ординарец Голицын: «Во время сражения и после оно́го Кутузов часто повторял, что со смертью Кутайсова армия много потеряла. <...> Неизвестность распоряжений, сделанных Кутайсовым, произвела то, что на всех пунктах у нас стояло менее орудий, нежели у французов, и час-

то против неприятельских батарейных орудий действовали с нашей стороны полевые орудия. <...>»¹⁰⁰.

За честь Кутайсова основательно вступился свидетель боя в центре позиции Липранди. При личной встрече с Михайловским-Данилевским он попросил установить название пехотной части, которую возглавлял в том бою Кутайсов. Он же высказал недоумение по поводу того, что не нашлось очевидцев этому подвигу¹⁰¹. По мнению Липранди, Кутайсов прежде всего выполнял свои обязанности начальника артиллерии, нуждавшейся в подкреплении. Весьма вероятно, что он был сражен ядром, устраивая на позиции резервные артиллерийские роты, по которым с ближайшего расстояния били картечью и ядрами неприятельские орудия. На замечания о том, что все «находились в неизвестности, откуда брать заряды», или куда обращаться за резервами, Липранди резонно заметил, что живы были генералы Костенецкий, выполнявший обязанности начальника артиллерии сразу по смерти Кутайсова, и Левенштерн, а если Кутайсов, вопреки здравому смыслу, ничего не сообщил им, то он просто не заслуживал той высокой репутации, которая о нем сложилась.

Документальные источники отразили не только столкновение личных амбиций, что весьма характерно для военных той поры, но и целых армий, фронт которых сходил как раз в районе Курганной высоты. События, о которых выше шла речь, далеко не сразу сделались столь заметными. Рапорт Кутузова от 27 августа сообщал только о событиях на левом фланге у Семеновского. В «Официальных известиях из армии» говорится: «Основные усилия были направлены на наш левый фланг...»¹⁰². О действиях 1-й армии говорится лишь то, что «неприятель в центре не более имел успеха». Все сказанное в этом документе от начала до конца вызвало протест Баркляя де Толли и нуждалось, с его точки зрения, в исправлении, что заставило его вступить за честь своей армии и сочинить «Замечания на официальные известия».

⁹⁸ Норов А.С. Указ. соч. С. 355-356.

⁹⁹ РГВИА. Ф.103. Оп. 209а. Св. 11. Д. 1. Л. 99-108.

¹⁰⁰ Голицын А.Б. Указ. соч. С. 167.

¹⁰¹ Липранди И.П. Краткое обозрение эпизода Отечественной войны. // Материалы для Отечественной войны... С. 115.

¹⁰² Бородино. С. 112.

¹⁰³ Замечания на Официальные известия из армии от 27 августа. // Харкевич В.И. Указ. соч. Вып. II, Вильно, 1903. С. 219-220

¹⁰⁴ Там же. С. 220

¹⁰⁵ Бородино. С. 280

По словам Баркляя, первое нападение «исполнилось» не на левый фланг, а на «центр правого крыла к деревне Бородино», занимаемого его войсками. Баркляя задело повествование о подвиге войск 2-й армии, и он посчитал необходимым сообщить, что Багратион в самом начале сражения потребовал подкрепления и ему отправили весь 2-й корпус 1-й армии, «который присоединился к войскам, состоящим под начальством генерала Тучкова» (также из 1-й армии). Вскоре после того князь Багратион еще был подкреплен тремя гвардейскими полками, тремя полками 1-й кирасирской дивизии, и несколькими ротами артиллерии из 1-й армии»¹⁰³. Однако, «в 10 часов утра вся вторая армия была уже опрокинута, все редуты и несколько артиллерии взяты неприятелем». Далее Баркляй повествует о подвигах вверенных ему войск в центре, по-прежнему не церемонясь в отношении войск 2-й армии: «24-я дивизия [1-й Западной армии] приступом взяла у неприятеля укрепленную высоту, с коей сбил он 26-ю дивизию...»¹⁰⁴.

Красноречиво описав разгром 2-й армии, Баркляй ни словом не обмолвился,

что редут в центре был в четвертом часу также занят неприятелем. Напротив, бывший военный министр полон оптимизма: «... Таким образом, позиция была удержана до самой ночи. Из сего очевидно, что сильнейшие нападения направлялись на центр, по разбитии левого крыла». Надо признать что Баркляй де Толли был некорректен в отношении многострадальных войск 2-й Западной армии. Что касается центрального укрепления, то войска обеих армий даже по-разному именовали эту высоту. Мы знаем ее как батарею Раевского, а, например, Милорадович в наградных документах называет ее же батареей Шульмана-1-го, также, как впоследствии и Липранди¹⁰⁵.

Чем реально грозил армии Кутузова захват этого укрепления около 9.00? Войска его левого фланга были приведены в смятение ранением Багратиона и подались назад. Но в момент нападения Бонами на батарею, Коновницыну удалось удержать линию обороны по Семеновскому оврагу. Батарея Раевского вновь прикрывалась батареями не только с высот за Огником, но и со стороны Семе-

**Обер-офицер
Гвардейской
конной
артиллерии.
1812-1816.**

Рис. неизв. художника.
ВИМАИВВС

**Канонир
Гвардейской
конной
артиллерии.
1812-1816.**

Рис. П.К.Губарева.
ВИМАИВВС

новского. Обратившись к хронологии битвы, придется взять под сомнение шанс Богарне прорвать центр русской позиции именно в это время. И если Наполеон, как свидетельствуют очевидцы, действительно понукал своего пасынка к нанесению решительного удара, это следовало сделать сразу же в продолжение атаки на Бородино между 7.00 и 8.00, когда приостановилось перемещение 2-го и 4-го корпусов, а Раевский, как мы помним, сдвинул свой корпус к Семеновскому, где вскоре Багратион забрал у него всю вторую линию войск; туда же на окончность были направлены и гвардейские полки. Между 8.00 и 9.00 русский центр представлял собой, безусловно, самый уязвимый участок, и нехватка войск здесь была ощутима. В это время наша оборонительная линия оказалась тоньше всего именно там, где предписывалось нанести удар войскам Нея силами 3-го и 8-го пехотных корпусов при поддержке кавалерии Мюрата. Если бы удар

Батарея у деревни Семеновское.

Фрагмент панорамы Ф.А.Рубо. Музей-панорама «Бородинская битва»

по центру пришелся именно в это время, войска Кутузова оказались бы в тяжелейших условиях. Но, получив известие о ранении «второго Главнокомандующего», Кутузов сразу направил к Семеновскому Толя, и тот, прибыв как раз к атаке Коновницына, немедленно послал Щербинина именем Кутузова за 2-м пехотным корпусом Багговута. Согласно «Воспоминаниям» Евгения Вюртембергского, его 4-я пехотная дивизия поравнялась с батареей Раевского как раз во время решительных событий на ней и вокруг нее. *«Нам надлежало идти под перекрестными выстрелами, с одной стороны, артиллерии вице-короля, а с другой, страшных батарей, выставленных у Семеновского. Немного спустя встретил меня Барклай де Толли со всею своею свитою, и пока он успел сказать со мною несколько слов, смерть собрала уже обильную дань <...>, Барклай, указав на батарею Раевского, велел атаковать ее <...>. Мы двинулись с барабанным боем <...>»*

Но, не доходя еще до укрепления, мы увидели, что около него началось сильное движение, и прежде, нежели мы успели рассмотреть, что бы это значило, на нас обрушились массы неприятельской кавалерии <...>. Она окружила нас со всех сторон; но встреченная метким огнем, после нескольких бесполезных попыток, удалась. Тотчас, после этого, когда Семеновский кратер снова начал обдавать нас своей лавою, Барклай опять подъехал ко мне. Он объявил, что батарея Раевского отбита у неприятеля.¹⁰⁶ Отметим, что Евгений Вюртембергский со своей дивизией занял место, которое, по его словам оставалось «свободным».

При определении количества русских войск в окрестностях батареи Раевского к этому часу следует обратить внимания на существенное «темное пятно» в передвижениях русских полков: хронологию перемещения 4-го пехотного корпуса Остермана-Толстого. Без этого повествование о Бородинской битве лишено логи-

ки: русские военачальники видят критическое положение левого фланга, рассуждают о нависшей над ним угрозе, а затем вдруг направляю туда на помощь не 4-й, а 2-й пехотный корпус, которому идти значительно дальше и по дороге, неминуемо заграждаемой этим самым 4-м корпусом. Трудность в разъяснении этой ситуации усугубляется отсутствием рапорта командира корпуса графа Остермана и дивизионных начальников Н.Н.Бахметьева 1-го и А.Н.Бахметьева 2-го, получивших ранения или контузии в сражении. Вывод напрашивается сам собой: этот корпус уже занял позицию там, где существовала самая большая опасность: между батареей Раевского и Семеновским. Вот что пишет Барклай де Толли в рапорте 26 сентября: «...Решился я поставить 4-й корпус, который по откомандировании резервных войск придвинут был с правого фланга ближе к центру, с уступами на левый фланг 7-го корпуса, примыкая левым своим флангом к сто-

Полки дивизии Фриана, наступающие на деревню Семеновскую.
Фрагмент панорамы Ф.А.Рубо. Музей-панорама «Бородинская битва»

Командир 3-го пехотного корпуса Николай Алексеевич Тучков 1-й.
Копия неизв. художника с оригинала Д.Б.Дамона-Ортолани. 1-я четв. XIX века

явшим там лейб-гвардии Преображенскому и Семеновскому полкам, и за сею линиею находились 2-й и 3-й кавалерийские корпуса». В «Изображении военных действий» Барклай сообщает, что он привел с правого фланга из-за центра обеих армий 4-й корпус, который в числе других войск был построен «в виде крюка на левом фланге 26-й дивизии фронтом к 2-й армии...»¹⁰⁷. Из рассказа Барклай явствует, что 4-й пехотный корпус Остермана находился в центре во время атаки Бона-

ми на батарею Раевского, примкнув к войскам 26-й дивизии.

Можно, конечно, поставить под сомнение это свидетельство Главнокомандующего 1-й Западной армии, но тогда придется искать обоснованное объяснение местонахождению корпуса Остермана. К тому же мы располагаем воспоминаниями Норова, сообщающего, что его приятель капитан Глухов вместе с частями Перновского пехотного полка из 4-го корпуса содействовал Ермолову в отражении атаки. Вероятно потому, что корпус этот занял позицию, перпендикулярно фронту 2-й армии и параллельно Новой Смоленской дороге, дивизии Евгения Вюртембергского пришлось пробираться к Семеновскому кружным путем, пугая ополченцев, принявших его движение за отступление.

Все эти передвижения русских колонн по фронту около 9-10 часов не могли быть не замечены Евгением Богарне: если бы он поддержал атаку Морана, она пришлось бы по значительной массе русских войск, скопившихся как раз в центре (здесь же вспомним и о 6-м пехотном, о 2-м и 3-м кавалерийских корпусах, гвардейской бригаде из Преображенцев и Семеновцев, бригаде 1-й кирасирской дивизии и, наконец, об остатках 7-го пехотно-

Курган за деревней Утицей, где сражались войска Тучкова 1-го с корпусом Понятовского. Вид со стороны деревни. С фотографии 1902 года

¹⁰⁷ Барклай де Толли М.Б. Указ. соч. С. 185.

¹⁰⁸ Маевский С.И. Указ. соч. С. 371.

¹⁰⁹ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 154.

го корпуса, пока не отведенных в тыл на переформирование). Таким образом, после 9.00 русские войска удерживали позицию по линии Семеновского оврага и сохраняли за собой Курганную высоту в центре. Возможно, им не хватало организованности, но они не позволяли противнику рассчитывать на скорую победу.

С 8.00. над войсками, сражавшимися у Семеновского, нависла угроза флангового охвата и со стороны Старой Смоленской дороги. Медленно продвигаясь через Утицкий лес, 5-й корпус Понятовского столкнулся с войсками 1-й гренадерской дивизии генерал-майора графа П.А.Строганова, находившимися в первой линии. «Невыгодное местоположение» заставило командира 3-го корпуса Тучкова 1-го передвинуть корпус к «высоте, командовавшей всею окрестностию» под прикрытием батарей полковника В.А.Глухова и подполковника Д.И.Дитерихса: против 36-ти неприятельских орудий действовало не более 16-ти русских. Но местность позволяла Тучкову некоторое время удерживать «покушения» неприятеля.

Именно в это время Багратион потребовал, чтобы Тучков 1-й ударил во фланг противнику, нападавшему на Семеновское. «Две посылки к Тучкову за сикурсом [помощью – авт.] остались без исполнения <...> по личностям Тучкова к Багратиону, и наоборот. Третья была возложена на меня, – вспоминал Маевский. – Я ехал и плыл до Тучкова и объявил решительно волю князя, – и 3-я пехотная дивизия с Коновницыным отправилась со мною»¹⁰⁸. Соратники Багратиона сетовали на то, что командир 3-го пехотного корпуса не торопился оказать 2-й армии требуемую помощь, что подтверждается записью в дневнике Сен-При: «Генерал Тучков имел указание атаковать крайний правый фланг неприятеля, как только он будет пытаться овладеть Семеновской». Далее начальник штаба 2-й армии рассуждал: «Около 7 часов их [неприятельские] колонны двинулись в атаку на флеши. Они несколько раз были отбиты и вынуждены были бы отказаться от атак, если бы в это время корпус генерала Туч-

кова исполнил данное ему приказание. Но он, не сделав никакой диверсии, ограничился высылкой 3 дивизии в поддержку гренадерам, защищавшим флеши, а сам оставался в 2 верстах позади Утицы, в которой должен был находиться и откуда должен был двинуться вперед»¹⁰⁹. Генерал-квартирмейстер всех армий Вистицкий придерживался этой же точки зрения: «Багратион посылал несколько раз к генерал-лейтенанту Тучкову 1, чтобы он из д. Утицы ударил в тыл и во фланг неприятеля, но он, к сожалению, отвечал, «что он старый генерал и знает, что делает, ибо меня самого атакуют...». От сего и он впоследствии и сам потерпел...»¹¹⁰. Упреки высших чинов Главного штаба 2-й

Войска великого герцогства Варшавского (5-й корпус Великой армии). 1812 год. Слева направо: пеший артиллерист, офицер конной артиллерии, гусар, адъютант бригадного генерала, бригадный генерал, гренадерский офицер.
Рисунок Р.Кнотеля

армии в адрес Тучкова тем более удивительны, что разительно отличаются от суждений Главного штаба Кутузова, полагавшего, что Тучков слишком рано и без надобности вступил в сражение.

Дело здесь все-таки не в «личностях» Тучкова и Багратиона, и не в самовольстве командира 3-го пехотного корпуса. По словам Щербинина, сам Тучков-1-й почему-то не знал, «какое точно назначение придано его корпусу»¹¹¹. Следовательно, он не мог выполнить того, о чем не имел представления. Тем более странно читать в воспоминаниях Щербинина: «Можно представить себе, как во время Бородинского сражения Кутузов, полагавший Тучкова в скрытом месте, удивлен был известием, что Тучков сделался предметом и скорою жертвою первого натиска французов»¹¹². Если принять во внимание, что дивизия Коновницына уже сражалась к тому времени у Семеновского вместе с войсками 2-й армии, то следующая фраза Щербинина вызывает недоумение: «На бедного Тучкова пало даже подозрение в главной квартире, что он не умел держаться». Держаться против кого, против требований Багратиона?

Ермолов же в своих записках вообще уверенно описывает успешные действия дивизии Коновницына на ... Старой Смоленской дороге: «При селении Утице 3-я пехотная дивизия, опрокинув стрелков, долго боролась с подкреплявшими их массами. Мужество генерала Коновницына явилось в сей день в полном блеске»¹¹³. Ни Ермолов, ни Толь, ни даже Кутузов не знали о роли Коновницына в Бородинском сражении, что доказывает черновик наградного списка принца Александра Вюртембергского, которому приписаны все действия, выполненные в сражении Коновницыным¹¹⁴.

Накануне последнего в своей жизни сражения Тучков 1-й отчаялся разобраться в том, какие действия ему предписывались и в чьей команде он состоит. Об этом как раз и рассказывает Щербинин: «...Тучкову судьба не представила оправдаться. Он пал при первых выстрелах...». Так как никто, кроме Щербинина не взял

на себя труд истолковать истинные намерения светлейшего в отношении «засадного» корпуса, это единственное свидетельство представляется очень сомнительным. Тучкову 1-му невозможно было удерживать позицию не только «по местоположению», но и по обстоятельствам, о которых пишет Клаузевиц. Военный теоретик считал, что для воплощения «идеи неожиданного для противника наступления» войск на Старой Смоленской дороге было с самого начала недостаточно и располагались они слишком близко. К тому же реализация этой идеи зависела напрямую от хода боя у Семеновского, где между 8.00 и 9.00 войска Багратиона находились в трудном положении и опоздание 3-й пехотной дивизии могло «обернуться потерей всего сражения».

Что бы ни говорили в армии о неприязни между ним и Багратионом, Тучков в конце концов оказался выше «отношений по личностям». Дивизия Коновницына направилась к Семеновскому и мы не знаем, успел ли Тучков 1-й проститься с Тучковым 4-м, со своим любимым младшим братом, которого он всегда берег, опекал, воспитывал. Смерть приблизилась к ним почти одновременно...

Обратившись за помощью к Барклаю, Тучков сдерживал «усиливавшегося и умножавшегося» противника силами 1-й гренадерской дивизии, противостоящей пехотным дивизиям польских генералов И.Красинского и К.Князевича и кавалерийской дивизии О.Себастиани. «Неприятель, воспользовавшись хорошою своею позициею, начал устраивать против нас свои батареи, в коих употреблено было до 22-х орудий», – доносил в рапорте генерал Строганов.¹¹⁵

Недовольный нерешительностью Понятовского, Наполеон приказал усилить натиск на русскую позицию. Наконец, неприятель, «знавши всю важность Смоленской дороги», ворвался на батарею, с которой гренадеры успели сvezти все орудия. Сомкнув колонны, поляки стали теснить полки 3-го пехотного корпуса. На оставленную ими высоту уже въехал Понятовский. Здесь-то к Тучкову и подоспе-

¹¹⁰ Вистицкий М.С. Указ. соч. С. 187.

¹¹¹ Щербинин А.А. Указ. соч. С. 16-17.

¹¹² Там же. С. 17.

¹¹³ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 190.

¹¹⁴ РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Д. 4. Ч. 1. Св. 0. Л. 82.

¹¹⁵ Бородино. С. 152.

¹¹⁶ Записки генерала М.С. Воронцова. С. 278.

ли резервы: бригада генерала Я.Е.Вадковского с 6-ю батарейными орудиями. Тучков-1-й, не теряя ни минуты, бросил войска в контратаку, лично возглавив Павловский гренадерский полк. Генерал-майор Цвилленев также «с большим присутствием духа атаковал его штыками во фланг <...>, ведя лично на приступ шедшие войска». Генерал-майор Фок во главе Санкт-Петербургского и Таврического гренадерских полков «быстро и решительно атаковал неприятеля холодным оружием <...> в лицо», а подполковник Керн с Белозерским пехотным полком «их взял совершенно с тылу». Поляки были отброшены «в заросли кустарника». Атака была блестящей, но генерал-лейтенант Тучков 1-й «заплатил за успех жизнью». Смертельно раненого Тучкова 1-го доставили на перевязочный пункт, где произошла встреча, свидетелем которой стал граф Воронцов. «Именно здесь я видел в последний раз генерал-лейтенанта Тучкова и моего храброго начальника князя Багратиона, которые оба впоследствии скончались от своих ран. Эти два человека были в юности товарищами по оружию, затем — соперниками и, наконец, врагами; они очень холодно приветствовали друг друга каждый день накануне битвы, и теперь встретились снова в этом месте, чтобы вскоре после этого встретиться в ином мире»¹¹⁶.

Итак, только к 10 часам войска Даву, Нея и Мюрата вышли к рубежу обороны нашего левого фланга у Семеновского. К этому часу севернее деревни уже находилась бригада (Волынский и Тобольский пехотные полки) из 4-й дивизии 2-го корпуса, закрывшая брешь в русской линии, за которой во второй линии расположился корпус графа Остермана, поставленный Барклаем в час ранения Багратиона «уступами на левый фланг 7-го корпуса», войска которого из-за огромных потерь вывели из-под огня в тыл. На восточном берегу оврага у Семеновского в первой линии стояли, «устраиваясь в батальонные каре» полки лейб-гвардии Измайловский и Литовский, наблюдавшие, как мимо них проходили малыми группами

Конная артиллерия великого герцогства Варшавского. 1810-1814. Рис. Б.Гембаржевского

и поодиночке гренадеры сводных батальонов и дивизии принца Мекленбургского, пехотинцы Неверовского, Коновницына и Васильчикова. Они примыкали к флангам гвардейских полков, вновь намереваясь защищаться. Генерал Неверовский, оправившись от контузии, составил цепь стрелков из уцелевших воинов, расположив их впереди полков лейб-гвардии. Часть гренадер заступала места орудийной прислуги, которой почти не оставалось в ротах, вступивших в бой с утра. Так, Норов, прибывший около полудня к Семеновскому в составе 2-й легкой роты гвардейской артиллерии, вспоминал: «Несколько правее от нас действовала небольшая батарея; мы узнали внос-

ледствии, что это был остаток нашей гвардейской 1-й легкой роты, которая уже давно боролась возле Измайловского полка. <...> Она уже готовилась сняться с позиции от огромной потери в людях, лошадях, от растраты всех зарядов и по причине подбитых орудий. Из ее семи офицеров уцелел только один Ладыгин; у прапорщика Ковалевского оторвало обе ноги, а у Рюля – одну»¹¹⁷.

О смертоносном действии русской артиллерии пишут и противники. «Наша артиллерия была серьезно расстроена; – вспоминал офицер 4-го кавалерийского корпуса Лейссер, – четыре ее орудия были разбиты, а прислуга лежала – говорю без преувеличения – слоями друг на друге. Командир батареи <...> уверял меня, что прислуга была заменена уже в третий раз»¹¹⁸.

Теперь на артиллерию возлагал большие надежды и Коновницын, который за оврагом «с необыкновенною быстротою устроил сильные батареи, которые неслись и стреляли; строились и стреляли; остановились и громили разрушительными очередными залпами».

Наполеон, со своей стороны, также принял меры для «занятия пространства, образовавшегося в центре», выдвинув к Каменскому ручью дивизию М.Клапареда и ввел в бой за деревню 2-ю пехотную дивизию Л.Фриана. Эта дивизия была назначена им «для исправления ошибок, допущенных в сражении». Обеспечить успех атаки пехоты Фриана должен был 4-й кавалерийский корпус генерала Латур-Мобура. Только теперь Ней, по словам Лабома «возобновил упущенное с этой стороны наступление». Около 10 часов утра Фриан двинулся к Семеновскому и, не дожидаясь кавалерии, попытался ворваться в деревню, но был сброшен в овраг, за которым в течение уже длительного времени находился в бездействии маршал Мюрат с кавалерией, «подвергаясь губительному огню батареи Семеновского». Король Неаполитанский приказал Латур-Мобуру «взять бригаду кирасир французских и саксонских, перейти овраг, изрубить всех, галопом влететь с задней стороны...»¹¹⁹.

Но атаки неприятельской кавалерии были недостаточно мощными. На этом

Атака французских кирасир на каре Лейб-Гвардии Литовского полка.
Рис. Н.С.Самокиша

участке было негде развернуться: Утицкий лес, Семеновский овраг и реданты, заваленные убитыми и ранеными, препятствовали разбегу конницы. «Поле сражения было слишком тесно для огромного количества стиснутых на нем войск», — вспоминал офицер 2-го кирасирского полка корпуса Нансутти О.Тирион. Крутой берег Семеновского оврага являлся сильным препятствием и далеко не единственным, которые преодолевали полки из бригады генерала Й.Тильмана. Участник этих атак Лейссер писал: «...Передо мной на удалении примерно 1000 шагов находился обрывистый край долины, о который уже разбилось так много атак. <...> Мы двигались, подаваясь то вправо, то влево, то вновь перестраиваясь и преодолевая многочисленные препятствия. <...> А в одном месте 1-й эскадрон даже довольно глубоко увяз»¹²⁰. При подъеме на берег оврага лошади падали на всадников, скачущих позади, и увлекали их в падении. Многие кавалеристы проваливались в раскаленные погрёба сгоревших домов, не заметив их в пылу атаки. Это, по видимому, вынуждало неприятеля атаковать русские каре поэскадронно, а не всей массой. Даже если полкам Цастрова и Гар дю Кор удавалось сломать каре, пехотинцы ложились на землю, притворяясь мертвыми, пропускали всадников через себя, а потом поднимались и стреляли им в спину. На другом берегу оврага неприятельских кирасир встречали «латники» из корпуса князя Голицына, будущего генерал-губернатора Москвы. Русские кирасиры неоднократно устремлялись на помощь пехоте, ожесточенные схватки кавалерии развернулись в тылу у гвардейских каре.

Коновницын, приказав приготовиться к отражению атаки кавалерии, въехал в каре лейб-гвардии Измайловского полка, успевшего выстроиться «по-шахматному», чего, по-видимому, не успели сделать ко времени первой атаки батальоны лейб-гвардии Литовского полка, внезапно атакованные кавалерийской бригадой генерала Тильмана. Три батальона полка, на время утратив общее командование, были

Атака 1-го кирасирского полка.
Рис. Ж.Жирбалья

окружены со всех сторон неприятельской конницей, однако не дрогнув, «открыли сначала батальный огонь», а затем пошли в штыки, «закричав ура, расстроили и прогнали неприятеля»¹²¹ до самого укрепления севернее деревни, которым овладела бригада генерала Дюфура из дивизии Фриана. 2-й батальон полковника Тимофеева попытался отнять высоту у французов, но сам полковник был ранен, а батальон отступил к полку, действиями которого стал руководить генерал-адъютант Васильчиков, прибывший сюда с остатками 12-й пехотной дивизии. Сен-При, не захотев, а может быть не успев добраться до перевязочного пункта, находился в каре Литовского полка. Он приказал полковнику Шварцу вновь отбить высоту. Полковник взял 1-й батальон, так как 2-й и 3-й «уже много претерпели убитыми и ранеными», и вновь ворвался на северную окраину деревни, но в эту минуту был смертельно ранен, и французы окончательно укрепились «на плато у сожженной деревни».

¹¹⁷ Норев А.С. Указ. соч. С. 356-357.

¹¹⁸ Цит. Попов А.И. Бородино. Хроника сражения. «Меж двух вулканов...». М., 1997. С. 14.

¹¹⁹ Там же. С. 24.

¹²⁰ Там же. С. 28.

¹²¹ Бородино. С. 147.

Генерал Коновницын рассказывал об атаках «железных людей» Наполеона немногословно: «Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер <...> отражены были с невероятным успехом, ибо несмотря, что кареи, устроенные оными полками, были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками»¹²². Сен-При, наблюдавший за происходящим, записал в Дневнике: «Тем не менее цель французов была достигнута, пехота их воспользовалась этой минутой беспорядка, чтобы овладеть деревней <...> Все наше левое крыло построилось позади деревни...»¹²³. Французы подвинули орудия через овраг, подвергая всю линию сокрушительному обстрелу. Гвардейские офицеры, выстоявшие «со сжатым сердцем» несколько часов на позиции у Семеновского, сознавались, «что уже не искали способа отражать наскоков французской кавалерии, прерывавших на время действия французских батарей. И кто поверит, что минуты этих разорительных наскоков были минутами отрады и отдыха!»¹²⁴. У самого генерала Коновницына пролетавшим мимо ядром оторвало обе полы сюртука

и «оконтузило в поясницу», но он оставался в седле. Бригадой Литовцев и Измайловцев, «покрывших себя в глазах всей армии неоспоримую славою», командовал полковник Храповицкий. Раненый в ногу осколком снаряда, он не покинул поле, пока не объехал все каре, поблагодарив подчиненных за службу.

Захватив деревню, войска Даву и Нея, поддерживаемые резервной кавалерией, «потянулись» к центральной высоте. Необходимо было принять срочные меры, чтобы приостановить неприятеля, дав возможность войскам перестроиться. Прежде 9.00 Кутузов принял предложение Толя нанести удар силами кавалерии по правому флангу неприятеля. В русской армии значение рейда кавалерийских корпусов Уварова и Платова оценивалось по-разному. Полковник Болговский утверждал: «Платов <...> исполнил это движение с такою точностью и спокойствием, что был замечен неприятелем только при выходе из дефиля в удалении приблизительно версты от его крайнего левого фланга. <...> Этот маневр Платова решил участь русской армии...»¹²⁵. В то же время В.И.Левенштерн отнесся к действиям русской кавалерии довольно скептически: «...Либо отданные приказания не отличались особенной точностью, либо генерал, которому было поручено произвести этот маневр, не был на высоте этого дела <...> движение было выполнено весьма неуклюже. Генерал Уваров, руководивший им, выказал себя человеком мало способным»¹²⁶. Сам Кутузов остался недоволен результатом рейда. Вернувшись Уварову он сказал, не глядя на генерала: «Бог тебя простит»¹²⁷. Заметим, что отряд силой в 2500 сабель вряд ли мог существенно повлиять на ход сражения, однако «развлек неприятеля», «несколько оттянув его силы, которые столь сильно стремились атаковать 2-ю нашу армию». Воины, сражавшиеся на левом фланге, заметили, что на какое-то время им сделалось легче дышать. Главным же следствием кавалерийского рейда явилось то, что неприятель на два часа приостановил атаки в центре.

Казак Бугского
войска.
1812-1816.
Рис. К.К.Пиратского.
ВИМАИВВС

Около 11.00 «в пожар и смятение левого крыла въехал человек на усталой лошади в поношенном генеральском мундире» – генерал от инфантерии Д.С.Дохтуров, принявший в командование войска 2-й армии, и немедленно потребовавший резервы. Сидя на барабане, он отдавал распоряжения спокойным и негромким голосом, и вид этого пожилого военачальника еще екатерининских времен успокоил солдат. По отзывам сослуживцев, генерал Дохтуров «в малом и тучном теле своем имел душу недоступную слабостям». Именно поэтому Кутузов назначил его руководить войсками левого крыла в самую тяжелую минуту. Левое крыло русской армии уступив «около 700 шагов» неприятелю, вновь занимало прочную позицию. Артиллерийские роты, расположенные вдоль фронта, подавляли неприятеля сокрушительным огнем, мешая вновь атаковать сильно поредевшую пехоту.

Около 14.00 на батарее Раевского или, как называли ее французы, Большой редут, стала надвигаться сильно поредевшая французская пехота Даву и Нея. Теперь настал час вступить в сражение всему 4-му корпусу Евгения Богарне. Но решающая роль в предстоящей схватке выпала на долю кавалерии. Неприятелю удалось сосредоточить здесь около 10 тысяч палашей и сабель. Русское командование

спешно пыталось создать новый оборонительный рубеж с наличными силами, которых к тому часу оставалось немного, и они располагались между двумя дорогами, опершись о высоты деревни Горки.

«Ключ позиции» защищала 24-я пехотная дивизия генерал-майора П.Г.Лихачева, находившаяся в овраге Огник. Сам генерал в этот день был сильно болен и находился среди своих войск, сидя на походном стуле. Но в такой день он отказался покинуть строй. Северо-восточнее редута в направлении деревни Горки располагались полки 7-й пехотной дивизии генерал-майора П.М.Капцевича, с нетерпением ожидавшие новой атаки. От редута до Семеновского, изогнувшись дугой, выстроился 4-й пехотный корпус Остермана-Толстого, невзирая на контузию, прибывшего к войскам с перевязочного пункта. Эта «бесподобная пехота» два часа находилась на равнине под перекрестным огнем и несла страшные потери, но «избежать этого важного неудобства», по словам Барклая, «было нельзя». Его адъютант Левенштерн с грустью отметил: «Ознакомившись с занимаемой им позицией, я убедился, что на этот корпус нечего особенно рассчитывать, но граф Остерман будет защищать свою позицию, как лев». Адъютант Ермолова Граббе предлагал русским воинам лечь на землю, что-

Рейд казаков М.И.Платова на левый фланг Великой армии при Бородино.
Худ. С.М.Зелихман.
Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник

¹²² Бородино. С. 168.

¹²³ Сен-При Э.Ф. Указ. соч. С. 156.

¹²⁴ Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 113.

¹²⁵ Бородино. С. 341.

¹²⁶ Левенштерн В.И. Указ. соч. С. 579-580.

¹²⁷ Бородино. С. 343.

**Сражение при
Москве-реке.
Смерть генерала
Коленкура.**

Литография К.Мотте
с оригинала
Ф.Гренье.
Государственный
Бородинский
военно-
исторический
музей-заповедник

бы уменьшить потери, но они отказались, предпочитая встретить смерть стоя.

Артиллерия тем временем продолжала делать свое дело. В записках Митаревского создана впечатляющая картина этого разрушения: «Против нас стояла линия неприятельских орудий: вправо они протягивались к Бородину, и был виден конец, влево же конца им не было видно за люнетом. <...> Не могу определить, на каком именно расстоянии были мы от неприятельских орудий, но мы могли наблюдать все их движения, видели, как заряжали, как наводили орудия, как подносили пальники к затравкам. Вправо от нас, на возвышении, стояла наша артиллерия и действовала; внизу, над оврагом, где мы прежде стояли, была тоже наша артиллерия, в числе которой находились другие 6 орудий нашей роты; с левой стороны от нас тоже гремела артиллерия. <...> Артиллерийская батареинная рота, стоявшая там во время нашего приезда, скоро поднялась назад. На место ее построилась другая. Покуда она

снималась с передков и выстроилась, сотни ядер полетели туда. Людей и лошадей стало, в буквальном смысле, коверкать. От лафетов и ящиков летела щепка. В то время, когда разбивались орудия и ящики, никакого треска слышно не было, — их как будто какая-то невидимая рука разбивала. Сделав из орудий выстрелов по пяти, рота эта снялась; подъехала на ее место другая — и опять та же история»¹²⁸.

Барклай де Толли вывел в первую линию отборные полки русской кавалерии — Кавалергардов и Конную Гвардию, сознавая, что этих сил недостаточно и сокращаясь, что центр русской позиции будет неминуемо прорван неприятелем. Но на помощь Кавалергардам и Конногвардейцам, кроме кавалерии Корфа, подоспели кирасиры Бороздина 2-го. Завидев приближающегося неприятеля, русские кавалеристы устремились навстречу. Это была великолепная атака! Очевидец вспоминал: «Был момент, когда поле битвы напоминало одну из батальных

картин <...> Сражение перешло в рукопашную схватку: сражающиеся смешались, не было более правильных рядов, не было сомкнутых колонн, были только более или менее многочисленные группы, которые сталкивались одна с другой <...>. Пехота, построенная в каре, едва не стреляла со всех фронтов одновременно. Личная храбрость и сообразительность имели полную возможность высказаться в этот достопамятный день...»¹²⁹.

Однако Курганная высота осталась в руках французов. В жестоком штыковом бою почти полностью легла дивизия Лихачева, но неприятелю казалось, «что она и мертвая продолжала защищать свой редут». Генерал Лихачев бросился на штыки, пожелав разделить общую судьбу. Со стороны неприятеля «остался в редуте» генерал О. Коленкур, пообещавший своему императору, что он будет там, живым или мертвым.

В 17.00 артиллерийские залпы на левом фланге постепенно стали затихать. До на-

ступления сумерек неприятель несколько раз пытался обойти позицию левого крыла между Семеновским и прилежащим к нему лесом, о чем сообщается в забытом историками рапорте Сиверса 1-го: «... Усмотрел я намерение неприятеля кустарниками, в несколько колонн пехоты и кавалерии следующего под прикрытием тиральеров обойти наш левый фланг, чрез это мог бы зайти в тыл всей нашей позиции и отрезать корпус генерал-лейтенанта Багговута...» Далее из рассказа Сиверса следует, что он «учредил батарею гораздо впереди позиций 2 армии на пригорке возле самого лесу...»¹³⁰. Причем Сиверс был там не один: «Наши же батареи с помощью других батарей на нашем левом фланге причинили большой вред как неприятельской батарее, так и его войскам». «Батарею Сиверса» по приказу генерала Багговута оборонявшуюся на Старой Смоленской дороге, прикрывали егеря Шаховского и Минский пехотный полк. Багговут откомандировал в помощь 6 орудий батарей-

**9-й линейный полк
в битве при
Москве-реке.
Взятие Централь-
ного редута.**
Худ. Ж.Леблан

¹²⁸ Митаревский Н.Е. Указ. соч. С. 62-63.

¹²⁹ Левенитерн В.И. Указ. соч. С. 578-579.

Кавалерийский бой у Курганной высоты.
Фрагмент.
Худ. Ф.А.Рубо и К.К.Беккер.
ВИМАИВиВС

ной роты № 4, и эту высоту Сиверс удерживал до глубокой ночи. Южнее на опушке леса с тремя батальонами лейб-гвардии Финляндского полка, согласно рапорту Лаврова, до глубокой ночи сдерживал натиск неприятеля генерал-адъютант Васильчиков, до этого командовавший последовательно 12-й пехотной дивизией, лейб-гвардии Литовским полком, к которым присоединились уцелевшие после утренного боя лейб-егеря.

* * *

В адрес Кутузова и Наполеона раздавались примерно одинаковые упреки в малоподвижности в день битвы. Участникам сражения подчас не хватало их присутствия на месте боя, что, по их мнению, сказалось на результатах сражения. Думает-

ся, не следует преувеличивать степень неосведомленности обоих полководцев: они вполне ориентировались в происходящем, получая донесения «самовидцев», являвшихся на командный пункт. «Война вообще есть дело такта», – справедливо заметил в этом случае Пеле. Надо ли было Кутузову стремиться туда, где командовали Багратион или Барклай? Появление Кутузова в «общей свалке» на левом фланге было бы чревато неприятностями: грузный и неповоротливый полководец мог лишиться коня в толпе сражающихся или получить ранение на глазах воинов, подобно Багратиону, что немедленно отразилось бы на моральном духе армии. В трусости его и так бы не заподозрили: его возраст и раны говорили сами за себя. Место Кутузова было на командном пункте. Если Наполеон старался выглядеть бесстрастным, выслушивая известия о гибели и ранениях маршалов и генералов, о потерях в войсках, то Кутузов не скрывал своих чувств. Он громко ахал, горестно качал головой, тяжело вздыхал, скорбно смотрел на подводы, увозившие раненых, при этом доставал платок и отирал им слезы. Он не скрывал своего восхищения мужеством подчиненных и благодарил их не жалея слов. По его приказу около 17.00 адъютант Граббе проехал вдоль фронта изнемогающих в битве людей, передав им благодарность Светлейшего и приказ на завтра атаковать неприятеля. Уставшие воины просили его сойти с лошади, обнимали и продолжали сражаться до наступления темноты.

Наполеон так и не ввел в бой гвардию. На наш взгляд он был абсолютно прав. Это был вовсе не тот рыцарский поединок, к которому он готовил себя и армию. Русские войска мстили ему за все те битвы, которые он перечислил в своем приказе перед сражением: за Аустерлиц и Фридрихсбург, за Витебск и Смоленск и, конечно же, за Москву. Наполеон начинал догадываться, что потеря Москвы для русского Главнокомандующего не имеет того значения, на которое он рассчитывал. Русские воины убивали его солдат, не заботясь о своей жизни. Потери русских в сра-

жении составили около 50 тысяч убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Войска Наполеона лишились около 35 тысяч, и эти потери не оправдывали результата. Сегюр писал: «Французские солдаты не обманывались. Они изумлялись тому, что так много врагов было перебито, так много было ранено, и так мало пленных. Не было даже 800! Обыкновенно по числу этих последних и определялся успех. Убитые свидетельствовали скорее о храбрости побежденных, чем о нашей победе. Если остальные могли отступить в таком порядке, гордые и не упавшие духом, то какая польза была в том, что поле битвы осталось в наших руках?»¹³¹.

Ни левый фланг русской позиции, ни центр, подавшиеся назад, не были ни прорваны, ни разбиты. «С запекшейся кровью на устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счет времени и все внешние

отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться – и дрались непрерывно, дрались отчаянно!.. – свидетельствовал Глинка. – Где было две тысячи, осталось две-три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и искалеченными телами защищали полковую святыню!»¹³².

«В сей день, Всемилостивейший Государь, – писал Багратион в своем последнем рапорте императору, – войско русское показало совершенную неустрашимость и неслыханную храбрость от генерала до солдата. Неприятель видел и узнавал, что русские воины, горящие истинною к тебе, Всемилостивейший Государь, и Отечеству любовью, бесстрашно все готовы пролить кровь, защищая Августейший твой престол и Отечество. День сей пребудет и в предбудущие времена знаменит редким героизмом русских воинов...»¹³³.

¹³⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 3561. Л. 23 23 об.

¹³¹ Сегюр Ф. Указ. соч. С. 42.

¹³² Глинка Ф.Н. Указ. соч. С. 113.

¹³³ Бородино. С. 110.

**Памятник
Лейб-Гвардии
Литовскому
полку на
Бородинском
поле.**

Арх. Ф.С.Былевский.
1912

Книги серии «Военный музей» и другие издания
ИЦ «Экспринт»
вы можете заказать через почтовую службу издательства

Наш адрес: 121552, Москва, а/я 26.

Тел./факс: 141-8312, 141-7377

[http: // www.m-hobby.df.ru](http://www.m-hobby.df.ru)

E-mail: Ex.Print@g23.relcom.ru

Со всеми подробностями можно ознакомиться,
запросив каталог почтовой службы

«С запекшейся кровью на устах, с почерневшими от пороха лицами, позабыв счет времени и все внешние отношения, они не знали, где находятся; знали только одно, что им надобно стоять и драться – и дрались непрерывно, дрались отчаянно!.. – свидетельствовал участник сражения. – Где было две тысячи, осталось две-три сотни! И те сиротами прижимались к своему знамени и искалеченными телами защищали полковую святыню!»

Книга посвящена одной из величайших битв мировой истории. Образы героев Бородинского сражения, их подвиги овеяны легендами, где правду часто подменяет вымысел. Автор предлагает по-новому взглянуть на планы русского командования при Бородине, хронологию битвы, характеры и взаимоотношения известных военачальников. Издание прекрасно иллюстрировано портретами, батальными сценами, типажам солдат и офицеров противоборствующих армий.

ISBN 5-94038-035-2

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭКСПРИНТ» • 2002

9 795940 380350